

СУД ПРОТИВ ВЛАСТИ

**САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ СУДЕБНЫЕ
ДЕЛА В ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ**

Адвокат Александр Гамбарян

**Эта книга посвящается моему
Учителю и наставнику, адвокату Алексу Лейбовичу.**

Look, Alex, I'm a swan!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие судьи Марата Дорфмана	5
Презумпция невиновности и игра в шашки	6
Быстрая справедливость и смертная казнь	9
Справедливое возмездие и банальность зла	12
«Он продал душу дьяволу» - вердикт, убивший человека	15
Бойня в Кфар Касеме и чёрный флаг беззакония над приказом	19
Свобода предпринимательства и неписанные права	21
Политический диссидент и школьный учитель	24
Свобода слова и государственная безопасность	27
Запрет партии и самооборона демократического государства	30
Кто настоящий еврей и как политики обхитрили суд	33
Еврей – национальность и/или вероисповедание	36
Смешанные браки и чужие законы	39
Нормальный человек и смерть в холодильнике	42
Мафия за Израиль и неблагодарность правительства	45
Уважаемый вор и путь из банкиров в ээки	49
Дискриминация, пытки в полиции и запоздалая справедливость	52
Квартирный вопрос и свобода митингов и демонстраций	56
Наркотики, клизма и человеческое достоинство	59
Израильская мафия и список Одиннадцати	62
Религия, государство, армия, телевизор и статус-кво	66
Нераскрытое убийство и раскаяние судьи	70
Банковский сговор и биржевой пузырь	74
Выбитые признания и национальный вопрос	77
Автобус номер 300 и преступники из госбезопасности	81
Свобода слова и национальный вопрос	85
Тайна журналиста и конфиденциальность источника информации	89
Бесплатные билеты и дискриминация сексуальных меньшинств	92
Свобода слова и тайны израильской разведки	95

Еврейская традиция и женское равноправие	99
Надпись на могиле и общественный договор	103
Военно-воздушные силы Израиля и женская служба	106
Хороший вкус и трудности перевода израильского мата	110
Государственная безопасность и пытки террористов	113
Еврейское государство и арабские граждане	117
Телевидение и ЛГБТ-Сообщество	120
Конституционная революция и военный трибунал	123
Империя чувств и порнография на экране	126
Борьба сутенёрами и современная работоторговля	130
Гуси, утки и другие животные	133
Частная тюрьма и «звериный оскал капитализма»	137
Покушение на убийство и пустые бутылки	141
Доктор-министр и его таблетки	145
Форс-Мажор и ожидание войны	149
«Гиюр» и право на репатриацию	153
Право на собственность и израильский колхоз	157
Иностранные рабочие и человечность	161
Подсудность армии и уничтожение террористов	165
Свободное согласие и защита женщин	169
Работающая мать и налогообложение	173
Равные права и разная зарплата	177
Ошибка президента и создание прецедента	180
Еврейское государство и африканский геноцид	184
От автора	188

Предисловие судьи Марата Дорфмана

Вашему вниманию представлена книга, написанная известным израильским адвокатом Александром Гамбаряном. В этой книге автор рассказывает о наиболее важных судебных решениях, которые были приняты судебными инстанциями в Израиле с момента создания государства в 1948 году и на протяжении многих последующих лет. Эти решения, касающиеся разных отраслей права (конституционной, гражданской, уголовной и др.), повлияли не только на формирование правовой системы Израиля, но и многие из них имели большое влияние на разные аспекты жизни израильского общества.

Александр Гамбарян взял на себя довольно непростую миссию, донести до читателя доступным языком судебные прецеденты, написанные судьями, которые используют в своих решениях сложные юридические формулировки и термины, и я осмелюсь с уверенностью сказать, что автор с этой миссией прекрасно справился.

Одно из главных достоинств этой книги заключается именно в том, что чтобы ее прочесть, совсем необязательно быть судьёй, адвокатом или иметь юридическое образование. Книга будет понятна любому читателю, которому интересна литература о судебной системе, судебском усмотрении и праве в целом.

При этом необходимо отметить, что книга привлекательна еще и тем, что, прочитав её, вы совершите экскурс в историю израильского права. Я также уверен, что для многих, кто ознакомится с ней, она непременно станет своего рода путеводителем по лабиринтам израильского правосудия.

Презумпция невиновности и игра в шашки

Дело 1/48 – Сильвестр против юридического советника правительства

Государство Израиль ещё не отметило свою первую годовщину, но суд уже идёт, и молодая независимая судебная система – наследник английской и турецкой – только начинает свою работу. Впервые Верховный суд заседает как заключительная инстанция по обжалованию уголовных дел, и первая апелляция подана английским инженером, признанным виновным в шпионаже.

Иерусалим разделён на две части – западная под контролем молодого еврейского государства, восточная под властью Иорданского королевства. Англичане, жившие в подмандатной Палестине, внезапно оказались разделены границами, и инженеры-электрики, которые обеспечивали бесперебойную подачу электроэнергии в Иерусалим, находились по разные стороны фронта. Фредерик Сильвестр остался на западе, но он продолжает созваниваться и переписываться с соотечественниками с востока, особенно с коллегами, – в силу привычки и общности электросети, которую надо постоянно чинить, ведь снаряды и бомбы повреждают линии передач, падают столбы, ломаются подстанции. У него даже есть приёмник и радиопередатчик – ни мейла, ни фейсбука, ни твиттера ещё не существует, а общаться и хочется, и надо.

Но контрразведка юного еврейского государства не дремлет, и болтун – находка для шпиона – сам попадает под подозрение в шпионаже. Ведь на допросе Сильвестр признаёт, что передавал коллегам на той стороне данные о повреждениях электросети, а это – секрет. Окружной суд Иерусалима подтверждает обвинения, и теперь электрик уже официально становится разведчиком. Быть осуждённым за шпионаж в военное время – удовольствие, прямо скажем, ниже среднего, и адвокаты подают апелляцию в Верховный суд.

Основные аргументы адвокатов сводятся к процедуре – неправильно поданное обвинительное заключение, недостаточно

чётко сформулировано обвинение и пропущены некоторые описания состава преступления. И вот здесь независимый израильский суд дистанцируется от породившего его английского с понятием «плодов отравленного дерева» (fruit of poisonous tree), согласно которому нарушения в уголовном процессе влекут за собой автоматическое непризнание всего, что из них выросло. Суд говорит, что **уголовный процесс – это не игра в шашки**, где один неправильный ход ведёт к проигрышу всей партии. Цель уголовного процесса, говорит Верховный суд в своём первом приговоре, это выяснение правды и наказание виновных, поэтому ничего страшного, что прокуроры немного ошиблись – вот мы их сейчас немного поправим, и всё путём.

Однако на этом, к радости адвокатов защиты и самого Сильвестра, судьи не останавливаются, и определяют важнейшую для всей уголовной системы концепцию – концепцию **разумного сомнения** (רפך סביר, reasonable doubt) – как неотъемлемую часть доказательства вины. Вот как объясняет это суд – «В случае, если из общих обстоятельств дела можно сделать вывод как в пользу обвинения, так и в пользу обвиняемого, и вывод в пользу обвиняемого, пускай и маловероятен, но всё же логически допустим, – следует признать подсудимого невиновным, так как обвинение не было доказано свыше всякого разумного сомнения».

Этими словами заложен фундамент израильского правового общества, в котором человека нельзя осудить по подозрению. Само понятие «разумное сомнение» идёт из глубины веков, но на английском языке впервые применилось в 1784 году, когда в Лондоне судья инструктировал жюри присяжных в суде над Ричардом Корбеттом, обвиняемом в поджоге. «Если у вас есть разумные сомнения в его вине, вы должны толковать их в пользу подсудимого», – сказал британский судья больше чем два столетия назад. С тех пор это стало составляющей частью уголовного правосудия, и мы себе не можем представить, чтобы человека осудили в случае, если, вероятно, он не преступник, и в этом огромная важность самого первого приговора Верховного суда Израиля – 1/48 Сильвестр против юридического советника правительства.

К сожалению, в современной реальности суды всё реже цитируют ту часть, которая говорит о несостоятельности обвинения без абсолютного доказательства вины, и всё чаще – фразу об игре в шашки, причём всегда в пользу обвинения, которому дают ещё и ещё шансы подправить свои аргументы, чтобы засудить человека. В последующих статьях мы увидим, что нет однозначных путей развития судебной системы – с одной стороны, суд ведёт общество в сторону свободы и принятия европейских либеральных ценностей, а с другой – выносит обвинительные приговоры, немыслимые по стандартам тех недалёких лет, когда Израиль был ещё совсем молодым.

Быстрая справедливость и смертная казнь

Дело без номера – Меир (Миша) Тувианский

Государство Израиль родилось 14 мая 1948 года, а уже 30 июня того же года в нём был вынесен и тут же приведён в исполнение первый смертный приговор. Об этом деле редко говорят, и даже адвокаты, специализирующиеся на уголовной защите, не все о нём слышали.

Миша Тувианский родился в Каунасе в 1904 году, там же закончил еврейскую гимназию и, отслужив в армии, в двадцатых годах уехал в подмандатную Палестину. В Палестине он служил и в полиции, и в армии, защищал евреев во время погромов и воевал с фашистами во время Второй Мировой. Он командовал отрядом в Хагане, и через полтора месяца после создания Государства Израиль привёл своих солдат и офицеров к присяге только что созданной Армии обороны Израиля. На следующий день он поехал в Тель-Авив и больше не вернулся.

Судьба его пересеклась с Иссером Беери, первым главой израильской военной разведки. Как и для многих других, виновных и невиновных, это пересечение стало трагедией. Беэри заподозрил Тувианского в шпионаже и измене – в то время произошла серия взрывов на базах водоснабжения, и появилось подозрение, что кто-то сливает информацию врагам. К Тувианскому послали посыльного, который срочно зазвал его на секретный брифинг, который на самом деле оказался допросом с пристрастием. Следствие длилось недолго – всего один допрос, на котором выяснилось, что Миша передал какой-то документ англичанам. То, что этот документ вообще не имел отношения к делу, и то, что по своей должности (он успел поработать и в МИДе) Миша должен был передавать англичанам документы, на дело не повлияло.

В тот же день Тувианского привезли в здание заброшенной школы, и там, в классе, творили скорый суд – военный трибунал. Тройка следователей с утра превратилась в тройку судей днём, суд был короток, адвоката, конечно же, не было, а приговор был ясен с

самого начала – расстрел. Без права обжалования. Немедленно. Не позволили даже написать несколько строк родным и близким – очень торопились. Расстреляли там же, у стены, и там же и зарыли в землю, без всякой могилы.

Вдове Тувианского и его семье ничего не сказали. Когда она стала его искать, её посылали оттуда сюда, и люди, лично вынесшие ему смертный приговор, объясняли, что о его судьбе никому ничего не известно. Год заняла борьба за реабилитацию, и 1 июля 1949 года глава правительства, Давид Бен-Гурион, написал вдове: «Ваш муж был невиновен, а приговор и его исполнение – трагическая ошибка». Был проведён повторный суд, в результате которого Миша Тувианский был не только посмертно реабилитирован, но даже повышен в звании (тоже посмертно).

А уже в октябре начался суд над Иссером Беери, и 22 ноября его признали виновным в убийстве Меира Тувианского. Принимая во внимание отсутствие злого умысла в действиях Беэри (ну что поделаешь, увлёкся) и его достойный послужной список (об этом ниже), суд назначил суровое наказание в 1 (один) день тюремного заключения, «от рассвета до заката», однако и это тяжёлое наказание тому не пришлось отбывать, так как в тот же день Беэри получил амнистию от первого президента Израиля, Хаима Вайцмана. Рассказывают, что суд и наказание очень расстроили Беэри, и он некоторое время сидел дома с очень огорчённым видом.

Что же до послужного списка, то Беэри мог похвастаться ещё и похищением и убийством члена Эцеля Ядидии Сегалю, а также похищением и 74 днями пыток Джуля Амстера (тот был ближайшим другом и соратником Абы Хуши, впоследствии ставшего мэром Хайфы, а тогда – политического противника Беэри), во время которых из Амстера пытались выбить признательные показания против самого Абы Хуши. Ну и ещё Беэри отдал приказ об убийстве Али Касема, араба – агента израильской разведки, потому как заподозрил его (как потом выяснилось, вообще без оснований) в попытке двойной игры.

Так закончилась одна из самых позорных глав в повести об израильской судебной системе. Как и обычно, «люди системы» - офицеры армии и госбезопасности – по чьей вине погибли люди, не понесли никакого наказания, кроме общественного порицания. Как и не раз случалось потом – о Кфар-Кассеме и 300-м автобусе будут отдельные истории) – президент был скор на помилование.

Смертная же казнь была с тех пор применена в Израиле лишь один раз – 31 мая 1962 года был повешен нацистский преступник, палач еврейского народа Адольф Эйхман.

Справедливое возмездие и банальность зла

Уголовное дело 40/61 – Государство Израиль против Адольфа Эйхмана

8 часов вечера, 11 мая 1960 года, Сан Фернандо, Аргентина. Сонный вечер аргентинского пригорода, где никто никуда не торопится и ничего никогда не происходит. На обочине дороги стоит машина с поднятым капотом, водитель возится с мотором, пассажиры – кто помогает ему, кто в машине, кто просто околачивается рядом. Мимо проходит Роберто Клемент, ничем не примечательный мужчина лет пятидесяти в очках, – и вдруг картина в одно мгновение оживает. С грохотом падает капот, водитель и пассажиры набрасываются на Клемента, который только и успевает, что приглушённо вскрикнуть – и тут же оказывается на заднем сиденье машины, зажатый между пассажирами и с мешком на голове.

Так окончилось бегство нацистского палача Адольфа Эйхмана, длившееся 15 лет, с окончания Второй Мировой войны в 1945 году. Сбежав из американского плена, отсидевшись в Германии и перебравшись из Европы в Аргентину, Эйхман зажил с семьёй под фамилией Клемент в тихом и спокойном аргентинском городке как удалившийся на пенсию бизнесмен или, скажем, чиновник. Эйхман и был в своём роде чиновником – только весьма высокого ранга. И должность у него была почётная – глава еврейского отдела в Министерстве безопасности Третьего Рейха. Глава отдела отвечал за окончательное решение еврейского вопроса, разрабатывал планы по очистке Европы от расово непригодных элементов (куда заодно с евреями попали и цыгане) и нёс перед фюрером личную ответственность за убийство миллионов людей.

Глава Государства Израиль, Давид Бен-Гурион, отдал приказ поймать нациста и доставить в Израиль, чтобы на еврейской земле он предстал перед судом и ответил за преступления, совершённые не только против еврейского народа, но и против человечности. 11 апреля 1961 года состоялось первое заседание суда в Иерусалиме, где Эйхману были предъявлены обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности. За свою

карьеру Эйхман не ограничился евреями и цыганами – он командовал уничтожением венгров, поляков, чехов – как он сказал на суде в свою защиту, он тщательно выполнял свою работу по борьбе с врагами Рейха. Во время процесса вокруг скамьи подсудимых соорудили будку из пуленепробиваемого стекла, дабы обвиняемого не пристрелили родственники его жертв (из которых, в общем-то, и состоял Израиль в те годы).

«Я не стою здесь один», – так начал свою обвинительную речь Гидон Хаузнер, Юридический Советник Правительства, выступивший прокурором на суде. «Со мной стоят шесть миллионов жертв подсудимого, которые не могут встать на ноги и указать пальцем на своего палача. Их пепел развеян по земле концлагерей, их могилы – по всей Европе, и их кровь вопит, но голос их не слышен. Поэтому я буду их голосом и за них выскажу эти ужасные обвинения».

Уже с самого начала процесс вызвал непредвиденные осложнения. Обвиняемому положен адвокат – однако ни один израильский адвокат, ни еврейский, ни даже арабский, не захотел защищать Эйхмана. А по закону выступать в израильском суде имеет право только израильский адвокат. И тогда Юридический Советник Правительства дал специальное разрешение доктору права Роберту Серватиусу, немецкому адвокату, вести защиту на этом процессе.

Защита не могла оспорить подтверждённые тысячами свидетелей и документов факты того, как под началом Эйхмана, под его командой и по его планам методично убивали миллионы невинных жертв. Защита строилась на вопросах процедуры – есть ли у израильского суда юрисдикция, и заведомо провальной защите «я выполнял приказы», которая уже не сработала на Нюрнбергских процессах, где нацистов защищал тот же доктор Серватиус.

Суд отклонил доводы защиты – процедура не может служить защитой в таком деле, а юрисдикция была подтверждена. Суд сказал, что главное – что подсудимый уже здесь, а как он попал в

Израиль – его это не касается (впоследствии тот же принцип сработал против похищенного в Риме атомного шпиона Мордехая Ваануну). Что же до ретроактивности закона о преследовании нацистских преступников от 1950 года, то принцип ретроактивности основан на справедливости, чтоб внезапно, задним числом не создавались новые преступления, которые раньше таковыми не считались. Убийство шести миллионов человек – это не то деяние, которое невозможно заранее предсказать как преступное. А выполнение приказов – не защита в таком деле, особенно когда выясняется, что подсудимый сам отдавал приказы, инструкции и распоряжения. Да и сама защита «я выполнял приказ» была отвергнута израильским судом ранее в деле о бойне в Кфар Касеме, речь о котором пойдёт в следующей статье.

Три дня зачитывал суд приговор, по которому Эйхман был признан виновным по всем статьям. Впервые гражданский суд вынес приговор о применении к подсудимому высшей и исключительной меры наказания – смертной казни. 31 мая 1962 года Эйхман был повешен, его тело сожгли, а пепел развеяли в море, вне израильских территориальных вод.

Под впечатлениями от процесса философ Ханна Арендт написала известную книгу «Банальность зла». Анну поразило то, что вопреки её ожиданиям Эйхман был не чудовищем, не вампиром, не садистом – он был просто бюрократ-середнячок, оппортунист, делавший свою работу. Практически обычный человек. Каким может стать каждый из нас, если не будет слушать самый главный голос – голос своей совести.

«Он продал душу дьяволу» - вердикт, убивший человека

Уголовное дело 124/53 – юридический советник правительства против Гринвальда

Израэль – урождённый Рудольф - или Ружё по-венгерски – Кастнер родился в 1906 году в Венгрии, бывшей тогда частью Австро-Венгерской Империи, в городе Клуж, что в северной Трансильвании. У самого места его рождения судьба сложилась непростая – Трансильвания, известная как родина графа Дракулы, переходила от Венгрии к Румынии туда и обратно несколько раз, окончательно оставшись в составе Румынии в 1945 году. До сих пор многие пожилые венгры, услышав, что речь идёт о румынах, ругаются – «они забрали у нас Трансильванию»!

Кастнеру было 15 лет, когда он вступил в ряды молодёжного сионистского движения, и впоследствии он возглавил его в родном городе. В столичный университет его не приняли из-за процентной нормы, и звание доктора юридических наук Кастнер получил в своём городке. Впрочем, юристом он работать не стал, хотя и вступил в Палату адвокатов (умный был мужик), а устроился в газету сперва спортивным, а потом и политическим обозревателем. Журналистом он был отличным и даже умудрялся, будучи евреем, интервьюировать махровых антисемитов-железнодорожников – как ещё назвать членов антисемитской «Железной гвардии», основной опоры фашистов?

Параллельно с журналистской деятельностью Кастнер занимался и общественно-сионистской, возглавлял еврейские организации, был секретарём еврейской фракции в румынском парламенте и вплоть до 1940 года, пока Трансильвания в очередной раз не отошла к Венгрии, вёл активную общественную жизнь. С переходом же под венгерскую власть всё изменилось, и первым делом Кастнера исключили из Палаты адвокатов из-за его еврейского происхождения – однако еврейскую деятельность он продолжал, и с 1942 года возглавил венгерское сионистское движение.

В 1941 году Кастнер начал деятельность по помощи еврейским беженцам в Венгрии, и в 1943 основал Будапештский комитет Помощи и Спасения. По роду деятельности комитета он очень плотно работал с нацистами, ведь для того, чтобы спасти евреев, надо было выбивать у немцев визы, разрешения на перемещения и прочее – что без долгосрочного и тесного сотрудничества не представлялось возможным – и использовал своё юридическое образование и смекалку на полную катушку. Так, в 1944 году он убедил фашистов, что 600 сертификатов на иммиграцию в Палестину на самом деле не именные, а семейные, и организовал целый поезд, на котором уехали от верной гибели 1,684 человека – поезд, впоследствии получивший название «поезд Кастнера».

В 1947 году Кастнер репатриировался в Израиль (тогда ещё бывший Палестиной) и продолжил заниматься политической деятельностью – стал пресс-секретарём министра торговли и даже пытался (правда, безуспешно) избираться в кнессет. А в 1952 году журналист по имени Михаэль Гринвальд написал статью, в которой расписывал деятельность Кастнера совсем в другом свете – мол, тот сотрудничал с нацистами и помогал им в уничтожении евреев. «Запах мертвечины исходит от Рудольфа Кастнера, и он подлежит уничтожению», – написал Гринвальд.

Министр, у которого работал Кастнер, и юридический советник правительства убедили его подать официальную жалобу на журналиста, и начался редкий процесс – уголовное, а не гражданское разбирательство по делу о клевете. Как это и бывает, процесс над клеветником превратился в процесс над тем, кого оклеветали, и фактическим обвиняемым стал Кастнер. Адвокаты подсудимого постарались на славу, и самый громкий суд того времени закончился полным оправданием Гринвальда и мрачными выводами относительно Кастнера.

В решении суда от 22 июня 1955 года, признавшем Гринвальда невиновным, было выражение, мгновенно разлетевшееся по всем газетам. «Кастнер продал душу дьяволу», – написал судья Биньямин А-Леви, – «он сотрудничал с нацистами, готовил почву для массовых убийств евреев и принимал в них участие если не прямо, то косвенно». Общественное мнение в Израиле разделилось на две части – одна бичевала Кастнера и клеймила его позором, а

другая часть, в которой были и те, кто прошёл войну и Холокост, говорила, что нельзя давать оценку действиям человека в той ситуации, в ней не побывав. «Судья, не переживший такого, вообще не может судить о таких вещах», – говорили те, кто испытал это на своей шкуре.

В январе 1957 года Кастнер подаёт обжалование в Верховный суд, а 4 марта 1957 года его застрелили. Трое молодых людей, поклонников крайне правой идеологии, ждали его около дома и расстреляли в упор. Убийц нашли и судили, дав каждому пожизненное заключение, правда отсидели они всего по 7 лет, впоследствии будучи помилованными президентом. А обжалование шло своим чередом, и деятельность Кастнера разбиралась на нём уже без него. Надо сказать, что инстанция по обжалованию не заслушивает свидетелей и не разбирает новых доказательств, а вся её работа сводится к проверке правильности юридических выводов, сделанных судом низшей инстанции из предоставленных ему свидетельств, поэтому отсутствие главного фигуранта дела не помешало правосудию.

Десять месяцев спустя суд вынес решение. Мнения судей разделились. 194 страницы написал доктор Шимон Агранат в решении, полностью отвергшем прошлый приговор суда. Имя Кастнера было очищено от всех подозрений, и судья восхищался его деятельностью в непростое время и в ситуации, когда надо было найти тот тонкий баланс между сохранением хороших отношений с нацистами (иначе как добиться от них сотрудничества) и делом спасения тысяч евреев. Тем не менее, были и другие мнения судей – от «коллорабационист, запятнавший свою принадлежность к еврейскому народу» до «действовавший небрежно и неосмотрительно».

Михаэль Гринвальд, со статьи которого всё и началось, дожил до 1968 года, неоднократно извинялся перед героями своих публикаций, был судим за мошенничество при получении компенсации из Германии и пережил погибшего на войне сына и покончившую жизнь самоубийством дочь. Противоречивая же личность Исраэля Кастнера до сих пор неоднозначно воспринимается израильским обществом. Так, в 1993 году мэрия Тель-Авива планировала назвать улицу его именем, однако из-за протестов так и не приняла этого решения. И до сих пор не утихают споры историков, журналистов, детей и внуков всех причастных к этой истории, кто же такой был Исраэль Кастнер – герой,

ежедневно рисковавший жизнью ради спасения тысяч евреев, или пособник нацистов, наживавший состояние на трагедии народа.

Бойня в Кфар Касеме и чёрный флаг беззакония над приказом Дело 3/57 – военный прокурор против майора Мелинки

В октябре 1956 года Израиль был на грани войны. Надвигалось очередное противостояние с Египтом в Синае, и были опасения, что в военные действия вступит и Иордания. Военное руководство страны приказало ввести комендантский час в пограничном с Иорданией районе, известном как «арабский треугольник». Арабская деревня Кфар Касем находилась внутри этого района и попала под приказ.

Первоначально предполагалось, что комендантский час начнётся 29 октября в 9 часов вечера, но полковник Шедми, ответственный за район, решил ввести его на несколько часов раньше, с 5 часов вечера. Мухтаров – глав деревень – оповестить об этом не получилось, сотовых телефонов и интернета ещё не было, да и оказалось как-то не до того в спешке. Когда начальство отдавало приказ, офицеры спросили – так ведь в это время народ ещё с работы возвращается, что делать? На это им был дан ответ – «Аль ирахмо», Аллах пожалеет – благословение над мёртвыми в Исламе.

Вооружённые, вдобавок к обычному вооружению, таким напутствием, отряды Армии обороны Израиля и пограничные войска приступили к выполнению приказа. Всего на территории было 8 деревень, и семи повезло – офицеры, командовавшие отрядами, не приняли всерьёз сентенцию полковника – часть вообще ввела комендантский час в 9, как и предполагалось изначально, а другие провожали припозднившихся арабских рабочих до домов, чтобы проследить за выполнением. И только погранотряд майора Мелинки, ответственный за Кфар Касем, взялся за дело, как он и приказал своим солдатам, «без сантиментов». Солдаты останавливали всех, кто возвращался с работы домой, и убивали. Всего убили 43 человека, из них 9 женщин (одна из них была беременна) и 17 детей. Ну и ещё четверых пристрелили в самой деревне.

Правительство во главе с Бен-Гурионом очень хотело замять эту неприглядную историю. Саму деревню оцепили и никого не впускали и не выпускали, а на публикацию наложили запрет посредством военной цензуры. И только два депутата-коммуниста, Вильнер и Туби, еврей и араб, собравшие свидетельства и с

трибуны кнессета рассказавшие о бойне, сделали её достоянием общественности.

В начале 1957 года военная прокуратура передала в суд дело 11 солдат и офицеров, убивших 47 мирных жителей (арабские источники добавляют к этим цифрам неродившегося ребёнка убитой беременной женщины и старика, умершего от разрыва сердца в тот момент, когда он узнал о гибели своего сына). Приговор был вынесен в октябре 1958 года. Несмотря на длительные – от 7 до 17 лет – сроки заключения, к которым были приговорены убийцы, отсидели они меньше года, выйдя по президентскому помилованию, а сам срок они провели не в тюрьме, а в хостеле гостиничного типа.

В приговоре суда Биньямин Алеви, один из талантливейших израильских судей, положил начало израильской доктрине «в высшей степени незаконного приказа» - приказа, исполнять который солдат не имеет права. Как отличить такой приказ от просто незаконного, который надо сперва исполнить, а потом обжаловать? Незаконный в высшей степени приказ – это тот, признак незаконности которого развеивается над ним чёрным флагом с надписью «СТОП!», это такой приказ, преступность которого режет глаза и возмущает сердце, если глаза не слепы, а сердце способно чувствовать. Такой приказ нельзя выполнять, и ссылка на него не освободит от ответственности. Впоследствии нацистский преступник Адольф Эйхман пытался оправдаться, ссылаясь на выполнение приказа – но приказы, которые он выполнял, подходили под определение, данное судьёй Алеви.

В результате огласки, которую получило дело, была сформирована правительственная комиссия, и в ноябре 1957 года в Кфар Касеме произошла «сульха» - ритуал примирения в соответствии с арабской традицией, когда стороны забывают о своих обидах и торжественно клянутся отказаться от кровной мести. Государство выплатило семьям погибших компенсации. А полковника Шедми, который отдал изначальный приказ, тоже, кстати, судили, и даже признали виновным, приговорив к штрафу в 10 прутот (копеек), после чего он продолжил долгую и успешную военную карьеру.

Свобода предпринимательства и неписанные права Багац 1/49 – Бежерано против министра полиции

1949 год, в Израиле вводится новая инстанция – Багац (иврит: Бейт Амишпат Агавоа Лецедек), Высший суд Справедливости. Когда простой человек хочет пожаловаться на произвол государства и его чиновников, Верховный суд открывает свои двери, и в качестве Высшего суда Справедливости заслушивает его претензии.

Первое же дело становится знаковым и прецедентным. Соломон (Шломо) Бежерано обретается в отделе по выдаче прав и техосмотров, курируемым полицией. Он помогает людям – небезвозмездно, конечно же, – провести техосмотр и получить техпаспорт на машину. Нет, речь не идёт о взятках, он просто экономит людям время, потраченное на стояние в очередях, и хлопоты, неизбежно возникающие при любых делах, связанных с чиновниками. На простом еврейском языке называется эта профессия «махер» - типа маклера по-современному.

Новорождённой израильской полиции не понравилось, что какой-то неоформленный и официально никуда не прикрепленный и нелицензированный человек крутит-мутит в их транспортном отделе. Вроде бы и вреда от него никакого, но ведь выходит как-то неаккуратненько, и министр своим указом запрещает (чиновники же больше всего любят запрещать) Бежерано и ему подобным заниматься своей деятельностью.

Бежерано возмущён – ничего другого он делать не умеет, и вообще при англичанах такого не было, и жить теперь как и на что? И вот подан первый в Израиле Багац – обращение в Верховный суд с просьбой образумить министра и запретить ему запрещать.

Багац – так называется Верховный суд Израиля, в своей ипостаси Конституционного суда, а также апелляция, поданная в этот суд.

Министра защищает прокуратура, и она убедительно объясняет суду, что министр в своём праве – нет такой профессии «махер», и вообще весь отдел в ведении министерства полиции, поэтому им и решать, что разрешать, а что запрещать, а всякие махеры только создают вокруг процесса получения документов на машину ненужную суету и мешают простым гражданам, не говоря уже о чиновниках, у которых встроенная в систему аллергия на любую нерегулируемую деятельность.

Суд внимательно – тогда Верховный суд ещё не был перегружен, как затонувший корейский паром, – выслушал обе стороны. В своём прецедентном решении судья Берензон, умевший уместить важное и обоснованное решение на нескольких страницах, не растягивая его на сотню-другую, принял сторону Бежерано. На аргумент министра о том, что от деятельности махеров сильно страдают простые хозяева машин, суд сказал – пусть придут сами и скажут, как они страдают. Но самое интересное – это ответ на аргумент министра «в своей вотчине мы можем запретить».

Государство, сказал суд, имеет право делать только то, что разрешено ему законом. А граждане – наоборот, имеют право на всё, что не запрещено. И никакого здесь неравенства – государство с его правительством, армией чиновников и полицией заведомо сильнее любого гражданина, поэтому неравенство если и есть, то оно изначально не в пользу граждан. Этот базисный принцип с тех пор положен в основу правовой системы Израиля и является базой свободного гражданского общества. Так что если министр и может что-то запретить, то только в рамках данных ему кнессетом полномочий, а таких полномочий в законе нет.

Но не только об общей свободе говорит судья Берензон. В частности, есть свобода предпринимательской деятельности – в то время о ней не было никаких упоминаний в законах, поэтому Берензон пишет о ней, как о само собой разумеющемся праве каждого человека, называя её «естественным правом, не описанным в книгах, но вытекающим из права человека на заработок». Это определение прожило в Израиле аж до 1992 года, когда кнессет принял «Основной закон о свободе

предпринимательской деятельности» в рамках так называемой «конституционной революции».

О важности этого права говорит хотя бы то, что произошедшая в 1992 году «конституционная революция» (названная так потому, что самой конституции в Израиле нет, и её заменяли, как в Англии, основные прецеденты Верховного суда) состояла из двух основных законов – «Закона о свободе предпринимательской деятельности» и «Закона о чести и свободе человека».

Бежерано вернулся к своей трудовой деятельности, и махеры продолжили беспрепятственно работать до 1981 года, когда министерство транспорта, в ведение которого перешла регистрация автомобилей, не попыталось снова дать им от ворот поворот. И снова Багац (337/81 Митерани против министра транспорта), и снова махеры выигрывают – министерство имеет право запрещать что-то только в случае, когда это право специально прописано в законе. Так они и работают до сих пор, в основном с бизнесами, а простые граждане не пострадали – не такая уж долгая очередь на регистрацию, можно потерпеть.

Политический диссидент и школьный учитель

Багац 144/50 – Шайб против министра обороны

Становление Израиля прошло под знаком социализма, и первые годы в стране безраздельно правила социалистическая партия под бессменным руководством Давида Бен-Гуриона. Первый премьер молодого государства, чьё имя стало синонимом независимости, проложил путь к становлению демократии и законности и до сих пор возглавляет список самых уважаемых политических деятелей Израиля. Наладив государственную машину, он неоднократно пытался удалиться на покой, однако общество снова и снова просило его вернуться к управлению государством – политика такого масштаба в Израиле никогда не было, и вплоть до 1970 года он занимал посты от главы правительства и министра обороны до депутата кнессета.

Исраэль Шайб (Эльдад) был одним из самых известных противников Бен-Гуриона за всю историю израильской политики. Родившийся в еврейском местечке в Галиции и получивший прекрасное образование – степень доктора философии в Венском университете – Шайб был приверженцем националистической идеологии. Если делить политиков, как принято, на голубей и ястребов, Шайб был ястребом среди ястребов.

Во время Британского мандата три основные еврейские организации вели вооружённую борьбу за основание еврейского государства – Хагана (в переводе - оборона), впоследствии положившая начало Цахалу (Армии обороны Израиля), Эцель – Военно-национальная организация, и Лехи – Борцы за свободу Израиля. Стратегия Хаганы соответствовала своему названию, и организация не занималась террористической деятельностью, что не удовлетворяло некоторых бойцов. В 1931 году был создан Эцель, принявший более агрессивную идеологию, а в 1940 году недовольные умеренностью Эцеля (к тому времени признанного англичанами террористической организацией) бойцы создали Лехи – самое боевое крыло еврейского сопротивления, известное также под английским названием Stern Gang – по имени Яира Штерна, основателя и руководителя.

В Лехи и перешёл Исраэль Шайб, где с 1942 года возглавил идеологическое направление. Главными врагами еврейского народа Шайб, как и многие руководители Лехи, видел не фашистов, а англичан, – и призывал отказаться от борьбы с нацистским режимом и переключиться на военную борьбу с английскими оккупантами Палестины. Именно верхушка Лехи пыталась наладить связи с фашистами и даже вынашивала планы на сотрудничество – как в иммиграции евреев в подмандатную Палестину, так и в военном сотрудничестве с Вермахтом против англичан.

После создания государства Израиль и присоединения бойцов Лехи к Армии обороны Израиля Шайб, взявший свою подпольную кличку Эльдад как фамилию, продолжил заниматься борьбой за право еврейского народа на единую и неделимую Палестину (Эрец Исраэль). Его взгляды, воинственно-националистические, настолько сильно расходились со взглядами Бен-Гуриона, что между ними началась непримиримая вражда. В те годы Бен-Гурион и его окружение правили Израилем твёрдой рукой, и несогласным с политикой партии и правительства приходилось туго.

Политическая деятельность не кормила Эльдада, и он решил устроиться школьным учителем – и тут Бен-Гурион, занимавший также должность министра обороны, запретил ему преподавать в школе. «Он призывает к использованию оружия против Армии обороны Израиля и против правительства», – писал Бен-Гурион в объяснении запрета. Эльдад был вынужден обратиться в Багац с требованием снять запрет.

В таком громком и насыщенном политикой деле Багац руководствовался исключительно административным правом, не привнося, даже на заметках на полях решения, ничего постороннего. Два юридических принципа были поставлены во главу угла – принцип независимой юрисдикции государственных институтов и принцип законности управления государством. Согласно первому, министр образования не имел права передавать свои полномочия никому – даже министру обороны, даже если это

был сам Бен-Гурион. А согласно второму принципу, государство и его чиновники имеют право делать только то, что чётко прописано в законе, – и если закон не даёт однозначного разрешения на какое-то решение, это решение является незаконным. Закон не предусматривает административного решения о том, чтобы закрыть перед учителем двери школы – и возможность заработать на жизнь.

«Государство Израиль основано на власти закона, а не на власти людей», – подвёл черту под делом Верховный суд, добавив: «Слава Богу, законность в Израиле ещё существует». Несмотря на победу в суде, места в школе доктор Шайб-Эльдад так и не получил, да и ни в одну другую школу его не брали – закон законом, а связываться с Бен-Гурионом ни один директор школы не решился.

Решение по делу Шайба стало прецедентом, ограничивающим противоправные действия чиновников, – однако ему самому оно не помогло, и Шайб устроился не в школу, а в Хайфский политехнический институт («Технион»), где преподавал гуманитарные дисциплины на протяжении более 15 лет и неоднократно избирался студентами как самый популярный лектор этого престижного учебного заведения.

Свобода слова и государственная безопасность

Багац 73/53 – Коль А-Ам против министра внутренних дел

К 1953 году Израиль окончательно перестал дружить с Советским Союзом и перешёл в американский лагерь. Для страны, созданной социалистами и воевавшей за независимость советским оружием, поставленным через Чехословакию, это был очень крутой поворот, и коммунистическая партия была в то время серьёзной силой. Как водится, у каждой уважающей себя партии есть газета – её рупор, и таким рупором была газета «Коль А-Ам», в переводе – «Глас Народа».

В те времена Америка вела войну в Корее, и каждой стране надо было определиться, с кем же она дружит – с коммунистами или с капиталистами. Израиль сделал свой выбор, и в 1953 году в газете А-Арец появилась новость о том, что глава государства Бен-Гурион договорился с США об отправке 200 тысяч израильских бойцов на войну в Корею. Новость оказалась высосана из пальца, да и её абсурдность была понятна каждому думающему человеку – однако её было достаточно для того, чтобы вся израильская прогрессивная общественность была возмущена империалистическими планами подлых капиталистов. В Гласе Народа опубликовали редакторскую статью, где не скупилась на «комплименты» правительству.

«Правительство Бен-Гуриона открыто присоединилось к лагерю разжигателей мировой войны», – гласила передовица. Фразы вроде «они торгуют кровью нашей молодёжи» и прочая коммунистическая риторика очень опечалили правительство, и министр внутренних дел вспомнил о том, что было ещё до создания государства. А до объявления независимости Палестина была британской колонией, на которую у Англии был мандат от Лиги Наций. И, соответственно, законы здесь были английские, только и не законы даже, а указы короля, потому что парламент Соединённого Королевства имел юрисдикцию только в Великобритании, а колонии управлялись лично Его Королевским Величеством.

В своё время Его Величество позаботился об общественной безопасности и издал указ, позволяющий закрыть газету особым распоряжением министра, если этого требует безопасность государства. Министр внутренних дел государства Израиль решил воспользоваться очень кстати вытащенным из архивов указом (на основании которого англичане закрывали еврейские газеты, призывавшие к независимости и созданию еврейского государства) и дал приказ – закрыть коммунистический Голос на десять дней, дабы госбезопасность не пострадала от распространения кровавых наветов на наше дорогое правительство.

Газета не смогла молчать – ну как же замолчит глас народа? – и подала в суд. Несмотря на то, что право закрыть газету было чётко прописано в оставшемся ещё с подмандатных времён законе, адвокаты газеты утверждали, что министр внутренних дел воспользовался этим правом не по праву – то есть превысил свои полномочия. Непонятно, говорили они, каким образом передовица в газете, хоть и основанная на ложных слухах, может привести к серьёзным проблемам с безопасностью государства.

Небольшое отступление. Когда американцы приняли конституцию, они вдруг заметили, что чего-то там не хватает. Это что-то – определение прав и свобод граждан – было добавлено в виде десяти основных поправок к конституции, и с тех пор, когда ссылаются на конституционные права и свободы, упоминают именно эти поправки. Самая первая поправка, номер один, – это право на свободу слова, что говорит о том, насколько важно это право в демократическом обществе.

И вот Израиль, молодая демократия, столкнулся с проблемой свободы слова, а конституции-то нет. Судья Агранат – один из титанов израильской юриспруденции – ввёл понятие о балансе интересов. Простыми словами говоря, надо всё тщательно взвесить. Понятно, что в демократическом государстве – а то, что Израиль им является, написано даже в Декларации независимости, да и жизнь в диктатуре как-то никого не прельщала – свобода слова является основным правом граждан, правом конституционным даже в отсутствие самой конституции. Но каждое

право не безгранично, и здесь оно сталкивается с правом народа и государства на безопасность. И суд начал взвешивать.

С одной стороны у нас безопасность, с другой - свобода слова. Насколько опасна была статья? Содержался ли в ней призыв к насилию? Есть ли очень высокая вероятность, что газета разожжёт гражданскую войну? Когда на эти вопросы был дан отрицательный ответ, суд сказал – теоретическая вероятность опасности не может заставить замолчать оппозиционную газету, ибо в демократическом обществе рупор оппозиции – это важнейший инструмент сдерживания власти, а сдерживать её надо. И даже если слухи оказались ложными, а отправка двухсот тысяч на фронт – это дурацкая журналистская утка, и зазря газета ругает правительство в сильных выражениях, демократии важна критика, даже несправедливая – иначе возникает угроза диктатуры.

Газета коммунистов выходила ещё долго, и тихо скончалась в 1975 году ввиду отсутствия спроса на коммунистические идеалы. А в домах у израильских пенсионеров до сих пор можно увидеть портреты и бюсты Ленина и Сталина, оставшиеся с тех времён, когда Советский Союз казался светочем и оплотом свободы всего прогрессивного человечества.

Запрет партии и самооборона демократического государства

Дело 1/65 – Ередор против главы избирательной комиссии в кнессет шестого созыва

В 1959 году группа арабских деятелей основала движение Эль-Арад, целью которого стало уничтожение Государства Израиль как национального дома еврейского народа. Из-за этой официально заявленной цели движение было объявлено вне закона и запрещено. А спустя шесть лет, ровно перед выборами в кнессет шестого созыва, члены этого движения создали политическую партию под невинным названием «Социалистический Список», и даже поставили во главу еврея – Якова Ередора, который был настолько коммунистом, что даже в коммунистической партии не нашлось ему места.

Избирательная комиссия рассмотрела заявление Социалистического Списка на регистрацию, и отклонила его напроочь. «Мы не собираемся допускать до выборов в кнессет партию, которая этот самый кнессет собирается разогнать, да и всю страну расформировать», - сказал глава комиссии судья Моше Ландой. Однако назвать закон, в соответствии с которым он имеет право на такой запрет, Моше не смог, и партия решила обратиться с протестом в Верховный суд.

В Верховном Суде избирком представил свои аргументы. Во-первых, никакого Социалистического Списка на самом деле не существует, а есть незаконное движение Эль-Арад, которое получило рекомендацию из Египта зарегистрироваться партией и таким образом получить парламентскую неприкосновенность. Это им в прямом эфире радио Каира посоветовали. А во-вторых, негоже пускать в кнессет маргиналов.

Мнения в суде разделились. Судья Коэн, старейший и мудрейший, рекомендовал принять обжалование и зарегистрировать «социалистов» - во-первых, нет закона, дающего избиркому право не допускать до выборов партию из-за её идеологической

платформы, а во-вторых, даже если бы такой закон и был, необходимо было бы доказать, что партия ставит под реальную непосредственную угрозу существование еврейского государства. Рекомендовал – потому что его рекомендацию не приняли двое остальных судей, которые решили не в пользу социалистов.

Судьи Агранат и Зусман постановили – раз само по себе движение Эль-Арад незаконно, а Социалистический Список – это всего лишь прикрытие, фиговый листок, у избиркома есть не только право – у него есть обязанность не допускать такую партию до выборов. Судья Зусман сравнил государство с человеком (эту аналогию проводил ещё Гоббс, когда говорил, что государство – это организм, и сравнивал различные органы государственной власти с частями тела живого организма). И как у человека есть право на самооборону, так и у государства есть такое право.

«Демократия не есть вседозволенность», – сказал суд, и хотя критика и политический плюрализм являются необходимыми и неотъемлемыми признаками демократии, беспредела допускать нельзя, а выбирать в кнессет депутатами людей, целью своей жизни поставивших уничтожение государства, – это уже беспредел.

В 1984 году тот же вопрос возник снова, когда движение Ках – расистское еврейское движение, выступавшее за введение режима апартеида в Израиле, – отказались регистрировать на выборах. Так как оно не преследовало цели уничтожения государства Израиль, а «всего лишь» отрицало его демократическую составляющую (демократия и апартеид вместе ну никак не уживаются), суд решил дело в пользу расистов, заодно порекомендовав кнессету принять закон на эту тему. Расисты в кнессет не попали, а закон таки приняли, и в 1988 году, когда их снова вычеркнули из избирательных списков, суд решил уже по закону – таких не берут в депутаты, и оставил в силе решение избиркома о недопущении партии Ках к выборам.

Так израильская демократия защищает не только само существование государства, но и его основную – демократическую

– составляющую. И, как это ни парадоксально, для того, чтобы защитить свободу, необходимо её ограничивать. Но подходить к этому, как постановили судьи и в 1965, и в 1984, и в 1988 годах, нужно с крайней осторожностью, ибо слишком велика опасность скатиться в запретительство и диктатуру под видом борьбы за демократию.

А Социалистический Список и движение Ках со временем как-то сами собой исчезли, растворились в бурном море израильской политики. Хотя никто не знает, что бы было, дай им волю Верховный суд – существовал бы сейчас Израиль вообще или, быть может, стал страной апартеида?

Кто настоящий еврей и как политики обхитрили суд Багац 58/68 – Биньямин Шалит против министра внутренних дел

Декларация независимости, положившая начало государству Израиль, говорит о том, что Израиль – еврейское государство, и что все евреи мира имеют право на гражданство и репатриацию (Алию) в страну предков. В 1950 году был принят закон о возвращении – имеется в виду, что евреи не эмигрируют, а возвращаются домой. В законе было определено право каждого еврея на репатриацию, но не было сказано, кого же можно считать евреем. За то, кого считать и записывать евреем, отвечало – и до сих пор отвечает – министерство внутренних дел.

Сперва министр внутренних дел Исраэль Бар-Йеуда (как и многие основатели государства, социалист родом с Украины) дал указание чиновникам МВД записывать евреем любого ребёнка, родители которого просят записать его евреем. Несмотря на то, что впоследствии к этому добавили условие – «не поменявший веру», это решение привело к развалу правительственной коалиции, из которой, хлопнув дверью, ушла религиозная партия Мафдаль – они не могли смириться с тем, что евреями можно считать кого попало, а не только галахических евреев – детей матери-еврейки.

Из-за разразившегося в правительстве и политической системе кризиса Бен-Гурион решил внести ясность в еврейский вопрос и обратился к «50 еврейским мудрецам» - раввинам, философам, писателям и учёным по всему миру. «Кого можно и нужно считать евреем?», – спрашивал у мудрецов Бен-Гурион, – и мудрецы пришли к консенсусу, основанному на еврейской религии. Тот, у кого мать еврейка, или тот, кто прошёл «гиюр» – обращение в еврейскую веру в соответствии со строгими требованиями религиозной традиции. В результате пришедший в МВД в 1959 году новый, религиозный министр дал чиновникам указание записывать национальность именно так, традиционно.

Майор Биньямин Шалит учился за границей, где и познакомился со своей будущей супругой, шотландкой Энн Геддес. Надо сказать, что эта фамилия ассоциируется с Израилем и в другом контексте – Тель-Авив был построен по плану отца Энн, шотландского архитектора Сэра Патрика Геддеса, по принципу «город-сад». В браке у Шалита родились двое детей, и в 1968 году счастливый отец попросил записать их так: в графе «национальность» - евреями, а в графе «религия» - без религии. Чиновники МВД, руководствуясь инструкциями нового министра, отказываются записать детей евреями, и Шалит идёт в суд.

Для решения вопроса о том, кто же на самом деле еврей, Верховный суд собрался в расширенном составе – девять судей заседали, и мнения их разделились почти поровну, пять против четырёх. Пятеро судей решили в пользу Шалита, а четверо – против него, а само решение было на тот момент самым длинным в истории израильского суда и заняло 132 страницы. Большинство во главе с судьёй Зусманом постановило – чиновник не судья и не следователь, его задача не проводить дознание, а записывать то, что ему говорят. Сказали «еврей» - вот и пускай записывает евреем, тем более что закон у нас светский, и наполнять его религиозным содержанием министр по своей воле не может. Поэтому чиновникам пришлось записать детей как просили, уже на основании судебного решения.

Решение Багаца вызвало не просто бурю, а настоящий шторм в израильском обществе. Религиозные евреи внезапно ощутили себя под властью «чужих» судей, не исполняющих главного с их точки зрения закона – закона Торы, и начали протестовать. Так как по традиции у религиозного сектора очень сильное – и абсолютно непропорциональное – влияние на решения правительства, в 1970 году закон о возвращении пришлось исправить, и в нём появилось чёткое разделение на евреев, детей и внуков евреев. Таким образом светский закон наполнился религиозным содержанием, причём с добавкой о том, что он не распространяется на евреев, добровольно сменивших вероисповедание (о том, почему это противоречит иудаизму и что решил на эту тему Багац – наша следующая глава).

А в 1972 году в семье Шалит родился третий сын, и его захотели записать как и первых двух. Однако на этот раз отказ МВД был основан на законе – и Багац, в который снова обратился Шалит, отклонил его иск. Закон есть закон, сказали судьи.

Через некоторое время Шалит – ставший к тому времени главным психологом Армии обороны Израиля – уехал с семьёй в Швецию, где устроился в армии на ту же должность, а позже он развёлся и женился уже на шведке. Так как в Европе «пятый пункт» отменили сразу после победы над фашизмом, у его детей больше не возникало ни вопросов, ни надобности бодаться с чиновниками различных министерств, и вопросы национального самоопределения они решили для себя сами.

Еврей – национальность и/или вероисповедание Багац 72/62 – Освальд Руфайзен против министра внутренних дел

20 июля 1958 года правительство Израиля подчинилось требованию религиозных депутатов кнессета и внесло в закон о возвращении поправку, согласно которой еврей, исповедующий другую религию (не иудаизм), не имеет права на репатриацию в Израиль. Это было ответом на сформировавшееся тогда у светской части израильского общества понимания того, что еврей – это тот, кто открыто называет себя таковым. Прошло не так уж много лет после войны и Холокоста, и представить себе, что человек будет добровольно называться евреем, на деле им не являясь, было сложно, особенно тем, кто всю войну прятал свою принадлежность к уничтожаемой нации.

Шмуэль Аарон Руфайзен родился в 1922 году в небогатой еврейской семье в деревне Живец в Галиции. В то время набирало популярность движение по ассимиляции евреев в Европе, получившее также название «эмансипация» - евреи становились всё более похожими на европейцев и получали всё больше прав. Шмуэль получил ещё одно, по-европейски звучащее имя Освальд, и получил приличное образование польско-немецкого образца – хорошая школа, иностранные языки и блестящие перспективы на учёбу в университете благодаря высоким оценкам, но помешала война. В 1939 году Польшу поделили Молотов и Риббентроп, и семья пустилась в бег в восточном направлении. Позже его родители вернулись на Запад – на свою погибель, брат Арье добрался до Палестины, а Освальд продолжил скитания по разорённой войной Европе и в конце концов добрался до оккупированной Белоруссии, где подался в полицаи, скрыв своё еврейство. Последней волей родителей был завет детям – езжайте в Палестину!

Руфайзен служил в немецкой полиции белорусского городка Турец писарем-переводчиком в чине унтер-офицера при шефе гестапо, но настоящая его деятельность была тайной – он помогал спастись евреям Белоруссии, налаживал связи с подпольем и передавал всю

информацию, какую мог получить в штабе полиции, разведке и партизанам. Ещё он воровал оружие и боеприпасы и по возможности передавал в подполье – словом, вёл жизнь законспирированного агента. Продлилась такая жизнь всего девять месяцев, и в награду за то, что он спас целое еврейское местечко от отправки в концлагеря, какой-то еврей сдал его немцам. Пришлось Освальду немедленно бежать, и подался он в партизаны, а оттуда – в монастырь.

Проведя в монастыре несколько лет вплоть до конца войны, в 1945 году Руфайзен крестился. Вернувшись в Польшу, он пошёл учиться в духовную семинарию, откуда вышел уже монахом-кармелитом. А в 1958 году он выполнил завет родителей и переехал в бывшую Палестину, а ныне – государство Израиль. В 1960 году ему отказали в праве на репатриацию как отказавшемуся от религии отцов, и в 1962 он обратился в Багац с иском, навсегда вошедшим в историю Израиля.

Дело в том, что закон о возвращении по своей сути закон светский – однако почему-то в нём есть отношение к религии. Ведь если Израиль – страна демократическая, со свободой вероисповедания, то почему еврей не может исповедовать любую религию? Более того – если мы подойдём к вопросу с религиозной стороны, в соответствии с иудаизмом оказывается, что любой еврей – иудей, и не может быть никем иным, а если он себе надумал, что он атеист или, скажем, христианин – так это он временно ошибается, даже термин такой есть – «заблуждающийся еврей». То есть с точки зрения иудаизма нет такого понятия, как выкрест, а с точки зрения светского закона – есть. «Бардак в стране», – сказал Руфайзен в Верховном суде.

Судьи Верховного суда отклонили прошение брата Даниэля, как стал называться Освальд Руфайзен после вступления в сан. Четверо против одного постановили, что закон имел в виду «объективные критерии» - то есть евреем считается тот, кого считает евреем еврейский народ, а так как в народе выкрестов давно перестали считать принадлежащими к общине (вспомним того же Спинозу, который даже и не крестился, а просто

высказывал не совпадающие с генеральной линией иудаизма взгляды и был изгнан из общины). Семён Дубнов, еврейский деятель и философ, именем которого названы улицы в Тель-Авиве и в Иерусалиме, в начале XX века изложил свою позицию – *«Кто отрекся от своей нации, заслуживает того, чтобы нация от него отреклась»*. Большинство судей Верховного суда приняло именно эту позицию, таким образом навсегда связав понятие национальности «еврей» и религии «иудей».

Оставшийся же в меньшинстве (а точнее, в одиночестве) судья Хаим Козн считал, что еврей – это вопрос самоопределения, и критерий этот не объективный (этим фашисты занимались), а субъективный. А это значит, что тот, кто ощущает себя евреем, им и является, независимо от вероисповедания. Однако мнение его не нашло поддержки ни у судей Верховного суда, ни у израильского общества в целом.

А в 1989 году уже судья Аарон Барак отклонил просьбу мессианских евреев и не признал их принадлежащими к еврейскому народу, несмотря на то, что по всем религиозным доктринам они не христиане, а иудеи, просто верящие, что Христос и был тем самым Мессией, которого тысячелетиями ждал еврейский народ. «Если евреи верят в Иисуса особым образом и собираются вместе для его почитания – они для нас, еврейских атеистов, всё равно, что христиане», – сказал Барак.

Смешанные браки и чужие законы

Багац 143/62 – Функ Шлезингер против министра внутренних дел

Доставшиеся Израилю в наследство от англичан законы о семейном праве законами, по сути дела, не являлись, а лишь отсылали к религиозным традициям каждой конфессии. Англичане, в свою очередь, получили эти законы от Оттоманской империи, четыреста лет правившей Палестиной, – то есть ещё со средневековья. А средневековые религиозные законы какой бы то ни было конфессии относительно брака говорили одно – жениться можно только на своих, дабы не было смешения религий и вызванной этим путаницы.

Так и жили израильтяне, женись по религиозным заветам, – мусульмане на мусульманках, христиане на христианках, а евреи на еврейках. Если же еврей хотел взять в жёны нееврейку, дорога новобрачных традиционно пролежала через Кипр, где муниципалитеты городов быстро и недорого регистрировали брак вне зависимости от религии и национальности влюблённых. Счастливая пара возвращалась в Израиль, но записаться женатыми в МВД возможности не было, ибо по местным законам брак не признавался.

12 декабря 1961 года Генриетта Анна Катерина Функ, гражданка Бельгии христианского вероисповедания, вышла замуж за Исраэля Шлезингера, еврея и гражданина Израиля. Церемония бракосочетания проходила, как обычно, на Кипре, где чиновник мэрии вручил молодым супругам свидетельство о браке. Молодожёны вернулись в Израиль, пошли в МВД, попросили зарегистрировать их брак – и получили отказ, ведь по израильским законам такого брака в принципе не могло быть. Другие на их месте смирялись и просто жили вместе, утешая себя тем, что запись в местном МВД – это всего лишь пара строчек в официальном фолианте, но госпожа Функ решила воевать. Война с министерством – дело непростое, и линия фронта находится в Верховном суде, куда и обратилась бельгийская подданная.

Перед судьями встал вопрос – а какой же суд в принципе имеет юрисдикцию в таких случаях. Раввинатский суд имеет право признать брак действительным или расторгнуть его – но только в случае, если оба супруга евреи. Районный суд по законам того времени не мог вмешиваться в браки, заключённые иностранными гражданами, и получилось, что семейная жизнь пары из разных стран и разных религий оказалась в принципе неподсудной. Тут-то и стало понятно, что разобраться с прецедентом должен Верховный суд. А прецедент был серьёзный – признать законным межконфессиональный брак значило бросить серьёзный вызов всему религиозному истеблишменту. Когда адвокат обращается в суд, он использует сразу несколько юридических доводов – на случай, если одни не сработают, судьи могут принять другие. Так, адвокат Генриетты привёл интересный аргумент, оригинальность которого удивила даже выдавших виды судей Верховного суда. По израильским законам, отсылающим нас к религиозному еврейскому праву, брак не считается состоявшимся, и господин Шлезингер до сих пор холостяк. Однако по законам Бельгии, распространяющимся на госпожу Функ, нет никакой проблемы с браком христианки и еврея, поэтому, согласно распоряжению английского короля, её брак должен быть признан в Израиле.

Да, в тексте нет опечатки – доставшаяся в наследство от англичан законодательная база не состояла из законов и актов парламента. Палестина никогда не была составной частью Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поэтому законы, принятые английским парламентом, на неё не распространялись. Когда надо было ввести новый закон, король или королева Англии объявляли его в Его (ныне – Её) Величества Почтеннейшем Тайном совете, из которого ещё со времён средних веков британский монарх управлял обширными колониями империи, где никогда не заходило солнце, во времена своего расцвета империя занимала пятую часть суши и управляла каждым четвёртым человеком в мире.

Итак, оригинальный аргумент юриста заключался в том, что мужа надо признать холостяком, а жену – женой. Абсурдность такой ситуации не нашла отклика у прогрессивных судей Верховного суда, и решение стали искать другими путями. В те годы английское право ещё было обязательным источником – то есть когда суд

сталкивался в так называемой лакуной, случаем, который не описан в израильском законодательстве или местных прецедентах, решение искали у англичан. Решения английских лордов не сулили молодожёнам ничего хорошего – лорд Кэмпбелл решил дилемму ещё в 1861 году, как раз за сотню лет до нашей истории, сказав, что не может государство позволить гражданам съездить в другую страну и заключить там брак, по законам Англии недействительный.

Сославшись на английское право, судья Зильбер признал брак недействительным. Мало того, судья объяснил своё решение и тем, что в демократическом государстве законы принимает парламент – и если кнессет решит, что надо разрешить брак еврея с нееврейкой, то будем судить по такому закону. Да и если спросить граждан, то подавляющее большинство воспротивится смешанным бракам, поэтому и на этом основании супругам нужно отказать.

С мнением Зильбера не согласились четверо судей. Судья Зусман вынес вердикт, ставший мнением большинства. Проанализировав полномочия чиновника МВД, отвечающего за запись актов гражданского состояния, он пришёл к однозначному выводу о том, что дело чиновника – записывать брак на основании предоставленных документов, а не судить и решать, толкуя законы. Законен ли брак, признает ли его суд – эти вопросы в компетенцию чиновника не входят, и впредь министерство внутренних дел должно регистрировать брак, заключённый в другой стране, на основании предоставленных документов.

В результате решения Верховного Суда с 1962 года отдел регистрации МВД записывает смешанные браки, и супруги, не имеющие возможности жениться в Израиле по религиозным причинам, возвращаются из-за границы и получают новые документы, в которых чёрным по белому написано – муж и жена.

Нормальный человек и смерть в холодильнике Дело 196/64 – юридический советник правительства против Мордехая Баша

В семье Баш сломался холодильник. Старый, похожий на советский Саратов, он приказал долго жить, и Мордехай вынес его во двор, чтоб там его подобрали старьевщики. Если вы помните, в старых холодильниках дверь открывалась огромной ручкой-рычагом, и открыть её можно было только снаружи. На беду, Мордехай не придал значения этой детали.

На следующий день произошла трагедия. Двое соседских детей, игравших во дворе, решили спрятаться внутри брошенного холодильника, закрыли дверь изнутри и так и не смогли её открыть. Их обнаружили слишком поздно, когда они уже задохнулись, и полиция обвинила Баша в причинении гибели детей по неосторожности.

Основная составляющая преступления – халатность – доказана, если суд убедится, что «нормальный (или разумный) человек» - reasonable man – не повёл бы себя так в похожих обстоятельствах. И тут перед судом встал вопрос – а что бы сделал нормальный человек, выбрасывая холодильник? И кто он вообще такой, этот нормальный человек, как его определить и как сказать, каковы его поступки?

С одной стороны, вроде бы ясно – судьи должны «примерить на себя» ситуацию и спросить себя, а что бы они делали на месте обвиняемого? А с другой стороны, судьи ведь не обычные люди – они получили далеко не среднее образование, и весь их жизненный опыт очень сильно отличается от опыта обычного среднего человека. Именно судьи лучше остальных предвидят последствия своих и чужих поступков и решений, именно их решения направлены в будущее и зачастую определяют не только судьбу тех, чьё дело находится на рассмотрении, но и судьбу общества в целом. Значит, и люди они необычные, и примерять ситуацию на

себя им не положено – по сравнению с ними большинство людей окажется халатными.

На суд семья Баш привела десятки свидетелей – друзей, знакомых, соседей. Всё это были нормальные, приличные люди, многие из них были хорошо образованы, и все они под присягой показали, что такое стечение обстоятельств, как гибель детей в захлопнувшемся холодильнике, и в голову не могло им придти. Интересно, что суд пишет: «длинный ряд законопослушных **людей и женщин** засвидетельствовали, что не могли бы предвидеть, что дети залезут в выброшенный холодильник и там найдут свою смерть».

Несмотря на свидетельские показания людей и женщин, мировой суд признал Баша виновным и присудил к выплате штрафа и условному сроку. Баш обжаловал этот приговор в окружном суде, который полностью оправдал его по всем пунктам обвинения, – судьи и сами бы себе не представили, что такое может произойти, и не потребовали этого от подсудимого. Однако прокуратура не смирилась с тем, что такой опасный преступник ускользает из рук закона, и обратилась в Верховный суд с обжалованием оправдания.

Трое судей Верховного суда единогласно приняли обжалование прокуратуры и признали Баша виновным. Неважно, писали они, что многочисленные свидетели, приличные и законопослушные, не могли предвидеть такого исхода событий. Мы не говорим, что они не «нормальные люди» - но судья должен принимать решение о том, что бы сделал в этой ситуации нормальный человек, исходя из своего опыта и знаний о жизни. Таким образом, может создаться парадоксальная ситуация, при которой из ста человек «нормальным» будет один – судья, чей жизненный опыт, приобретённый за те годы, что он просидел в судейском кресле, зачастую превышает сумму опыта всех остальных.

Понятие «нормального человека» получилось настолько расплывчатым и не поддающимся определению, что профессора Аарона Барака, бывшего главу Верховного суда и одного из немногих израильских юристов, хорошо известных на

международной арене, цитируют как сказавшего «пришла пора убить этого нормального человека». Ибо исходить в своих действиях из того, как впоследствии их результаты оценит по неизвестным критериям судья, очень тяжело, ведь и судьи бывают разные.

Впрочем, относительно холодильников этот спор уже неактуален – по следам решения суда по делу Баша кнессет принял специальный закон о том, что выкидывать на улицу старые холодильники можно только сломав защёлку в двери, и теперь перед тем, как выкинуть древний холодильник, хозяева бьют его молотком, пока не отлетает внутренний замок. С тех пор такой трагедии больше не повторилось, а студенты всех юрфаков учат историю о семье Баш и ломают голову, пытаясь понять – а кто же этот «нормальный человек» и как узнать, что бы он сделал в каждом конкретном случае.

Мафия за Израиль и неблагодарность правительства

Багац 442/71 – Меир Лански против министра внутренних дел

Как и многие из тех, кому Израиль обязан своим существованием, Меир Лански (Сухомлянский) родился в Российской империи, в городе Гродно в 1902 году. В возрасте девяти лет Меир с семьёй отправился на корабле в столицу мира – Нью-Йорк. Кто смотрел «Однажды в Америке», помнит Low East Side, в то время ещё не ставшую одной из самых престижных частей Нью-Йорка, а бывшую прибежищем нищих иммигрантов. Взрослые и молодёжные банды ирландцев, итальянцев и евреев воевали между собой, деля район на зоны влияния, в которых занимались рэккетом и организацией подпольного игрового бизнеса. Именно эта стезя и привлекла нашего героя и стала его призванием на всю жизнь.

В то время правительство США позаботилось обо всём населении страны – ввело сухой закон. Особо помог этот закон становлению мафиозных кланов, и бутлегерство – контрабанда алкоголя – стало источником дохода известнейших преступных семей. Говорят, что даже корни богатства и влияния семейства Кеннеди, самого аристократического в сегодняшней американской политике, надо искать там же, на границе с Канадой, откуда шло большинство запрещённого виски. Однако уже к 1930 году умным людям стало понятно, что сухой закон не вечен, и Меир, всегда любивший азартные игры, начал действовать в этом направлении, организовав несколько подпольных казино.

Два города, кроме Нью-Йорка, оказались главными в жизни Лански – Гавана и Лас-Вегас. В Гаване тогда президентом был Батиста, который очень любил Америку и деньги. И в 1933 году молодой Лански с товарищами по бизнесу едет в Гавану к президенту и ведёт серьёзный разговор. В серьёзности молодого еврея диктатор убеждается при виде шести миллионов долларов наличными, послужившими ответом на озвученные сомнения относительно платежеспособности мало кому известных к тому времени скромных бизнесменов. Так началась кубинская империя Лански,

просуществовавшая до 1959 года, когда под руководством Фиделя Кастро и Че Гевары победил социализм, никак не совмещавшийся с бизнесом, а тем более игорным. Надо сказать, что Меир Лански был не робкого десятка – пытаюсь спасти свои многомиллионные инвестиции, он полетел на Кубу требовать (именно так!) у руководства страны или лицензии, или компенсации. Правда, улетел он оттуда с пустыми руками, получив встречное предложение от команданте Че Гевары – или мы тебя сейчас расстреляем, или ты улетишь.

19 мая 1931 года стало особым днём в истории американской мафии – именно тогда власти штата Невада разрешили открыть Лас-Вегас для игорного бизнеса. Еврейским королём империи казино стал Багси Сегал, правивший до лета 1947 года, когда выяснилось, что не все деньги, вложенные мафией в строительство, пошли по назначению, и не вся прибыль ушла в общак. Багси отправили на вечный покой, и Меир Лански стал ответственным за игорный бизнес в столице казино. С коронацией начались и серьёзные проблемы – Лански был окрещён «крёстным отцом крёстных отцов», а потом – «шефом шефов мафии», и стал мишенью возглавившего ФБР Джона Эдварда Гувера, ненавистника евреев и коммунистов. Гувер установил прослушку во всех местах, где появлялся Лански, – и тот не остался в долгу, засняв уникальные кадры, на которых Гувер страстно развлекается с другим мужчиной на конспиративной квартире. В те годы гомосексуализм был страшнейшим позором, и уничтожение Лански стало для Гувера задачей номер один.

Все эти годы Меир не пытался «замять» своё еврейское происхождение и всячески помогал еврейскому движению в Палестине, а потом – молодому государству Израиль. Из нью-йоркского порта уходили суда с оружием – некоторые предназначались арабам, а некоторые евреям, и Лански с товарищами не раз приложили руку к тому, что оружие для арабов куда-то пропадало, исчезало или даже «по ошибке» уходило евреям. По его инициативе еврейские мафиози ввели «израильскую десятину» - десятая часть прибыли от игорного бизнеса уходила на помощь государству Израиль. По свидетельствам очевидцев, не раз за столами, где собирался весь

цвет еврейской мафии, пускали по кругу чашу для пожертвований на сионистские цели, и никогда эта чаша не оставалась пуста.

В 1970 году Лански, затравленный ФБР и журналистами, решил найти приют в Израиле, которому он сделал так много доброго и хорошего. Однако дружба с США оказалась важнее чувства благодарности, и министр внутренних дел отказал в выдаче разрешения на репатриацию. Дело в том, что в законе о возвращении, дающем право на репатриацию всем евреям, не изменившим своей религии, есть ещё один нюанс – МВД имеет право отказать тем, кто имеет уголовное прошлое и представляет опасность для населения государства. Министр сказал, что известный мафиози – это прямая и явная угроза населению Израиля, и не только не дал Меиру права на репатриацию, но и объявил его персоной нон грата.

Лански обратился в Высший суд Справедливости – Багац – с иском против МВД. Иск основывался на двух моментах – во-первых, с уголовным прошлым давно покончено, а во-вторых, для страны сделано так много, что не принимать это во внимание несправедливо. Развернулась настоящая юридическая битва, длившаяся год. Генеральный прокурор даже полетел в Америку, где встречался с руководством ФБР, добывая доказательства того, что Лански не ушёл на пенсию и продолжает получать доходы с организованной преступности. Политическая элита Израиля, встречавшаяся с ним во время создания государства и лично получавшая на руки чемоданы с наличными, ответила Лански чёрной неблагодарностью.

Перед судом встал вопрос – какие основания были у министра не пускать Лански в Израиль? Доказательств, которые мог бы принят суд на уголовном процессе, попросту не было, но генеральный прокурор вернулся в Израиль не с пустыми руками. Рассказы с третьих рук, незаконная прослушка – всё то, что никогда бы не приняли в суде из-за строгих правил уголовного процесса, сгодились как основания для решения министра, и пятеро судей Верховного суда единогласно отклонили прошение мафиози, предписав ему покинуть страну. С тех пор Лански так и не вернулся

в Израиль, на становление которого он потратил столько сил и средств, перебрался в Майами, где и жил жизнью скромного американского пенсионера до восьмидесяти лет.

Гавриэль Бах, прокурор, возглавивший борьбу с Меиром Лански в суде, в 1982 году стал судьёй в Верховном суде Израиля, получившим известность из-за своих либеральных взглядов, защиты прав человека и свободы слова. А преступников, даже еврейских, в Израиль так и не пускают до сих пор.

Уважаемый вор и путь из банкиров в зэки

Уголовное дело 173/75 – государство Израиль против Еошуа Бен-Циона

Человек интересной судьбы – так можно определить Еошуа Бен-Циона, и это будет только одним из верных определений. Его отца, хозяина домов и квартир в Иерусалиме, застрелил один из жильцов, на суде рассказавший, как хозяин мучал его и других. Похоже, суд поверил убийце, так как приговор в 15 лет за расстрел человека из автомата необычно мягкий.

Прошли годы, и сын расстрелянного домовладельца, главный герой нашего рассказа, сам выносит смертный приговор – будучи главой военного трибунала, в 1949 году он приговаривает двух иорданцев к расстрелу, и только помилование от президента спасает двух несчастных. По окончании военной службы он делает карьеру экономиста, становится банкиром и в возрасте 29 лет возглавляет Банк Эрец-Исраэль – Британия, став самым молодым директором банка в Израиле.

Банк был солидный, четвёртый по размерам в Израиле. Основными его клиентами были фирмы, специализирующиеся на импортно-экспортной деятельности, ювелиры и их фирмы – словом, приличная контора для серьёзных людей. «Наши клиенты, когда-то обратившиеся к нам за советом по мелким суммам, сейчас советуются с нами о больших деньгах», – рекламировал себя банк. Эти большие деньги решили сделать и директор банка с семьёй, войдя в серьёзные девелоперские проекты по постройке того, что тогда называлось небоскрёбами, а сейчас невысокими зданиями. Бизнес должен был быть очень удобным – с одной стороны приличная английская фирма, партнёрами в которой были родственники Бен-Циона, а с другой – банк, который он возглавлял, и который предоставлял финансирование проектов.

Что-то пошло не так, и к середине 60-х годов в семейный бизнес пришлось вливать всё больше и больше банковских денег. Но тут настал 1967 год, пришла война, которая, как известно, всё спешет,

– и действительно, правительство проявило невиданную щедрость и покрыло все долги банка, влив в него весьма приличные суммы – то ли на фоне эйфории, поглотившей весь Израиль после победы в Шестидневной Войне, то ли благодаря хорошим связям директора банка с дельцами и политиками.

Казалось бы, теперь Бен-Цион будет управлять банком поосторожнее, выучив урок прошлых неприятностей. Ан нет – урок, который выучил банкир, заключался в том, что если деньги банка перекачать в карманы себе и приближённым, государство придёт и даст ещё. Так банк стал для нашего героя неистощимым источником финансовых радостей, а для обычных вкладчиков... Что ж, кого они волновали, эти вкладчики, если надо было поддерживать свои бизнесы?

В конце концов внезапно оказалось, что из кассы банка куда-то испарились 47 миллионов долларов – сумма по тем временам огромная (да и в наше время это не карманные деньги). Страна была в шоке – такой аферы в молодом маленьком государстве не прокручивал ещё никто, и на волне общественного возмущения Бен-Циона арестовали и судили. Бен-Цион был очень недоволен решением суда первой инстанции, присудившей ему 12 лет лишения свободы, компенсацию вкладчикам и многомиллионный штраф, и подал обжалование в Верховный суд, который снизил сумму воровства до 37 миллионов долларов, а всё остальное оставил в силе.

Бен-Цион неоднократно пытался получить освобождение по состоянию здоровья – тяжёлая болезнь, внезапно обрушившаяся на него с началом суда, не давала ему даже ходить, и он раз за разом обращался в комиссию по досрочному освобождению, но спасение оттуда не пришло. Однако долго сидеть нашему герою не пришлось – патриотические настроенные политики и в 1977 году околополитические дельцы пробили через нового главу правительства, Менахема Бегина, президентскую амнистию. Всего из положенных 12 лет Бен-Цион отсидел меньше трёх и вышел из тюрьмы «умирать дома», как было объяснено общественности, так и не заплатив ни копейки штрафа.

Тяжело больной банкир не появлялся на людях иначе как сгорбленно опираясь на палку, и еле ковылял, пока на него смотрели – однако журналисты, наблюдавшие за самым удачливым мошенником в израильской истории, заметили, что когда никто не видит, он отлично ходит без поддержки. Да и общее состояние здоровья его сильно улучшилось после освобождения из тюрьмы, и отпущенный провести последние дни в кругу семьи банкир спокойно прожил до 2004 года – 27 лет после освобождения.

Ни компенсации вкладчикам, ни штрафа мошенник так и не выплатил. А дело его стало первой ласточкой – впоследствии Израиль не раз ещё потрясали скандалы, связанные с банкирами и политиками. Но Бен-Цион был первым.

Дискриминация, пытки в полиции и запоздалая справедливость

Дело 1168/01 – Гидон Арари и др. против государства Израиль

Началось всё с дискриминации. Сефарды – евреи, прибывшие в Израиль в 50-60х годах из арабских стран (в основном из Северной Африки) – были в массе своей менее образованы, чем выходцы из европейских стран, да и новичкам всегда приходится тяжело на новом месте. К этому добавилось то, что основная часть образованных марокканских евреев переехала во Францию, и массы, репатриировавшиеся в Израиль, остались без руководства своих интеллектуальных элит.

Уже сформировавшееся общество, в котором ашкеназы – европейские евреи – заняли все хлебные места, без особого энтузиазма приняло новоприбывших с их странными, казавшимися европейцам дикими обычаями и традициями. Израиль разделился на «восточных» сефардов и «западных» ашкеназов, и восточным пришлось несладко. Тяжело было найти работу, не было нужных связей, правительство и кнессет последовательно игнорировало проблемы восточной общины, – и дело дошло до создания организации «Чёрные Пантеры» - восточных активистов, взявших в пример одноимённое негритянское движение в поражённой расизмом Америке 60-х годов. «Пантеры» громко заявили о себе и даже добились встречи с главой правительства Голдой Меир – правда, на встрече разгорелся спор, переросший в ругань, и представители пантер ушли с неё ещё больше обиженными, чем пришли. Известно высказывание Голды Меир после встречи, относившееся, как это почувствовали, не только к активистам, но и ко всем «восточным» - «They are not nice».

Усилия движения увенчались успехом – правительство, как это часто и бывает, уступило только после того, как демонстранты забросали полицию камнями и бутылками Молотова, ранив десятки полицейских. Были выделены средства на помощь восточной общине, однако война Судного Дня всё списала, и деньги ушли на оборону. В такой атмосфере вражды и подозрений к восточным

евреям и началось в 1978 году дело «банды Маац» - дело, последнюю точку в котором суд поставил в 2005 году.

К 1978 году у полиции тель-авивского округа скопилось много нераскрытых дел, самым громким из которых была серия поджогов фабрик, магазинов и даже издательства газеты А-Арец. Возмущение безнаказанностью преступников нарастало, и начальство получило ценные указания изловить и предъявить публике преступников любой ценой. Тем, кто профессионально сталкивался с уголовно-правоохранительной системой, известно, что большинство дел полиция раскрывает в результате работы с «источниками», то есть с информаторами – или, по-простому, стукачами. На радость и спасение полиции, у них появился такой информатор со сведениями о банде восточных евреев, проживающих в неблагополучном районе Тель Авива – Аतिकве, об их планах, и даже название было у банды – Маац, на иврите сокращение от «совет молодых преступников».

В соответствии с полученной информацией 20 августа 1978 года были произведены аресты, широко освещённые прессой и радостно встреченные публикой. «Арест банды, наводившей страх на жителей Тель-Авива, вернул утраченное доверие к полиции», – писали газеты. Следователи активно работали с подозреваемыми, которые со временем начали давать признательные показания и о своей банде, и о поджогах, и о планах убивать полицейских – словом, всё как надо. Вскоре дело было передано в суд, и преступники получили по заслугам, лишившись свободы на долгие сроки.

Единственным неудобным моментом во всей этой истории были заявления подсудимых о том, что они невиновны, и что признания у них выбиты – в буквальном смысле слова – пытками и угрозами. Мол, их били руками, ногами и дубинками, топили в воде, вывозили на кладбище и в апельсиновую рощу, где репетировали расстрел – короче, такие ужасы, в которые суд никак не мог поверить. «Пришло время, чтобы такие подлые попытки очернить нашу доблестную полицию вообще нельзя было предпринять в рамках судебного процесса», – написал один из судей в своём приговоре.

Шестеро осужденных – а признали виновными всех фигурантов дела, кроме одного, который не подписал признания – отсидели положенное в тюрьме, но никогда не отступали от своих «клеветнических измышлений» о том, что их пытали в полиции. И вот, по прошествии 16 лет, один из следователей вышел на пенсию и дал интервью, которое показали по телевидению. В своём интервью Шай Симхи рассказал о том, как они с коллегами выбивали признания, как надевали на головы мешки, волокли в подвал и пытали электричеством, вставляя провода в уши, как топили в унитазе, избивали до потери сознания, как отвозили на кладбище и там имитировали похороны...

В 1998 году результаты суда были отменены, был назначен повторный суд – редчайшая в Израиле процедура – и обвинительное заключение по делу подали заново. В день открытия суда прокуратура объявила о своём согласии на полное оправдание подсудимых – и люди, оставившие свою молодость в тюрьме, наконец смогли вздохнуть спокойно. Однако на этом не закончился процесс, и теперь обвиняемые стали обвинителями, а ответчиком – государство Израиль, от имени которого – и во имя которого – бандиты в форме пытали им и же выдуманных бандитов.

В 2001 году был подан многомиллионный иск о компенсации – и в результате суда в 2005 году суд обязал государство выплатить беспрецедентную сумму в 12 миллионов шекелей пострадавшим от полицейского произвола. Как сказал «глава банды» Гидон Арари после приговора – я счастлив, что справедливость восторжествовала, но никакие деньги не смогут вернуть мне годы жизни, которые должны были быть лучшими, а были проведены в тюрьме, и ни за какие деньги я не смогу перестать вздрагивать в ужасе каждый раз, заслышав вой полицейских сирен, – ибо я не спрашиваю себя, за кем выехала полиция, я думаю, что она выехала за мной.

Остальные герои этой истории – полицейские, пытавшие молодых ребят, – спокойно дослужили до пенсии, получив награды и

повышения за успешно раскрытое дело. Когда выяснилось, как именно они пришли к успеху, медалей и чинов у них никто не забрал, под суд никто из них не пошёл, а командовавший следствием Сандо Мазор и вовсе дослужился до замначальника всей израильской полиции, по отставке получив почётную должность посла в Румынии. И, конечно же, миллионы шекелей компенсации ушли не из кармана садистов-полицейских, а из государственной казны, то есть из карманов простых граждан.

Квартирный вопрос и свобода митингов и демонстраций

Багац 148/79 – Цви Саар против министра внутренних дел

Чем капиталистические страны отличаются от социалистических? При капитализме человек эксплуатирует человека, а у нас наоборот, гласил известный советский анекдот. Однако, несмотря на столь серьёзные различия, оба строя имеют что-то общее. И там, и там молодым семьям, у которых нет крутой профессии или зажиточных родителей, практически невозможно обзавестись квартирой. В одном случае нужно (было, потому что социализм, похоже, уже остался в прошлом, если не считать Кубы с Северной Кореей) ждать в очереди на жильё до 2050 года, а в другом банально нет денег на покупку своей квартиры, и надо копить до 2050 года.

Именно это положение вещей в конце 70-х годов в Израиле привело к созданию «израильского боевого комитета молодых семей, не имеющих жилья». Комитет обрёл народную популярность, особенно (что не удивительно) среди молодых семей, не имеющих своего жилья, и выводил народ на многочисленные шумные митинги, шествия и демонстрации. В 1978 году в Тель-Авиве состоялась буйная демонстрация, с закиданной камнями полицией, массовыми арестами и прочими атрибутами французского «Красного Мая» 1968 года – правда, с опозданием на 10 лет. На демонстрации организаторы анонсировали «поход на кнессет», и через месяц попросили разрешения на проведение шествия в Иерусалиме, финальной остановкой которого должна была стать площадь у входа в израильский парламент.

Полиция, которая уже прочувствовала на своей шкуре, на что способны обездоленные молодые люди, вняла обещаниям «осадить кнессет» и «взять депутатов в блокаду» и попросту не дала разрешения на шествие, дабы предотвратить массовые беспорядки и не допустить нарушения покоя народных избранников, в 1978 году занимавшихся законами об археологических ценностях (как раз в то время полководец Моше Даян, известный ценитель женщин и археологии, был министром иностранных дел). Да и вообще всё

правительство тогда имело правый уклон, и страна встала на путь развития от социализма к капитализму, где, как известно, каждый за себя.

Цви Саар, глава комитета с длинным названием и организатор демонстраций, обратился в Багац с требованием запретить министру запрещать. Тут возникла некоторая загвоздка – в то время, как во всех странах с имеющейся конституцией была статья о свободе шествий и митингов (например, статьи 125в и 125г Сталинской конституции СССР), а в английской традиционной демократии такая свобода была частью неотъемлемой демократической традиции и опиралась на прецеденты ещё со времён Чарльза I в начале XVII века, в Израиле суды не встречались с такой проблемой. Основное решение по делу писал судья Аарон Барак. Профессор Барак, отец «конституционной революции» в Израиле, самый либеральный судья с момента основания государства и самый ненавидимый религиозным истеблишментом, впервые в истории государства должен был решить, что же важнее – общественное спокойствие и порядок, прописанные в десятках, если не сотнях законов и подзаконных актов, или нигде то того не фигурировавшее право на собрания. В своём решении Барак напомнил о том, что Израиль – государство демократическое, и что свобода собраний и демонстраций – одна из основных свобод, на которые опирается демократическое общество. Голос одиночки услышать трудно, но глас народа слышен всем, а, как известно, *Vox populi, Vox dei* – глас народа есть глас божий, как говорили ещё древние римляне.

У полиции было два основных аргумента. Во-первых, шествие «на кнессет» после того, что эти ребята устроили в Тель-Авиве и обещали устроить в Иерусалиме, неизбежно приведёт к массовым беспорядкам, перекрытию основных транспортных артерий столицы и прочим нарушениям общественного спокойствия и безопасности, которые и должна охранять полиция. А во-вторых, самих демонстрантов тоже надо охранять и от возмущённой перекрытыми дорогами публики, которую пробка по дороге на работу и особенно с неё волнует гораздо больше, чем судьба группы лузеров, которые даже на квартиру не могут заработать, и от возможных террористов, которые всегда рады большому скоплению евреев, которое можно подорвать.

Барак справился с обоими аргументами. Во-первых, сказал он, интерес общества выслушать точку зрения важнее, чем временное неудобство, пробки на дорогах и сорванное заседание кнессета. Для того и существует полиция, чтобы предотвращать превращение ситуации в неконтролируемую и следить за порядком – но не запрещая шествие, а держа его под контролем. А во-вторых, задача полиции – это заботиться и о демонстрантах, чтобы и с ними ничего страшного не случилось, так как они и есть то самое общество, которое полиция призвана охранять и защищать.

Но тут у полиции нашёлся весьма разумный аргумент – отсутствие необходимого для всего этого праздника числа полицейских. Чтобы обеспечить безопасность всех участников будущих событий, вольных и невольных, потребуется столько полицейских, что их попросту неоткуда взять, сказали представители МВД, на что Барак ответил – выкручивайтесь как хотите, но это, простите уж, ваши трудности. Сложности в выполнении судебного решения – это проблема тех, кто его должен исполнять, и суд не принимает их в расчёт, когда речь идёт об основных свободах граждан.

Здесь можно вспомнить знаменитый американский прецедент от 1954 года – *Brown v. Board of Education*, когда американский Верховный суд признал незаконным расовую сегрегацию в учебных заведениях, и постановил, что трудности при выполнении решения не являются причиной его не выносить. Оттуда и знаменитая фотография, где солдаты Национальной гвардии США охраняют чернокожих учениц на входе в школу в Арканзасе.

Итак, суд поддержал демонстрантов, запретил министру и полиции запрещать шествие, и породил прецедент, в котором право на митинги и демонстрации впервые появилось на бумаге. С тех пор подобные иски не раз попадали в Верховный суд, и всякий раз судьи руководствовались этим прецедентом, уместившимся всего на пяти страницах, – что в последующих судебных решениях профессора Барака, известного также длиной своих решений, обычно не было даже началом вводной части.

Наркотики, клизма и человеческое достоинство

Багац 355/79 – Арье Катлан против Тюремной службы

В конце 70-х годов наркотики стали настоящим бичом израильских тюрем и превратились в эпидемию среди заключённых. В основной тюрьме Израиля, находящейся в городе Рамле, происходила настоящая наркотическая вакханалия – медицинские проверки показали, что около 70% заключённых пользовались наркотиками. Проследить путь попадания наркотиков в тюрьму оказалось несложно – каждый день около сотни заключённых увозили по утрам в суд и полицию, а вечером привозили назад. Достаточно сопровождающему арестанта тюремщику отвернуться на секунду, как сообщник арестанта передаёт герметично упакованную наркоту, которая немедленно проглатывается. Таким образом контрабанда попадает в тюрьму, и уже в камере она естественным образом покидает организм.

Контрабанду наркотиков, являвшихся, по мнению начальства, основной причиной поножовщины и гомосексуализма в тюрьме, остановить не удавалось никакими способами. Подозреваемых отводили в карцер и ждали, когда же сокровища выйдут естественным путём – но изобретательные зэки, как зайцы, проглатывали их снова. Казалось, можно уже опустить руки и смириться с неизбежным злом, но тут в голову начальника тюрьмы пришло спасительное озарение – клизма! Клизму не обманешь, решил он, и дал приказ – если кто попал под обоснованное подозрение, его берут под белые ручки и отдают специально обученным санитарам, которые, в случае отказа от добровольного сотрудничества, силой подвергают заключённого процедуре.

Новаторский подход дал свои плоды, и успех превзошёл все ожидания. По данным начальства тюрьмы, количество заключённых, потребляющих наркотики, снизилось с семидесяти до двух процентов, в тюрьме практически прекратились поножовщина и гомосексуализм, и вообще, судя по отчётам, там наступил рай земной. Зная о том, что контрабандиста ждёт клизма, мало кто решался пойти на риск – и позора будет много, и наркотики всё

равно заберут. Короче говоря, одни только положительные стороны и никаких отрицательных.

Идиллию испортили Арье Катлан и ему подобные, которым силой поставили клизму, но наркотиков не нашли. Катлан обратился в Верховный суд с требованием прекратить практику, которая его оскорбляла и унижала его человеческое достоинство. Начальство никак не могло смириться с тем, что из-за каких-то зэков, пускай даже и не контрабандистов (точнее, как положено считать, контрабандистов, которых в тот раз просто не поймали), сойдут на нет все их достижения и тюрьма снова скатится в пучину наркотического притона. Битва в суде развернулась нешуточная, тюрьму в суде представляла Мирьям Наор, впоследствии, в 2001 году, сама попавшая в Верховный суд уже судьёй.

Судья Аарон Барак процитировал принятое в 1949 году американским Верховным Судом решение по делу *Rochin v. People of California*, где судья Франкфуртер описал похожую процедуру как «шокирующую совесть». Осталось только разобраться с одной маленькой, но важной деталью – в американском деле речь шла об обыске подозреваемого во время ареста, а в Израиле – об уже сидящих в тюрьме осужденных преступниках, тела которых вверены тюремному начальству, которое, как утверждали представители прокуратуры, имеют право распоряжаться этими самыми телами по своему усмотрению, в рамках разумного, конечно.

Вот эти рамки разумного и искал суд. С одной стороны, наркотическое цунами можно остановить только такими методами (во всяком случае, если верить тюремному начальству, а кто же ему не поверит?), а с другой стороны, процедура действительно не только малоприятная, но и унижительная. Основные права человека – это право на честь и на целостность тела, сказал суд ещё давно, это даже в законе не записано, потому что и так само собой разумеется. Тюремное заключение ограничивает свободу передвижения заключённого, но не лишает его права на честь.

«Стены тюрьмы отделяют человека от свободы, но не от его человеческого достоинства. У арестанта отняли свободу, но права отнимать образ и подобие человека не имеет никто», -написал судья Барак в прецеденте, ставшим одной из путеводных звёзд в запутанном лабиринте израильского права. Барак привёл цитату американского судьи Атвелла из дела Гуззарди от 1949 года – «Если, чтобы достать из тела человека доказательства, можно использовать клизму, можно использовать и нож хирурга – а следующим шагом будет средневековое испытание огнём и водой, настолько эти методы напоминают дыбу и тиски для пальцев». Вайнбергер, другой американский судья, цитату которого приводит Барак, писал – «Если мы можем насильно промывать желудок, чтобы достать из него доказательства, то в случае, если наркотики попадут из желудка в кровь, логичным было бы обескровить подозреваемого, чтобы из его крови достать настолько ценные доказательства его виновности».

Канадский судья Хагсен, которого также процитировал Барак в своём решении, писал о случае, когда подозреваемый не давал согласия на операцию по извлечению пули из плеча, зная, что пуля послужит доказательством на суде против него – «Сегодня мы разрешим полиции вскрыть плечо подозреваемого, а завтра проснёмся и увидим, как они вскрывают голову, чтобы достать оттуда мозг. Может, в таком случае будет легче бороться с преступностью – но уголовный процесс в цивилизованном обществе постоянно балансирует между необходимостью покончить с преступлениями с одной стороны, и сохранением свобод и прав граждан с другой. И в случае, когда два этих интереса сталкиваются, решение нужно принимать в рамках, наименее унижающих человеческое достоинство».

Таким образом, решил суд, практика насильственной клизмы слишком сильно унижает человеческое достоинство и не может быть применима в израильской тюремной системе. Катлан выиграл дело, и тюремному начальству пришлось искать другие способы для того, чтобы бороться с наркотиками и издеваться над заключёнными.

Израильская мафия и список Одиннадцати Дело 670/79 – Издательство А-Арец против Бецалеля Мизрахи

17 августа 1977 года газета А-Арец – сегодняшний её слоган звучит: «газета для мыслящих людей» - вышла со статьёй, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. В этой статье журналист Ави Валентин, к тому времени уже прославившийся на почве борьбы с организованной преступностью, опубликовал секретный документ, полученный им из тайного источника в штабе полиции, – список «крёстных отцов» израильской мафии. Всего в списке фигурировали 11 человек, и с тех пор, когда речь идёт об израильской мафии, вспоминают тот самый «список одиннадцати».

История эта началась с другого взрыва, настоящего. 27 февраля 1974 года у входа в дом на улице Бен - Йеуда в Иерусалиме сдетонировало взрывное устройство. К счастью, никто из семьи Шилони, проживавшей в доме, не пострадал, но послание было вполне ясно, и адресатом был Элиэзер Шилони, начальник следственного отдела налоговой службы Израиля. Шилони, всего лишь за неделю до того приказавший начать расследование против известного бизнесмена-застройщика Бецалеля Мизрахи, был уверен, что это толстый намёк на его чрезмерное рвение. Этими опасениями он поделился с начальником следственного отдела полиции, и вместе было принято решение взяться за организованную преступность.

К тому времени специальная правительственная комиссия во главе с Меиром Шамгаром, будущим судьёй Верховного суда, расследовала утверждения журналистов о наличии организованной преступности в Израиле и вынесла решение – у нас в Израиле мафии нет! Публично опровергать выводы такой уважаемой комиссии никому из полицейского начальства не хотелось, да ещё и вопросы могли появиться – мол, как вы допустили такое безобразие, и глава полиции тайно приказал подчинённым составить список с десятью фамилиями самых подходящих на место глав мафии преступников. Так как дело это было новое, вносить в список рядовых бандитов не стали, и там очутились как

реальные главари преступных группировок, так и случайные люди, попавшие под подозрение. До сих пор нет единого мнения о том, откуда появился этот список – по одним источникам, он попал в полицию из налоговой инспекции, а по другим – был составлен на основании разведданных оперативного отдела центрального округа полиции.

Так или иначе, список попал на стол командующего центральным округом полиции, где и пролежал несколько месяцев, к вящему недовольству некоторых его коллег, один из которых передал его журналисту в лучших традициях шпионского боевика. Два человека идут мимо, один из них, не говоря ни слова, незаметно передаёт другому свёрнутую в рулон газету, в которой спрятаны документы – и так список попадает в руки Ави Валентина, превращается в газетную статью и открывает новую эпоху в истории Израиля – эпоху публично (но ещё не официально) признанной организованной преступности.

В списке одиннадцати были бандиты, но были и известные бизнесмены. Влияние такой газетной публикации и внезапно свалившейся на голову репутации «крёстного отца» на деловую жизнь человека трудно недооценить – по свидетельству родственников и друзей, многие герои статьи надолго исчезли с глаз общества, перестали выходить из дома и нередко задумывались о самоубийстве. Не все, конечно – не прошло и три года, как Рахамим Аарони по кличке Гумеди и его партнёр по мясному цеху и банде Тувия Ошри убили двух человек прямо на своём заводе. По слухам, убийцы в буквальном смысле слова «заколбасили» своих жертв – пока тела не нашлись в песчаных дюнах, говорили, что искать их нужно в мясной продукции цеха. Ещё два фигуранта списка сели в тюрьму за границей – в США и во Франции, а ещё одного, Иехезкеля Аслана, убили в 1993 году, причём три года спустя убили и его вдову, поклявшуюся отомстить за смерть мужа.

Бецалель Мизрахи, уважаемый бизнесмен и «светский лев», занимавшийся недвижимостью и гостиничным бизнесом, тяжелее всех воспринял публикацию в газете и своё имя рядом с именами

разных сомнительных личностей. Родившийся во Флорентине, неблагополучном районе Тель-Авива, в бедной многодетной семье, Мизрахи своими руками, без семейных связей, тяжёлым трудом и упорством проложил дорогу в израильском бизнесе и к моменту опубликования «списка одиннадцати» немало преуспел, о чём свидетельствовала и его шикарная вилла с бассейном в северном Тель-Авиве. Вероятно, это и мозолило глаза налоговой, и Мизрахи досталось сомнительное почётное место во главе списка.

Единственный из всего списка, он решил бороться за своё доброе имя в суде. Сам суд, в котором он привлёк за клевету журналиста и издательство газеты, был одним из интереснейших, сложнейших и необычных в истории страны. Тысячи страниц протоколов включали допросы свидетелей, согласившихся давать показания только на условии того, что их имена не будут преданы огласке; показания о верхушке политической и армейской элиты, покрывавшей преступные группировки; угрозы убийства и взлом офисов адвокатов, выступавших в суде, и свидетели, различными способами ушедшие из жизни вскоре после его окончания, – такого в нашей стране ещё не было. Сам по себе процесс превратился из требования Мизрахи восстановить своё доброе имя в попытку доказать существование организованной преступности в Израиле и о методах её прикрытия.

Как ни пытались адвокаты газеты приписать Мизрахи к преступному миру, результат оказался плачевным для защиты, и суд постановил, что доброе имя бизнесмена стоит беспрецедентную сумму в 300 тысяч лир – в те времена это было целым состоянием. Однако выигранные деньги и оправдание суда не залечили душевные раны, и до конца жизни – а умер он в 1991 году – Бецалель Мизрахи переживал заново всё тот же день 17 августа 1977 года, когда он в одно мгновение превратился в глазах общества из уважаемого человека в главного израильского мафиози.

В этом деле есть ещё одна пикантная подробность – борьба с организованной преступностью и её связями с политиками была начата молодым и амбициозным политиком, впоследствии ставшим

главой израильского правительства. Этим политиком был Эхуд Ольмерт, на момент написания этих строк приговорённый к шести годам тюремного заключения за взяточничество и ожидающий судебного решения по ещё нескольким коррупционным эпизодам своей деятельности. Вот так закончился политический путь молодого идеалиста.

Религия, государство, армия, телевизор и статус-кво

Багацы – Адвокат Иуда Реслер против правительства

Отец Иуды Реслера, чей путь к спасению от Холокоста из Польши в Израиль пролёг через Сибирь, поселился с семьёй в Тель-Авиве и открыл сперва одно кафе, а потом ещё парочку. Кафе работали каждый день, и суббота не была исключением, за что приходилось выплачивать штрафы – муниципальные инспекторы нещадно штрафовали магазины и прочие открытые в субботу заведения. Шабат, как постановили в мэрии – день без бизнеса, и нарушители должны караться ударом по карману. Удары по карману семьи Реслер-младший запомнил с детства, и его отношение к религиозным запретам сформировалось смолоду.

Став адвокатом, Реслер связал своё имя с борьбой против связки религия-государство, которая превратилась в Израиле в нераспутанный клубок и сегодня затрагивает такие области жизни, как семейное право, еду (кашрут), транспорт, армию, образование и ещё кучу неожиданных для нерелигиозного человека областей. Мы уже знаем из прошлых глав, что определение еврея по светскому закону было взято из законов религиозных – евреем считается только еврей по материнской линии, такова традиция еврейского народа.

Что интересно, на иврите слова «еврей» и «иудей» - это одно и то же слово, и религиозная традиция в принципе не делает различия между национальностью и религией – каждый еврей считается иудеем (неверующий или инаковерующий – просто иудеем заблудшим), а каждый нееврей, совершивший нелёгкую процедуру перехода в иудаизм («гиюр») – евреем. Соответственно, еврейское государство, основанное светскими социалистами из Европы, неминуемо вобрало в себя религиозные нормы, за которые очень цепко держатся религиозные, и против которых усиленно борются сторонники отделения религии от государства.

Первым известным делом Реслера стала защита работающей в субботу автозаправки. В 1968 году мэрия тель-авивского пригорода Рамат Ган оштрафовала владельцев автозаправки, наливавших бензин в шабат и таким образом нарушивших муниципальный закон, запрещающий открытие магазинов по субботам. «Магазинов, а не заправок», - сказал Реслер, доведя дело до Верховного суда, – и победил. Для того, чтобы вынести решение об отмене штрафа, судьи перерыли законы и прецеденты США и Англии и процитировали 21 источник еврейского права – несмотря на грошовую, по меркам Верховного Суда, сумму штрафа, решение было прецедентным, а в английской системе права, доставшейся Израилю в наследство от Британского мандата, прецедент имеет юридическую силу не меньшую, чем закон, а зачастую даже большую.

Следующая громкая победа Реслера произошла в 1969 году и была связана с явлением новым и необычным для Израиля того времени – телевизором. В тогдашнем израильском телевидении был только один – государственный – канал, да и тот вещал лишь четыре дня в неделю по несколько часов в день. Развитие технологий не оставило в стороне нашу маленькую страну, и правительство расширило сетку вещания на многочасовую и ежедневную. Точнее, вначале планировалась ежедневность, но под давлением религиозных партий шабатнее вещание отменили, и телевизор стал кошерным, не нарушающим четвёртую библейскую заповедь – помнить и чтить день субботы.

Реслеру такое ограничение пришлось не по нраву – как и многие светские люди, он не счёл нужным смириться с религиозным диктатом, но, в отличие от остальных, решил что-то для этого предпринять, а именно – подать Багац. Первый его Багац был отклонён Верховным Судом по техническим причинам – у самого Реслера не было телевизора, и суд отказался рассматривать его иск, объяснив, что у него нет личного интереса в исходе дела. Упорный юрист не опустил рук, и буквально сразу же подал новый иск от имени своего зятя, у которого был телевизор. Багац был подан в пятницу вечером, как раз к наступлению шабата, и суд, конечно же, не работал – и Реслер поехал домой к дежурному судье, которым оказался судья Берензон. После трёхчасового заседания в иерусалимском доме у судьи тот вынес решение о

запрете остановки телевидения по субботам. В наше время в Израиле круглосуточно вещают тысячи каналов, но прецедент, установленный Реслером, помнят до сих пор.

А сейчас мы ненадолго вернёмся к первым годам становления государства Израиль. В 1948 году, в разгар войны за независимость и за несколько месяцев до создания государства, Бен-Гурион согласился дать отсрочку от армии ограниченному количеству учеников ешив, дабы те могли продолжить обучение на раввинов. Количество было действительно ограниченным – около 400 человек, однако был создан прецедент, и число освобождённых – а как оказалось, отсрочка всегда превращалась в освобождение от службы, – росло с каждым годом. Если в 1948 году освобождённые от службы будущие раввины составляли 0.3% от общего количества призывников, то к концу 70-х годов этот показатель вырос в 10 раз, и Реслер не выдержал.

В 1981 году наш герой подаёт свой самый знаменитый Багац – требование прекратить практику освобождения от службы для религиозных ортодоксов. Реслер руководствовался принципом справедливости и равенства – ведь если есть ограниченное число задач, которые должна выполнить армия, и часть населения от выполнения этих задач освобождена, то невыполненная ими работа ложится на плечи оставшихся, тех, кто в армию пошёл. И почему одни могут идти учить Тору, не служа в армии, а другие будут учить, например, ядерную физику уже после службы?

Первый Багац Реслера на эту тему Верховный суд отклонил, руководствуясь тем, что тот не доказал непосредственного ущерба для себя и, соответственно, личного интереса в исходе дела. Как мы уже знаем, последовательный и упорный адвокат не любил сдаваться, и за одним иском последовал другой, за другим – третий, и так каждые несколько лет. Долгие годы вёл Реслер войну на истощение с политическим истеблишментом, заинтересованным в сохранении текущего положения вещей – статус-кво. В ходе рассмотрения исков Верховный суд выносил разные решения, в основном не в пользу светских граждан, однако со временем, когда процент освобождённых стал настолько высок, что стало ясно, что

на плечи остальных действительно ложится тяжкое бремя невыполненных задач, суд сказал – мы тут решать ничего не будем, но дальше так продолжаться не может, и дал указ кнессету принять хоть какой-то закон, регулирующий армейский призыв. Так была создана комиссия, впоследствии породившая «закон Таля», сохранивший освобождение ортодоксов от службы в армии, и впоследствии борьба за равенство в исполнении обязанностей по обороне страны перешла на политическое поле.

А адвокат Иуда Реслер продолжает практику из своей конторы в Тель-Авиве, и не опускает руки, продолжая бороться за права светских жителей и отделение религии от государства, а также берётся за интересные и громкие дела. Так в последнее время он представлял интересы «Алеф» - женщины, подавшей жалобу на бывшего Президента Израиля, а ныне заключённого, Моше Кацава.

Нераскрытое убийство и раскаяние судьи

Дело 145/75 – государство Израиль против Амоса Баранеса

22 октября 1974 года Рахель Гелер, солдатка 19 лет от роду, вышла из дома в Тель-Авиве и никогда больше не вернулась. Спустя два дня её тело было найдено на обочине дороги под Кейсарией, и из одежды на ней была одна сандалия и капроновая верёвка, которой она была задушена. Как всегда бывает в Израиле, где убийства нечасты, а убийство молодой солдатки – чрезвычайное происшествие государственной важности, общество требовало немедленно найти и наказать виновных.

Первым под подозрение попал друг Рахели по имени Йорам Бихонский. Вместе с покойной он был членом левацкой организации «Авангард», не раз привлекавшей к себе внимание органов госбезопасности. Именно он был последним человеком, который видел Рахель живой и здоровой, – согласно общепринятой полицейской практике, это превратило его в главного подозреваемого. Однако у Йорама было железное алиби, и все попытки «расколоть» его и привлечь к ответственности не увенчались успехом – следствие пришло к стопроцентной уверенности, что убийцей он не был.

Не увенчались успехом и остальные усилия следствия. Первая специальная следственная группа не смогла найти убийцу, была создана вторая – но и та не достигла результатов, несмотря на многочисленные допросы и даже аресты подозреваемых, а также привлечение к расследованию службы государственной безопасности (Шабака). Пресса сходила с ума, самое громкое дело года – если не последних лет – не было раскрыто двумя следственными группами, и обвинения в адрес полиции слышались со всех сторон. Полиция, как и все государственные структуры, подвержена политическому давлению, и по приказу самого высокого начальства была создана специальная комиссия по проверке провалов двух предыдущих следственных групп. Комиссия под началом Шауля Маркуса выявила даже не промахи, а вопиющие нарушения правил осмотра места преступления и полную халатность в досмотре тела.

По выводам комиссии расследование решили начать заново, и была сформирована третья следственная группа, на этот раз под руководством Маркуса. Задача была поставлена очень чётко – провалу места нет, и убийца должен быть изобличён любой ценой. Спустя полгода после убийства был арестован Амос Баранес. Наученная горьким опытом предыдущих арестов, следственная группа решила держать дело в секрете, и Баранесу предъявили обвинение в совершении развратных действий – причём эту же версию озвучил в суде под присягой и Иуда Эльбаз, полицейский, ходатайствовавший о продлении ареста. Так, по ложному обвинению и с заведомо ложными показаниями в суде был арестован человек, чье имя стало синонимом самой долгой и трудной борьбы за реабилитацию.

Арест Баранеса был последней соломинкой, за которую уцепилась полиция в деле спасения своей репутации, и допрос вёлся непрерывно три ночи и четыре дня, без сна и отдыха, с побоями и угрозами. Всё это время семья и адвокат арестованного пытались понять, где он находится, – однако полиция молчала, и адвокат так и не смог встретиться со своим клиентом. Баранес, никогда прежде не имевший дела с полицией и с преступным миром, был обречён заранее. «Мы отдадим тебя Шабаку», – пообещал следователь, – «а у них есть такой маленький укольчик в затылок, и ты тихо умрёшь, а потом они тебя повесят и скажут – он не выдержал мук совести и повесился в камере». На этом моменте Баранес сломался – потом он объяснял, что бороться за своё честное имя он мог бы только живым, а в словах следователей, пытавших его четвёртые сутки, он не сомневался.

Чистосердечное признание, как известно, облегчает исключительно работу прокурора – и дело немедленно передали в суд. На суде Баранес пытался рассказать, как из него выбивали показания – однако слова человека, признавшегося в убийстве, не смогли перевесить показаний полицейских в чинах и наградах, и приговор суда был однозначен – «виновен». Наказание за умышленное убийство в Израиле одно – пожизненное заключение, и практически всегда за ним следует обжалование в Верховный суд, куда и попало дело Баранеса.

В Верховном суде дело рассматривалось под руководством судьи Хаима Коэна, который тоже не внял жалобам на полицейских. Во-первых, по закону суд высшей инстанции не проверяет фактическую сторону дела – ведь на нём заново не заслушиваются показания свидетелей, поэтому у суда низшей инстанции преимущество и «эксклюзив» на оценку правдивости выступавших. А во-вторых, судьи Верховного суда не поверили в теорию конспирации, описанную Баранесом и его адвокатами – ведь если допустить, что он говорил правду, выходило, что вся следственная группа на самом деле становилась бандой, пытавшей, издевавшейся и лжесвидетельствовавшей в суде. Допустить такого система не могла, да и оправдание «убийцы» означало бы ещё одно признание системы в собственном бессилии в поиске ответственного за громкое преступление – и пожизненный приговор оставили в силе.

Совесть у полицейских иногда неожиданно пробуждается по выходе на пенсию, и спустя несколько лет один из членов следственной группы подтверждает слова Баранеса о методах, которыми выбивали признательные показания. Назначается следственная комиссия по проверке того самого следствия, в результате картина становится ещё более загадочной, чем была раньше. С одной стороны, выясняется, что в районе, где было найдено тело солдатки, в те годы действовал серийный насильник, чей «стиль» один в один совпадал с методом совершения преступления. С другой стороны, много вопросов возникает к Шабаку – оказывается, организация «Авангард» давно была у них на прицеле, и друг покойной, Бихонский, сотрудничал в госбезопасности. Мало того, показания некоторых свидетелей прямо указывали на некоего офицера госбезопасности, который отдал приказ о ликвидации Гелер, подошедшей слишком близко к разоблачению агентов, работавших в Авангарде.

Судья Хаим Коэн, к тому времени вышедший на пенсию по состоянию здоровья, пришёл к выводу о невиновности Баранеса. Совесть не давала ему сидеть сложа руки, и он начал бороться за свободу того самого человека, которому вынес пожизненный приговор. Баранес отказывался просить о помиловании – ведь для

того, чтобы президент мог подписать амнистию, надо было признаться в своей вине, а на это он пойти не мог, предпочитая тюремное заключение. Хаим Коэн сам подал прошение о сокращении срока, не предполагавшее признания вины, и поехал в тюрьму просить у заключённого согласия на этот шаг. Между тем, проверка заместителя генерального прокурора выявляет, что глава следственной группы Шауль Маркус действительно избивал подсудимого и лжесвидетельствовал в суде, и полицейский снова даёт показания в суде, на этот раз в роли обвиняемого. Суд признаёт его виновным – но Верховный суд оправдывает Маркуса за недостатком улик.

Выйдя на свободу, Баранес не прекращает борьбу за своё честное имя. Повторный суд – редкая исключительная процедура в израильском законодательстве, и одна за другой отклонены три просьбы к его проведению. Отклоняя вторую просьбу, судья Верховного суда Мириам Бен-Порат рекомендует «убийце» обратиться на лечение к психиатру, дабы избавиться от obsessions. Однако упорство – и помощь, которую оказывает судья Хаим Коэн, – побеждает, и в 2002 году четвёртое ходатайство о повторном суде принято судьёй Далией Доронер. По закону, прокуратура должна заново подать обвинительное заключение в суд – однако прокуроры не решаются на этот шаг, и после тридцати лет борьбы Баранес официально признан невиновным. В 2012 году государство выплачивает ему – не добровольно, конечно же, а по решению суда – компенсацию в 5 миллионов шекелей, а через год Баранес умирает.

Интересно, что одна из последних бесед уже тяжело больного Хаима Коэна с судьёй Далией Доронер была об этом деле. «Спасибо Вам за то, что исправили мою ошибку» -, сказал судья, посвятивший немало времени и сил борьбе с несправедливостью. «Он был для меня отцом», говорил Баранес о человеке, подписавшем ему приговор о пожизненном заключении, и не побоявшемся признать свою ошибку и бороться за её исправление.

Банковский сговор и биржевой пузырь

Багац 935/89 – Ури Ганор против юридического советника правительства

2 октября 1983 года на бирже в Тель-Авиве началась паника. Израильтяне, годами вкладывавшие деньги в самые надёжные акции – акции банков, которые несколько лет подряд росли, как на дрожжах, внезапно очнулись от эйфории и поняли, что что-то тут не так. Народ бросился продавать акции, которые тут же начали падать в цене, что вызвало ещё большую панику, и в «чёрный четверг» 6 октября всё рухнуло. Под напором желающих скинуть обесценивающиеся с каждой минутой бумаги не устоял ни один крупный банк, и торги на бирже прекратились почти на три недели, за которые национальная валюта, шекель, обесценилась на 23 процента. Один за другим сменяли друг друга политики по телевизору в тщетных попытках успокоить население, и министр финансов запомнился высказыванием – «Мы не дадим обществу навязывать нам свою волю».

Корни этой истории кроются ещё в шестидесятых годах, когда банки, разместившие свои акции на бирже ценных бумаг, начали их продажу своим же клиентам. Акции росли медленно, но стабильно, и в семидесятых, называемых экономистами «потерянным десятилетием израильской экономики», стали символом надёжного вложения средств. С началом восьмидесятых годов банки наконец-то почувствовали настоящий аппетит, и началась азартная игра – банковское начальство против населения Израиля.

Правила игры были просты – банки заботились о том, чтобы акции росли ежедневно, а в самом худшем случае – оставались на том же уровне. О падении цены банковских акций, даже единоразовом, и речи быть не могло. Простая аксиома экономики – спрос рождает предложение – была понята директорами банков в простом и ясном виде – необходимо породить спрос. А породить спрос у людей, в подавляющем большинстве своём не имеющих высшего экономического образования, оказалось очень просто. Во-первых, каждый мог своими глазами убедиться, что акции непрерывно растут. Во-вторых, если у человека не хватало денег на такое

выгодное вложение, банк с радостью выдавал ему ссуду, причём зачастую, если заложить было нечего, под гарантию покупаемых за одолженные в банке деньги. В-третьих, работала знакомая по Советскому Союзу схема «в нагрузку» - хочешь взять ссуду? Прикупи-ка наших акций.

Не останавливаясь на достигнутом, банкиры запустили ещё пару схем. Когда спрос был невысоким, несмотря на все усилия уговорить клиентов вложить все свои средства в пирамиду, банки покупали свои же акции на деньги из пенсионных фондов и сберегательных программ, а когда и это не помогало – договаривались между собой в стиле «сегодня ты купишь у меня, а завтра – я у тебя».

Уставшие от тяжёлого десятилетия рецессии вкладчики увидели возможность вырастить денежные деревья на биржевом поле чудес, и накопленные за всю жизнь шекели потекли в банкирские руки. Когда все вокруг зарабатывают на бирже, просто покупая надёжные акции, нужно быть дураком, чтобы не вложиться в это дело, а дураком, или фраером, как говорят в Израиле, быть не хотел никто. В акции превращались последние сбережения, продавались и закладывались квартиры, а если денег совсем не было – банки с удовольствием давали в долг, только покупай!

Но сколько пузыря не дуться, а конец, как известно, один, и внезапно наступило отрезвление и даже похмелье, и несколько человек, распрощавшись со всем своим имуществом, решили распрощаться и с жизнью. Государство решило вмешаться в ситуацию и национализировало банки – так из частных рук они перешли в государственную собственность. Таким образом не пострадали вклады тех, кто удержался от соблазна вложить все имеющиеся средства в биржевой пузырь, и банковская система была спасена.

В 1985 году была создана правительственная комиссия по расследованию, главой которой стал судья Верховного суда Моше Бейски. Комиссия пришла к выводам в двух областях – общей и

личной. В общем смысле последовали рекомендации по оздоровлению финансово-банковского сектора экономики, в результате которых Израиль оказался одной из немногих стран, практически не пострадавших от «пузыря недвижимости», лопнувшего в 2007 году. А в плане личных выводов последовала рекомендация об отстранении четырёх директоров банков без права занимать ведущие должности в банковском секторе. Что же до государственных чиновников, призванных следить за ситуацией и не допускать подобных сценариев, – до них руки комиссии не дошли, и лишь президент государственного банка Израиля добровольно отправился в отставку.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается, и в 1989 году юридический советник правительства наконец вынес решение о привлечении банкиров и аудиторов к уголовной ответственности. Точнее, решение о непривлечении – с них достаточно и увольнения, сказал юридический советник, и закрыл дело «за отсутствием общественного интереса». Тель-Авивский адвокат Ури Ганор не смирился с этим решением и опротестовал его в Багаце, перед которым встал интересный вопрос – может ли суд контролировать профессиональные решения юридического советника правительства? Может, ответили судьи Верховного суда, и сочли решение об «отсутствии общественного интереса» в высшей степени ошибочным и нелегитимным. Десятки тысяч людей потеряли все свои сбережения в результате сговора банкиров – у общества, сказал Верховный суд, есть немалый интерес увидеть их на скамье подсудимых.

В 1990 году банкиры с аудиторами наконец попали под суд, который вынес весьма суровые приговоры, включавшие как штрафы, так и реальные сроки тюремного заключения. Подсудимые не хотели в тюрьму, и в 1994 было подано обжалование. Верховный суд рассматривал обжалование другим составом судей, и в результате банкиры не провели ни одного дня за решёткой, отсидевшись штрафами да, в худшем случае, исправительными работами. Такое наказание постигло шайку высокопоставленных мошенников, разоривших десятки тысяч людей и приведших экономику страны на грань краха из-за своей жадности.

Выбитые признания и национальный вопрос Дело 5052/99 – государство Израиль против Ахмада Козли и др.

8 декабря 1983 года Дани Кац, которому было 15 лет, вышел из дома в Дении, приличном районе Хайфы, и исчез. Его тело со следами жестокого насилия было найдено три дня спустя в пещере недалеко от арабского городка Сахнин, и вся страна погрузилась в траур. Убийство и изнасилование подростка стало основной новостью прессы, и имя «Дани Кац» было у всех на устах.

С самого начала основной версией следствия был националистический мотив – так как мальчика нашли около арабского городка, практически никто не сомневался в том, что убили его именно арабы. Неподалёку от тела нашли мусорный пакет, в котором среди прочего мусора были конверты и банковские квитанции с именем Самир Ганама из Сахнина. В тот же день Самира и двух его друзей из Сахнина, а также двух бедуинов из соседней деревни, арестовали и выпустили спустя три недели, в течение которых как полиция, так и Шабак вели интенсивные допросы. Никаких доказательств причастности Самира к преступлению не нашлось, а следователи госбезопасности, с особым пристрастием проводившие допрос всех трёх подозреваемых, пришли к уверенному выводу в их полной невиновности.

Шло время, и гнев общественности обратился на полицию, так и не нашедшую преступников. Депутаты кнессета требовали результатов, как обычно, обвиняя полицейских в неспособности быстро и эффективно исполнять свои обязанности, и давление на правоохранительные органы пошло со всех сторон – и общественность, и политики, и пресса хотели немедленных арестов. Так как никаких ниточек к раскрытию дела у полиции в руках не было, а арестовывать кого-то надо было срочно, пятерых арабов арестовали заново.

Теперь у полиции не было выхода – нужно было оправдывать общественное доверие, и арестованных начали «колоть». Так как никаких улик, кроме пакета с мусором, так и не нашли, единственным шансом стало признание подозреваемых – и оно пришло. Тридцатилетняя борьба пятерых арабов впоследствии сосредоточилась на том, каким образом эти признания были добыты, а точнее, по их утверждению, выбиты. «Царица доказательств» - так назвал суд признание, исходя из того, что ни один человек не будет себя оговаривать. А так как по закону к признательным показаниям подсудимого в полиции, от которых он отказывается в суде, должны присоединиться дополнительные доказательства, суд нашёл изящное решение – признания одного служат доказательством вины второго и наоборот.

В чём же признались обвиняемые? По их рассказу, подкреплённому следственными экспериментами, они встретились у магазина, в котором работал один из них, и внезапно решили похитить и убить еврейского мальчика. Часть из них друг друга не знала, но это не помешало им договориться и на следующий же день похитить подростка прямо на оживлённой хайфской улице. Дальше показания начинают расходиться практически во всём – и в том, как засовывали в машину, и в том, кто держал, и как убивали, и что делали с телом. Интересна и последовательность признаний – по мере того, как от судмедэкспертов поступали новые данные, соответственно изменялись и признательные показания, а если что-то не совпадало – эксперты переписывали заключения, чтобы картинка была глаже.

От стенограмм допросов и прослушек обвиняемых (а их прослушивали в камерах) дрожь берёт даже привыкших к полицейскому беспределу адвокатов. Вот, например, беседа одного из обвиняемых с молодым парнем, который во время совершения преступления ехал с ним в одной машине совсем в другом месте. Здесь я опускаю многочисленные арабские имена, которые вместо придачи делу ясности совсем запутают непривычного к ним читателя, и вместо Джадаан и Ганаийям обозначу их О(бвиняемый) и С(видетель). Свидетель не хотел отказываться от своих показаний, по которым выходило, что обвиняемый никак не мог совершить то, в чём уже признался, а полиция никак не могла его убедить соврать.

О: «Всё, конечно, мы все признались. Ничего не знаю про это дело, но нас здесь убивают, поэтому скажи, что ты меня не видел, скажи им, что я с тобой не ехал»

С: «Но ты же ехал вместе со мной в одной машине!»

О: «Ты не понимаешь, нас тут убивают побоями, мы признались, чтобы нас не убили. Скажи, что меня с тобой не было»

С: «Но как я скажу, это же неправда! Как мне потом перед богом ответ держать?»

О: «А как будешь ответ держать, если они меня здесь убьют? Скажи по крайней мере, что ничего не помнишь. Мы во всём признались»

С: «Как же вы признались, если ты был со мной в машине? И как я могу не помнить, если я помню?»

О: «Нас током пытали. Не бойся, тебя они бить не будут. С моей жизнью всё равно покончено, и оправдает меня только бог, а тебе ещё жить надо – скажи, что не помнишь, что перепутал, спаси меня»

Подробности признаний и следственных экспериментов заполнили не один том расследований и комиссий, впоследствии проверявших ход дела. Снятый на видео следственный эксперимент, на котором один из обвиняемых говорит – я не убивал, перестаньте меня бить, а потом в съёмках перерыв на несколько часов, его увозят в подвал, а когда он оттуда возвращается уже ночью, начинает показывать, как всё дело было, постоянно спрашивая у следователей: «Так? Сюда идти? Здесь я был?» - относительно этого эпизода судьи постановили, что за несколько часов в обвиняемом «заговорил голос совести». Прослушки в камере: «Ты уже признался? – Да, меня забили чуть не до смерти, я себя оклеветал, а ты? – Я сломался после того, как меня электричеством пытали. – Ничего, даст бог, выйдем отсюда живыми и всем расскажем, что с нами было».

Они вышли живыми, хотя и покалеченными, из подвалов полиции. В одном из протоколов допроса, начавшегося с утра и

закончившегося под утро госпитализацией подследственного с трещиной в ребре, за весь день присутствует лишь одна запись – «Попросил сигарету, получил две».

Следствие закончилось, начался суд. К началу суда газеты уже признали обвиняемых виновными, депутаты требовали расстрела, и никто всерьёз не рассматривал версию об их невиновности. Когда перед судом с одной стороны были рассказы пятерых убийц-арабов, признавшихся в том, что они вместе похитили и убили мальчика, а потом ещё и четверо из них изнасиловали тело покойного, а с другой стороны – показания полицейских-героев, которыми гордилась вся страна, шансов у обвиняемых не было.

Последовало обжалование в Верховный суд – и отказ. Просьба о проведении повторного суда – и отказ. Однако абсурдность признаний, отсутствие любых улик, несовпадения показаний, уверенность следователей Шабак в невиновности пятёрки и прочие признаки невиновности привели к созданию специальной проверочной комиссии прокуратуры, которая порекомендовала согласиться на просьбу о проведении повторного суда. Повторный суд опять концентрировался на вопросе того, как были добыты признания. И снова суд встал перед дилеммой, ведь в любом случае имелась организованная преступная группировка – либо банда арабов-убийц-некрофилов, либо банда евреев-упырей в форме полицейских. Такие дилеммы израильский суд решает однозначно, и пятерых «убийц» снова признали виновными.

Снова обжалование в Верховный суд, снова отказ, снова просьбы о повторном суде, снова отказы – и до сих пор пятеро невинных людей, оклеветавших себя под пытками, сидят в тюрьме. Срок их освобождения подойдёт к 2020 году, а там, вероятно, кто-нибудь из полицейских выйдет на пенсию, разговорится о том, как всё было на самом деле, и может быть когда-нибудь суд оправдает попавших под пресс несчастных, пока что оправданных только богом.

Автобус номер 300 и преступники из госбезопасности

Багац 428/86 – Ицхак Барзилай против правительства Израиля

12 апреля 1984 года из Тель-Авива в Ашкелон выехал автобус с тридцатью пассажирами, среди которых было четверо семнадцатилетних подростков. Посреди дороги четверо подростков выхватили ножи и угрозами заставили водителя свернуть в сторону родного дома – на Газу, а остальные пассажиры превратились в заложников. По дороге террористы выпустили из автобуса беременную женщину, которая вызвала полицию.

Ранним утром следующего дня группа бойцов спецназа десантников под руководством Ицхака Мордехая, впоследствии ставшего министром обороны Израиля, штурмовала автобус, уже подъехавший к Газе. Во время штурма погибла одна из пассажирок, солдатка, и двое террористов. Оставшиеся двое были биты десанниками – чтоб исключить возможность подрыва заряда, который вполне мог у них оказаться. Заряда не оказалось, и солдаты отвели террористов в поле, где те снова были биты – по свидетельствам очевидцев, сам будущий министр бил их рукояткой личного пистолета, после чего их передали подъехавшим силам Шабак – госбезопасности.

Офицеры Шабак под командованием Эхуда Ятома усадили двух молодых террористов в джип, и больше их никто не видел – как оказалось впоследствии, глава Шабак Авраам Шалом дал приказ «мочить их прямо в джипе». По радио объявили, что двое убиты, а двое захвачены, но через несколько часов было объявлено, что во время штурма убиты все четверо террористов. Возникшая в результате путаница привела к тому, что министр обороны Моше Аренс назначает секретную комиссию по проверке обстоятельств смерти террористов, а израильские газеты получают от военной цензуры приказ не публиковать ни того, что двое были живы во время передачи Шабаку, ни самого факта создания комиссии.

Газета «Хадашот» (Новости) была в это время совсем новорождённой – она была основана в марте 1984, за полтора месяца до описываемых событий. С самого дня своего основания редакция газеты поставила цель информировать общество обо всём, не поддаваясь влиянию политиков и армии. Её главный редактор, Йоси Кляйн, отказался от настойчивого предложения войти в «комиссию редакторов», в которой состояли главы всех основных израильских газет и представители армии и правительства. 2 марта Кляйна пригласили в военную цензуру и вручили приказ, в соответствии с которым газета должна была предоставлять все готовящиеся к печати материалы на предварительную проверку цензорам.

С момента захвата автобуса прошло всего три дня, а газета Хадашот уже доводит до сведения читателей известие о том, что двух террористов погрузили в джип Шабака живьём, ссылаясь на Нью-Йорк Таймс. Известие, противоречащее официальной версии событий, поднимает бурю в СМИ и в обществе. Отсюда события нарастают лавиной – газету закрывают на несколько дней за нарушение правил цензуры, официальные источники госбезопасности гневно отрицают клеветнические измышления, журналисты подвергают сомнению их правдивость, и никто не знает, что же произошло на самом деле, пока почти месяц спустя, уже в мае, газета не публикует фотографию.

На снимке, сделанном фотокорреспондентом газеты Алексом Ливаком, видны два офицера госбезопасности, ведущие под руки вполне живого террориста. С таким снимком поспорить было нельзя, и началась большая политическая игра – как прикрыть своих и на кого спихнуть вину. Комиссия по расследованию, назначенная министром обороны, включала в себя офицера Шабака Йоси Гиносара, который сливал своим коллегам все подробности заседаний и совместно с главой службы госбезопасности и её юридическими советниками готовил офицеров с Эхудом Ятомом во главе к даче заведомо ложных показаний. Ятом рассказал о том, что толпа, собравшаяся вокруг пойманных террористов, избивала их руками и ногами, а он всего лишь раз не сдержался и дал одному из задержанных пощёчину. По дороге же на следствие, рассказал Ятом, террористам поплохело, и их повезли в больницу, но не

довезли, и они умерли по дороге. Той же версии держались и его подчинённые.

Надо сказать, что Йоси Гиносар к тому моменту уже успел отличиться, успешно раскрыв дело офицера-шпиона черкесского происхождения по имени Изат Нафсо. Правда, потом выяснилось, что Нафсо был никакой не шпион, а показания его были выбиты под пытками, а сам Гиносар уверенно лгал суду и даже фальсифицировал доказательства – впоследствии это ему откликнулось, когда Багац запретил назначать Гиносара директором министерства строительства.

В результате комиссия пришла к выводу о том, что неизвестные побили задержанных, а офицеры Шабак вообще не при чём. Однако, сказала комиссия, офицер должен быть сдержаннее, и за пощёчину Ятом попал под дисциплинарный суд, который его полностью оправдал. Юридического советника правительства, Ицхака Замира, сомнительные выводы комиссии не удовлетворили, и по его указанию была назначена ещё одна, на сей раз прокурорская, – однако заслушав те же показания сотрудников госбезопасности, она пришла к тем же выводам.

Тем временем наступил 1985 год, и трое высокопоставленных офицеров Шабак – Рафи Малька, Рувен Хазак и Пелег Ради – поставили главе службы безопасности ультиматум, в котором требовали от него рассказать всю правду и уволиться. Ни того, ни другого Авраам Шалом делать не собирался, и тройка правдоборцев пошла к юридическому советнику правительства Ицхаку Замиру с рассказом о том, что же было на самом деле – как был получен приказ, как прикрывали друг друга офицеры и как обвели вокруг пальца две правительственные комиссии.

Ицхак Замир не захотел замять дело, и приказал полиции начать расследование. Судьба двух террористов уже мало кого заботила, а вот то, что главы службы безопасности с такой лёгкостью лгали правительственным комиссиям, как будто бы имели дело с врагами государства, потрясло общественность. В результате Замир слетел

со своего места, и был заменён другим юристом, Йосефом Харишем, более удобным и сговорчивым. Хариш посоветовал президенту амнистировать всех участников событий, тем самым прекратив расследование и не доведя дело до суда.

Лидеры оппозиции и общественные деятели подали в суд. Главный их аргумент в Багаце был таков – в полномочия президента входит помилование преступников, однако, как известно, человек невиновен, пока не осуждён. Так как офицеры госбезопасности не были осуждены – следствие по их делу только начиналось – помиловать их президент вроде бы не имел права. Истцы требовали сперва расследовать, потом судить преступников, а уж потом президент мог их помиловать. Однако судьи Верховного Суда не вняли их аргументам, и был создан прецедент – преступников амнистировали без суда и следствия, таким образом оберегая их от следствия, а израильское общество – от правды.

Впоследствии Эхуд Ятом, главная звезда всей этой истории, железной трубой лично забивший до смерти пленного подростка, стал депутатом кнессета от партии Ликуд, Йоси Гиносар – советником премьер-министра по вопросам борьбы с террором, Авраам Шалом переместился с должности главы Шабака на директорский пост в израильской авиационной промышленности, а уволенный за правду Ицхак Замир – судьёй Верховного суда. По результатам дела была созвана ещё одна правительственная комиссия, которая раскрыла практику пыток во время следствий Шабака, но это уже совсем другая история.

Свобода слова и национальный вопрос

Багац 399/85 – Раввин Меир Кахане против комитета по телерадиовещанию

Меир (Мартин) Дейвид Кахане родился в 1932 году в религиозной еврейской семье в Бруклине, Нью-Йорк. Успешно совмещая религиозное образование со светским, он стал и раввином, и юристом, получив вторую академическую степень в престижном колледже New York Law School, а степень магистра по международным отношениям – в университете Нью-Йорка. В шестидесятых годах Кахане совмещал деятельность раввина, журналиста и даже несколько лет работал агентом ФБР, под видом христианского репортёра из Южной Африки внедрившись в крайне правое «Общество Джона Бёрча». В этом образе он так вжился в роль, что уже будучи женатым и с двумя детьми, помолвился с нееврейской девушкой, открыв ей свою тайну в письме, посланном за два дня перед свадьбой. Позже он говорил другу, что месяцами носил цветы на могилу девушки, в тот же день спрыгнувшей с моста.

В 1968 году Кахане основал «Лигу защиты евреев», основанную на идеологии вооружённой националистической борьбы. Сперва Лига организовывала мирные демонстрации, потом – менее мирные, а позже перешла и к терактам. Сам Кахане из агента ФБР превратился во врага организации, и в 1971 году раввин получает первый условный срок за организацию преступной группы по изготовлению взрывчатки. В 1975 он вновь предстаёт перед судом по обвинению в организации нападения на полицейских, охранявших советское посольство, и в том же году получает год тюрьмы за планы похищения советского дипломата и подрыва иракского посольства в Вашингтоне. Свой срок Кахане провёл в основном не в тюрьме, а в отеле, из которого, впрочем, зачастую отлучался – там не подавали кошерной еды, и раввин получил практически полную свободу передвижений.

«Лига защиты евреев», занесённая ФБР в список террористических организаций, успешно провела несколько терактов против представительств Советского Союза, как дипломатических, так и

культурных – взрывали диппредставительства и Аэрофлот, жгли машины и офисы импресарио, занимавшегося гастрольями советских артистов. СССР был избран Кахане как основная мишень для того, чтобы привлечь внимание американской общественности к проблеме советских евреев. О результатах деятельности Кахане мнения разделяются диаметрально противоположно – в то время, как одни говорят, что это был единственный способ обратить внимание Америки на плачевное положение советского еврейства, другие называют его бандитом, изрядно навредившим усилиям американского правительства в деле спасения еврейских диссидентов и открытия возможности покинуть СССР.

Начиная с 1971 года Меир Кахане делил свою жизнь между Израилем и США. С 1973 года Кахане несколько раз пытался избраться депутатом кнессета – в 1973, 1977 и 1981 годах, но не прошёл избирательного барьера. В 1984 году избирательная комиссия не допустила к участию в выборах партию «Ках», основанную Кахане, и «Прогрессивный левый список», находившийся на противоположном краю политического спектра. В соответствии с принципом диалектического материализма о единстве противоположностей, обе партии встретились на процессе в Верховном суде, который постановил – пока партия не призывает к уничтожению государства Израиль, а только к смене государственного строя, запрещать её мы не имеем права. Так, с трудом преодолев избирательный барьер, Кахане попал в кнессет, где и стал единственным представителем своей партии, главными целями которой были этнические чистки Израиля от арабов и превращение государства в галахическое, то есть управляемое не светскими, а религиозными законами.

Принимая присягу депутата кнессета, Кахане добавил к «Я обязуюсь» слова из Библии – «хранить Тору всегда и вечно». Как оказалось впоследствии, это было сделано не просто из религиозных побуждений – согласно американскому законодательству гражданин, принявший присягу верности другой стране, автоматически теряет гражданство США, и когда в Америке попытались лишить раввина гражданства, он объяснил, что присягал верности не стране, а Торе. В результате последовавшего за этим суда Кахане был вынужден заново присягать на верность Израилю.

Взгляды Кахане, быстро набиравшие популярность среди населения (по опросам общественного мнения, если бы выборы состоялись через год после его избрания, его партия получила бы 11 мандатов), не нравились местной политической элите, и в 1985 году раввина Меира Кахане запретили – или, как говорят сейчас, забанили – на израильском радио и телевидении. Комитет телерадиовещания обосновал свою позицию так – государственные средства массовой информации не могут быть трибуной для националистической пропаганды и заявлений, противоречащих духу «Заявления о независимости государства Израиль», в котором говорится о равенстве всех граждан страны, независимо от национальности.

В который раз Кахане идёт протоптанной дорожкой – в Верховный суд. Свобода слова, говорит он, не может быть ограничена только потому, что его взгляды не совпадают с генеральной линией партии, ведь мы не в Советском Союзе. Кроме того, государство Израиль – еврейское и демократическое, поэтому запрет на пропаганду еврейской национальной идеи вдвойне абсурден.

Верховный суд рассматривал как частный случай Кахане, так и принципиальный вопрос свободы слова и границ этой свободы. Джон Стюарт Милль в своём знаменитом эссе «О свободе» обосновал необходимость свободы слова – ведь даже если высказываемая мысль абсолютно ложна, как мы можем это знать, если не сравним её с истиной? Ценность ложных, неверных высказываний нельзя недооценивать, ибо только они позволяют нам отличить истину от лжи.

На вопрос, входит ли в рамки свободы слова свобода распространения идей, оскорбляющих общество или его часть, а конкретно – националистических и расистских идей, суд ответил положительно. Нельзя давать чиновникам власть запрещать неудобные, непопулярные и даже абсолютно неприемлемые для общества мнения, постановил Верховный суд. А если чиновники считают, что какие-то речи несут в себе состав преступления, так

на это и есть суд, чтобы разбирать, что является преступлением, а что нет.

Кахане выиграл суд, но проиграл битву в кнессете, который поменял закон так, что его партия не смогла участвовать в следующих выборах. Он продолжил политическую деятельность уже не в роли депутата, привлекая сторонников на многотысячные митинги как в Израиле, так и в США, и в ноябре 1990 года был убит палестинцем, как впоследствии оказалось, связанным с Эль-Каидой. А в 1994 году его последователь, доктор Барух Гольдштейн, совершил теракт в Хевроне, после чего движения «Ках» и «Кахане хай» были признаны террористическими организациями и объявлены вне закона в Израиле, США, Канаде и Европейском союзе, и с тех пор пропаганда идей Кахане фактически приравнена к пропаганде террора.

Тайна журналиста и конфиденциальность источника информации

Дело 298/86 – Бен-Цион Цитрин против Адвокатского дисциплинарного суда

Израильская судебная система берёт начало в системе английской, а многие из первых судей Верховного суда были выходцами из Германии. Сделано немцами по английскому рецепту, как говорится, это гарантия абсолютного качества – и действительно, из всех государственных структур судебная до сегодняшнего дня оказалась самой устойчивой к коррупции, да и доверие израильского общества к судам традиционно выше, чем к правительству и политикам.

Адвокат в традиционной системе права – лицо уважаемое, с особым статусом «officer of the court». Офицерское звание накладывает ограничения, и до недавнего времени реклама адвокатов была абсолютно, полностью и безоговорочно запрещена. Палата адвокатов Израиля внимательно надзидала за поведением юристов и неукоснительно карала провинившихся в отступлении от правил, поддавшихся на соблазн саморекламы. Закон дал Палате адвокатов полномочия, имеющиеся у государственных следственных комиссий, и в том числе право вызывать на допрос любого гражданина и штрафовать отказавшихся ответить.

В 1986 году известный израильский журналист Бен-Цион (Бени) Цитрин опубликовал статью, в которой рассказал о громком деле – известная в богемных кругах женщина требовала алименты от отца её детей. Дела, связанные с несовершеннолетними, заслушиваются судом за закрытыми дверями, и имена сторон огласке не подлежат, поэтому богемные личности раскрыты не были. Зато статью украсили фотографии адвокатов, которые вели процесс, и вкуче с их именем и хвалебными отзывами о мастерстве ведения дела это очень смахивало на рекламу.

Палата адвокатов начала процесс дознания по подозрению в рекламе, самое настоящее следствие. На допрос вызвали Бени

Цитрина, и потребовали от него дать ответ на главный вопрос – откуда у него данные о деле, где произошла утечка информации, кто инициировал «слив»? Само собой, под подозрением были адвокаты, ведущие дело и получившие массу внимания после публикации имени и фотографии, но одного подозрения было недостаточно – нужна была уверенность, основанная на свидетельских показаниях журналиста. А журналист свидетельствовать отказался, сославшись на необходимость оберегать конфиденциальность источников информации. Палата воспользовалась своим правом оштрафовать отказывающегося от дачи показаний свидетеля, и Цитрина наказали материально.

В этот момент к делу подключился Хаим Штангер – адвокат, поэт и любитель искусств, который подал обжалование решения адвокатского суда прямо в Верховный суд. Проблема заключалась в том, что в законе упоминания об журналистской тайне вообще не существовало. Есть тайна государственная, тайна адвокатская, тайна врача, психолога и священника. А тайны журналиста закон не предусмотрел. Но Штангера это не смутило – вооружившись прецедентами английских и американских судов, а также логикой, он пошёл в Верховный суд создавать прецедент.

Из 28 страниц судебного решения лишь одну страницу заняло описание дела, а всё остальное – академическая дискуссия о том, нужна ли журналистская тайна, в каком виде она присутствует в других странах и что с ней делать в Израиле, где закон о ней умалчивает. Оказалось, однако, что и в других странах, где суды признали за журналистами право хранить молчание в ответ на вопрос о своих информаторах, закона на эту тему не было. В Англии и в Америке, где система права Common Law основана на прецедентах, журналистская тайна появилась в результате так называемого «прецедентного законодательства» - то есть не из закона, а из решений, вынесенных судами.

Как же относились суды к этому вопросу? Как и всегда, взвешивались различные интересы (недаром Фемида держит в руке весы) – с одной стороны, общественный интерес свободы прессы, а с другой – соблюдения законности. В Англии свобода

слова была основной ценностью ещё с незапамятных времён, а в США её защитила «Первая поправка к конституции», на которую и ссылались журналисты в своих обращениях в суды. Суды признали право на журналистскую тайну, но не в любом случае. Например, в разбирательстве дела о шпионской сети в Англии от автора статьи о шпионах потребовали раскрыть источники во имя государственной безопасности, а американский журналист, писавший о драгдилерах, получил такое же решение в США.

Проанализировав десятки прецедентов из США, Англии и Австралии, суд перешёл к рассмотрению конкретного вопроса. Что перевесит в данном случае – свобода слова или необходимость наказать адвоката, запустившего в газеты свою рекламу? Недолго колебавшись, судьи пришли к выводу о том, что в данном случае свобода слова важнее, и освободили журналиста от наказания. Хотя речь шла о не очень большой сумме денег, важен был сам прецедент – ведь это было первое в Израиле судебное решение, защитившее журналистов и тех, кто шёл с ними на сотрудничество.

С тех пор поменялись правила рекламы – адвокаты выступают по телевизору, ведут колонки в газетах и на радио, и даже имеют право открыто рекламироваться в печати и интернете. Палата адвокатов насчитывает более пятидесяти тысяч членов, и количество адвокатов на душу населения в Израиле – самое высокое в мире, недаром каждая хорошая еврейская мама мечтала о том, чтобы сын стал юристом.

Бен-Цион Цитрин основал агентство по связям с общественностью и представляет интересы ведущих брендов в Израиле, адвокат Хаим Штангер продолжает успешную юридическую практику из своей конторы в центре Тель-Авива и получил звание доктора права и доктора литературы, израильские журналисты больше не обязаны отвечать на вопрос об источнике информации, а общество из-за этого узнало много нового и интересного о своих руководителях.

Бесплатные билеты и дискриминация сексуальных меньшинств

Багац 721/94 – «Эль-Аль» против Йонатана Даниловича

Те, кто хоть раз прилетал в Израиль самолётами «Эль-Аля», на себе испытали дотошность проверки службы безопасности компании. Жалобы на тщательность досмотра неоднократно озвучивались пассажирами, чьё путешествие в Израиль началось с многочасового допроса с пристрастием, но именно благодаря этому «Эль-Аль» и сегодня является самой безопасной авиакомпанией в мире, что признают даже американцы, – после падения башен-близнецов 11 сентября 2001 года израильские самолёты первыми получили разрешение на возобновление полётов в США, за два дня до всех остальных авиалиний в мире.

Первый полёт компании «Эль-Аль» состоялся в сентябре 1948 года, когда первый президент Израиля Хаим Вайцман прилетел из Женевы в только что созданную страну, а официально компания была зарегистрирована в следующем, 1949 году. К концу пятидесятых годов самолёты «Эль-Аля» проложили маршрут из Израиля в Нью-Йорк, дважды побив мировой рекорд по длине коммерческого беспосадочного перелёта. До 1977 года самолёты национальной авиакомпании летали и по субботам, но после прихода к власти партии Ликуд полёты стали кошерными и шабат больше не нарушался.

1 января 1986 года в договор между сотрудниками компании и её руководством были внесены дополнения – бесплатный билет, ранее полагавшийся только официально зарегистрированным супругам работников, стали выдавать и «гражданским супругам» – тем, кто жили вместе с работниками и вели общее хозяйство, что называется на английском «common law spouses». Это решение было следствием общего тренда израильской юриспруденции – признания прав незарегистрированных супругов и уравнивания их статуса с теми, кто живёт в официальном браке.

Йонатан Данилович родился в Южной Африке в год окончания Второй мировой войны, и в возрасте двадцати шести лет репатриировался в Израиль. В то время признание прав сексуальных меньшинств ещё не дошло до относительно консервативного израильского общества, и Данилович организовал комитет по защите прав сексуальных меньшинств, штаб-квартира которого расположилась у него дома. Его борьба включала и организацию конгресса ЛГБТ-организаций в Израиле, и первый гей-парад, проведённый в Тель-Авиве. Работал он стюардом в «Эль-Але», и в январе 1988 года потребовал у фирмы бесплатный билет для своего гражданского супруга.

Необычное требование не нашло отклика в соблюдающей шабат и кашрут пищи фирме, хотя Данилович объяснил, что они ведут общее хозяйство и живут вместе в совместно купленной квартире. После длительных размышлений руководство «Эль-Аля» согласилось выдать полагающийся по праву билет, однако единоразово и «в виде исключения». И действительно, уже в следующем году Данилович билета не получил, в связи с чем подал иск в суд по трудовым конфликтам. Быстро сказка сказывается, да небыстро суд вершится, и решение суда подоспело к 1992 году. Как раз в том году была принята поправка к Закону о равенстве на работе, запретившая дискриминацию трудящихся по признакам «пола, сексуальных предпочтений, семейного положения и количества детей», и Данилович попал в защищённую законом категорию.

Данилович был упрям, но и «Эль-Аль» решил от своего не отступаться – почему-то продолжение дискриминации сексуальных меньшинств было принципиально важно для государственной компании, и дело перешло в высшую инстанцию по трудовым спорам. Высший трудовой суд поддержал решение низшей инстанции и обязал «Эль-Аль» предоставить билеты супругу Даниловича. Казалось бы, дешевле уже поката́ть человека на самолёте, чем судиться дальше, но компания не сдалась без боя, и в 1994 году подала иск в Верховный суд. Ответчиками были сам Данилович и Высший трудовой суд, вынесший, по мнению юристов фирмы, принципиально неверное решение.

Верховный суд решил в пользу Даниловича, хотя мнения судей разделились. Судья Аарон Барак, ставший к тому времени президентом Верховного суда, обосновал своё решение на Законе о равенстве на работе. «Неужели расставание с партнёром того же пола легче, чем с полом противоположным? Или совместная жизнь с партнёром того же пола отличается, касаясь партнёрства и организации совместного быта, от партнёрства людей разного пола?», – вопрошает Барак в своём решении и приходит к ответу – разницы нет.

Судья Далия Дорнер, поддержавшая решение Барака, отметила в своём вердикте, что Закон о равенстве на работе лишь обозначил формально уже существующий принцип равенства, на котором строится демократическое общество. Право Даниловича на бесплатный билет для супруга следует, по её убеждению, не столько из закона, сколько из базового для израильского общества понятия о равенстве всех граждан перед законом.

Судья Яков Кедми – непревзойдённый эксперт в области уголовного процесса, книги которого стоят на полке у любого уголовного адвоката – оказался в меньшинстве. «Равенство», – писал он, «распространяется только на равных. Однако брак мужчины и женщины находится в принципиально иной категории, чем временный союз двух граждан одного пола, и «Эль-Аль» прав». Подход Кедми оказался слишком консервативен для нового времени, и Данилович получил свой ежегодный билет.

С тех пор прошло двадцать лет, Йонатан Данилович уже пенсионер, живёт с тем же партнёром и всё с тем же упорством продолжает защиту прав ЛГБТ-сообщества, а также борется за права животных и права потребителей. Ну и ещё мы благодарны ему за здоровье – в девяностых годах именно он заставил Эль-Аль отказаться от курения в самолётах.

Свобода слова и тайны израильской разведки

Багац 680/88 – Меир Шницер против главного военного цензора

Израильская внешняя разведка – тот самый знаменитый «Моссад», который нередко приводят в пример как одну из самых эффективных разведывательных служб в мире, – по роду своей деятельности была и остаётся глубоко засекреченной организацией. Созданный 1 апреля 1951 года «Моссад» – совсем не шутка, и до конца восьмидесятых годов даже имя главы «Моссада» было запрещено к публикации.

В 1988 году каденция главы «Моссада» Нахума Адмони подошла к концу, и в правительстве начался процесс подбора преемника. Адмони, возглавивший разведку в 1982 году, начал свою деятельность с крупнейшего в истории Израиля международного скандала – его имя фигурировало в отчёте правительственной комиссии по расследованию бойни в Сабре и Шатиле, лагерях палестинских беженцев в Ливане. В ответ на убийство президента Ливана Башира Жмайеля христианская милиция – фаланги – зашла в лагерь беженцев, населённый палестинцами-мусульманами, и устроила там резню, не жалея ни женщин, ни детей. Точное количество погибших так и не было установлено, и цифры из различных источников – от 400 до двух тысяч человек.

С самого начала мир обвинил в этой дикой резне Израиль – на убийцах была израильская военная форма, но расследование показало, что в лагерь беженцев зашли силы фалангистов, союзников Израиля. Так как дело происходило в части Ливана, находившейся под контролем Цахала, ответственность, пусть и не прямая, легла и на израильское военное командование. Для расследования роли армии и разведки была создана правительственная комиссия, которая возложила ответственность на ряд высокопоставленных офицеров, включая Адмони, – его вина была в том, что он вовремя не информировал правительство о происходящем. Несмотря на это, выводы комиссии не содержали рекомендаций по наказанию главы «Моссада», и он продолжил руководство разведкой.

В августе 1988 года Тель-Авивская газета «Ха-Ир» (Город) собралась опубликовать статью, в которой содержалась критика уходящего главы разведки, и подчёркивалась важность открытой публичной дискуссии – ведь от человека, возглавляющего самую влиятельную спецслужбу страны, зависит будущее Израиля, безопасность и имидж на международной арене. Трижды обращалась газета в главному военному цензору, и трижды цензор «зарубил» статью. Аргументы цензуры были логичными для страны, находящейся в постоянном военном конфликте, страны, само существование которой с самого её основания стало неприемлемым для всего окружающего арабского мира.

«Во-первых», – сказал цензор, «само упоминание имени главы «Моссада» подвергает опасности жизнь глубоко законспирированного руководителя разведки. Во-вторых, описание его промахов раскрывает методы оперативной и агентурной работы и таким образом подвергает опасности всех сотрудников «Моссада» и затрудняет продолжение успешной разведывательной деятельности. И в-третьих, сама суть статьи, подчёркивающей важность и общественную значимость назначения нового главы разведслужбы, может привести к лишнему вниманию врагов к персоне руководителя разведки, что серьёзно ударит по безопасности любого главы «Моссада», как уходящего, так и новоизбранного».

Три раза редакция пыталась привести статью в соответствие с требованиями военной цензуры – и не добилась результата. Если подчиниться цензуре, весь смысл статьи исчезает, ведь если нельзя критиковать главу разведки и упоминать о смене руководства, о чём вообще тогда статья? Редактор газеты Меир Шницер решил попытать счастья в Верховном суде и потребовал разрешения на публикацию важных, по его мнению, фактов. Перед судьями Багаца встала нелёгкая задача – необходимо было взвесить два важнейших интереса, свободу слова и безопасность государства.

Судье Верховного суда Аарону Бараку выпала честь написать прецедентное решение. Началось обсуждение с первого аргумента прокуратуры, представлявшей цензуру в судебном процессе – вопроса о подсудности. Вопросы государственной безопасности, утверждала цензура, находятся в исключительном ведении компетентных органов – и суд не вправе вмешиваться в профессиональные решения специалистов. Барак, прославившийся неоднозначным утверждением о том, что «подсудно всё», отверг позицию цензуры, объяснив, что задача суда – контролировать все органы управления государством, и военная система не может быть исключением из правил. Итак, решив процедурные вопросы, суд перешёл к основной дилемме – что важнее, свобода слова или государственная безопасность?

«Безопасность» - не волшебное слово, автоматически отменяющее все права и свободы граждан», – написал Барак. Один из первых прецедентов Верховного суда, решение по делу «Коль Ха-Ам», уже рассматривал баланс между безопасностью и свободой слова, решив дело в пользу свободы. Однако тогда речь шла об отдалённой вероятности беспорядков, которые могла вызвать статья, здесь же мы сталкиваемся с конкретной опасностью, которой может подвергнуться глава «Моссада» и все его сотрудники. Как же взвесить все факты, как решить, какому из конкурирующих интересов отдать предпочтение?

64 прецедента Верховных судов – израильского, американского и английского – были проанализированы в ходе принятия решения. «Близкая вероятность» - вот что, по мнению суда, должна была доказать цензура для того, чтобы предотвратить публикацию информации, имеющей огромную общественную важность. Насколько близка вероятность того, что статья поставит под угрозу жизнь главы «Моссада» и вообще разведывательную деятельность? «Цензура», – написал Барак, «не привела убедительных аргументов в доказательство того, что её опасения обоснованны настолько, что из них следует неизбежный вывод об опасности, а общие подозрения не оправдывают удара по свободе слова».

10 января 1989 года суд зачитал решение. Компромисс – неизбежность при столкновении двух противоречивых интересов – был выражен и в прецеденте, разрешившем публикацию статьи без упоминания имени главы «Моссада» и любых данных, которые могли бы привести к его идентификации. Статья вышла в газете пять месяцев спустя изначального срока, и в том же году «Моссад» возглавил Шабтай Шавит, успешно руководивший службой внешней разведки до 1996 года.

Еврейская традиция и женское равноправие

Багац 1000/92 – Хава Бавли против Высшего раввинатского суда

1 января 1974 года стало знаменательной датой в израильской судебной системе, да и не только в ней. С этого дня вступил в силу Закон о финансовых отношениях супругов, в соответствии с которым совместно нажитое имущество делится между разводящимися поровну (хотя есть интерпретация, что поровну – это когда половина остаётся супругам, а вторая половина уходит адвокатам на гонорар). Закон не имел обратной силы, и супруги, поженившиеся до января 1974, делили своё имущество в соответствии с прецедентами суда, которые говорили в основном о том же – всё совместно нажитое взять и поделить пополам.

Как же получилось, что в светском государстве Израиль имущество супругов делилось по религиозным законам? Во всём, конечно же, виноваты турки – именно они правили Палестиной около четырёх веков, оставив после себя приличную законодательную базу. Однако со всем, что связано с семейным правом, турки решили не заморачиваться, и постановили – пусть каждая религиозная конфессия сама разбирается со своими семейными проблемами, мусульман пускай судит шариатский суд, евреев – раввины, а христиан – священники. Занявшие в 1917 году место турок англичане тоже не спешили влезать в семейные отношения туземцев, и существующее положение вещей сохранилось вплоть до обретения Израилем независимости.

Однако и с независимостью разобраться в противоречиях семейных дразг государственными методами не удалось, и практика существования параллельных судебных систем – светской и религиозной – так и осталась в наследство израильскому народу. Первый параграф Закона о раввинатских судах гласит: вопросы брака и развода евреев в Израиле находятся в исключительной юрисдикции раввинатских судов. Однако со временем был создан и гражданский суд по семейным делам, и тут всё окончательно запуталось – если сама формальная процедура развода происходит только в раввинате, то делить имущество и назначать алименты

можно и в раввinate, и в гражданском суде. Причём всем известно, что гражданский суд стоит на стороне женщин, а раввины склонны проявлять снисхождение к мужчинам, и собирающиеся разводиться супруги бегут наперегонки с исками в разные инстанции, туда, где выгоднее.

Хава и Шмуэль Бавли поженились в Израиле в 1957 году, задолго до «закона о пополам». Шмуэль, как и все пилоты того времени, был человеком весьма состоятельным, и после свадьбы Хава оставила работу школьной учительницы и стала домохозяйкой. Супруги жили безбедно, и за время совместной жизни у них образовалась квартира в хорошем районе и вилла в престижном посёлке Савйон, а также две машины, картины, драгоценности и прочее. Но всякой сказке приходит конец, не всегда счастливый, и в конце 1986 года Шмуэль подал на развод, попросив раввинат попутно заняться разделом совместного имущества.

Тут-то и началась эпопея, которую учат все студенты юрфака сразу на нескольких предметах – и на лекциях по конституционному праву, и по семейному, и на факультативе «право и религия». Раввинатский суд никак не исходил из принципа «поровну», о котором нет упоминания ни в Талмуде, ни в последующих писаниях религиозных мудрецов – а законодательная база, на основании которой судят раввины, именно галахическая, основанная на религиозной традиции. Такой расклад Хаве, занявшей второе место в гонке по инстанциям, абсолютно не подходил, и она стала требовать своё, а именно половину совместного имущества.

Раввины, как и положено, согласились с женщиной, и Шмуэль остался с подавляющим большинством заработанного им же богатства. Но женщины – упрямый народ, а упрямые еврейские женщины в особенности, и за поражением в раввинате последовало обжалование наверх, в Высший раввинатский суд. Хава обосновала свою апелляцию тем, что уже долгие годы суды делят имущество супругов пополам, и ситуация, когда раввины создают «государство в государстве» с совершенно другими законами, абсурдна и неприемлема. К тому же абсолютно непонятно, под какие законы попадают супруги – если муж добегает до раввината первым, то ему

достаётся больше, а если женщина быстрее примчалась в гражданский суд, то выигрывает она.

Ответ Высшего раввинатского суда был краток – Закон о финансовых отношениях супругов на Хаву со Шмуэлем не распространяется, а еврейское религиозное право о делении пополам ничего не знает, и положено женщине только то, что прописано в Ктубе (традиционном документе, подписанном на пергаменте во время свадебной церемонии) и в Галахе. Так что ступайте, женщина, домой, и не тревожьте раввинов своей чепухой из гражданской системы права. Домой Хава не пошла, а пошла в высшую судебную инстанцию Израиля – Верховный суд.

Судьи столкнулись с нелёгкой задачей, ведь решение по этому прецедентному делу было не только юридическим, но и политическим. За пятьдесят с лишним лет существования государства светский суд не вмешивался в решения суда религиозного, и системы эти были по-настоящему параллельными, то есть никогда не пересекались. Судья Аарон Барак, написавший основную часть судебного решения, начал свой вердикт со слов «положение тяжёлое». И действительно, Хава Бавли просила неслыханного – силой заставить религиозный суд пойти против законов, которыми он руководствуется долгие века, и подчиниться прецедентам суда гражданского. Для того, чтобы вынести решение по данному вопросу, требовалась серьёзная политическая воля, и суд её проявил.

Адвокаты Хавы обратили особое внимание на Закон о равноправии женщин от 1951 года, который запрещал всякую дискриминацию женщин в имущественном плане. То, что религиозные суды не привели свою правовую систему в соответствие с этим законом и принципам равенства, является системной ошибкой, которую должен исправить Верховный суд. Раввинатские суды в принципе не считали себя связанными законами государства Израиль, и ещё в 1969 году судья Хаим Коэн писал: «Тщетно искал я, и не нашёл, упоминаний о законах государства Израиль в постановлениях раввинатских судов, и Закон о равноправии женщин там не найти и не увидеть».

Существующее положение вещей необходимо изменить, постановил Верховный суд, и обязал раввинатские суды впредь судить по справедливости и делить всё пополам. Хава со Шмуэлем вернулись назад в раввинатский суд, который под всяческими предложениями относительно процедуры умудрился затянуть дело на долгие годы, и спустя 16 лет после известного прецедента супруги всё ещё судились из-за квартиры и виллы.

А решение по делу Бавли против раввината стало одним из самых цитируемых прецедентов Верховного суда и началом открытого противостояния двух юридических систем – светской и религиозной.

Надпись на могиле и общественный договор

Багац 294/91 – «Хеврат Кадиша Гахша» против Лионеля Арье Кастенбаума

«Хевра Кадиша» – от арамейского «хевер кадош», святое общество, – занимается похоронами евреев во всём мире, что включает в себя и установку могильных плит. Это не централизованная фирма, и в одном городе может действовать несколько организаций, название каждой из которых начинается с «Хеврат Кадиша», а далее уже идёт само название. «Хеврат Кадиша Гахша» («гахша» - аббревиатура, в переводе с иврита означающая непере译имое галахическое понятие, по смыслу больше всего подходящее к «благому свету правды») была основана в Иерусалиме ещё при англичанах, в 1936 году, и только к 1980 году перерегистрировалась в соответствии с израильским законодательством. Основали её для похорон евреев-сионистов, проживавших в те годы в Иерусалиме, как религиозных, так и светских.

Жена Лионеля Кастенбаума, родившаяся и большую часть жизни прожившая в США, умерла 5 декабря 1988 года. В соответствии с еврейской традицией её похоронили на следующий день, а через месяц должен был состояться ритуал «гилуй мацева» - установки памятной плиты на могиле усопшей. Лионель заказал плиту, на которой было написано имя покойной на иврите и на английском, с годами жизни по двум стилям летоисчисления – на иврите, когда буквами обозначены годы с сотворения мира, и в григорианском стиле, цифрами.

Практически сразу последовал отказ. «Хеврат Кадиша» не согласилась на надпись латинскими буквами, и уж тем более на годы по грегорианскому календарю. Во-первых, сказало руководство похоронной фирмы, в нашем уставе записано, что надпись должна быть сделана на иврите, и годы жизни должны быть прописаны буквами, на еврейский манер. Во-вторых, мы в Израиле, а это значит – всё должно быть на иврите. А в-третьих, дата цифрами относится к отсчёту времени с Рождества Христова, что на еврейском кладбище богохульственно и оскорбляет чувства верующих.

Кастенбаум хотел сам решать, как ему и его близким чтить память покойной супруги, тем более что сама она не пользовалась еврейским летоисчислением, и вся семья знала её под американским именем. Печальный путь находящегося в трауре вдовца пролёг через окружной суд Иерусалима, где рассматривалось его дело против похоронной компании. Суд признал правоту Кастенбаума, исходя из не из общественного, а из контрактного права. В 1983 году кнессетом был принят Закон о типовых договорах – то есть о типовых контрактах между юридическими лицами с одной стороны и физическими с другой, заранее распечатанных и не поддающихся изменению.

Всем знакома такая ситуация, мы неоднократно сталкиваемся с ней в банке, страховой компании, при съёме машины или подключении телефона. «Вот вам договор, подпишитесь здесь, здесь и здесь», говорят представители фирмы, и никакого обсуждения условий такого договора даже не предполагается. Закон от 1983 года защитил права людей, подписавших такой договор – теперь условия договора, несправедливые к подписавшим его людям, считались недействительными.

На это и обратил внимание окружной суд. Прописанное в типовом договоре между «Хеврат Кадиша» и Кастенбаумом условие о том, что всё должно быть на иврите, несправедливо ущемляет его права – и, следовательно, не имеет юридической силы, постановил судья и дал указ поставить могильную плиту в соответствии с просьбой семьи покойной. «Хеврат Кадиша», для которой такое положение вещей было не только нарушением устава, но и многолетней традиции, обжаловала решение в Верховном суде.

Верховный суд не ограничился полем контрактного права и рассмотрел ситуацию с точки зрения «общественного договора» - то есть консенсуса, принятого в обществе. Причём суд рассматривал общественный договор не только по отношению к похоронным обрядам, но и дал общий анализ того, что же представляет из себя израильское общество, какой у него общий

знаменатель и где проходит граница между правом индивидуума увековечить память близких и защитой общества от оскорбления чувств верующих.

Судья Меир Шамгар отклонил обжалование похоронной компании, оставив в силе решение окружного суда. Израиль – особое государство, формирующееся прямо на глазах из различных традиций, языков и культур. С одной стороны, в обществе должен быть общий язык – и мы требуем от всех государственных и учебных заведений пользоваться ивритом, государственным языком. С другой стороны, мы приняли многие традиции и праздники разных культур – от Сехараны, празднующейся евреями из Курдистана, до марокканской Мимуны, да и газеты, телевидение и радио вещают у нас на языках тех стран, откуда прибыли в Израиль евреи.

Что же до оскорбления религиозных чувств, то существующая по всему миру практика показывает, что даты по григорианскому календарю, написанные цифрами на еврейской могиле, и уж тем более имя на латыни, никого не оскорбляет. Да и сама похоронная компания, настолько заботящаяся об отсутствии всякого упоминания христианского летоисчисления, в предоставленных суду документах это самое летоисчисление использует – вот такие двойные стандарты. Оскорбление чувств верующих – это оскорбление всех верующих, их большинства или как минимум весьма значительной части, а не ограниченной группы или небольшого религиозного течения. Большинство верующих евреев не почувствует себя оскорблённым надписью на могильной плите, решил суд.

Так Кастенбаум получил право написать имя своей покойной жены и её годы жизни не только на иврите. С тех пор многое изменилось, и сегодня на кладбищах Израиля зачастую можно увидеть надписи по-русски и даже выгравированные фотографии покойных – неслыханное по тем временам дело.

Военно-воздушные силы Израиля и женская служба Багац 4541/94 – Алис Миллер против министра безопасности

29 мая 1948 года ВВС Израиля совершили первый боевой вылет. Четыре самолёта AVIA S-199 (послевоенная чешская модификация известных «Мессершмиттов») атаковали авангард египетских войск под Ашдодом. Один из самолётов был сбит врагами, и Ади Коэн, его пилот, погиб, став первой жертвой в рядах военно-воздушных сил. Среди четверых пилотов был и Эзер Вайцман, племянник первого президента Израиля Хаима Вайцмана, впоследствии и сам ставший Президентом. Об Эзере Вайцмане ещё зайдёт речь в этой истории – он стал шестым и самым известным командиром ВВС, придумал и ввёл в оборот слоган «Лучшие – в пилоты», и благодаря ему израильские военные лётчики стали считаться лучшими в мире.

Алис Миллер родилась в ЮАР и с детства мечтала стать космонавтом. В детстве она с семьёй репатриировалась в Израиль, где о космических полётах не было и речи, но мечту свою не забросила. Получив отсрочку от армии, она поступила в Хайфский политехнический институт – «Технион» – на факультет авиации и аэронавтики, параллельно успешно сдав экзамен на пилота лёгких самолётов.

Когда подошло время призыва, Алис не задумывалась дважды, – её путь к звёздам, конечно же, пролегал через ВВС, и она записалась добровольцем на курс военных лётчиков. Точнее, попробовала записаться – ей отказали в записи на курс, даже не проверив её данных, по одной лишь причине. Дела в том, что Алис Миллер была женщина, а руководство ВВС даже и не думало о том, чтобы принимать женщин в ряды военных лётчиков.

Алис Миллер не увидела абсолютно никакой логики в политике армейского начальства. Ещё во время Второй мировой войны женские батальоны и в СССР, и в США успешно бомбили врага. Учреждённый в 1941 году 588-ой особый женский авиаполк (впоследствии – 46-ой Гвардейский) успешно выполнял боевые

задания и наводил страх на фашистов – не зря ему дали имя «Ночные ведьмы». Да и американские женщины-пилоты не давали спуска нацистам – порядка тысячи женщин поднимали боевые машины в небо, и спустя 65 лет Президент США Барак Обама вручил золотую медаль конгресса авиационному женскому батальону.

Исторические аргументы не убедили кадровых военных, и Алис не разрешили записаться на курсы военных пилотов. Возмущённая явной сексуальной дискриминацией, в 1994 году девушка обратилась в Верховный суд, который не раз вставал на защиту женщин, с требованием приказать генштабу пересмотреть свою политику и начать приём женщин в боевые войска, в частности в ВВС. Пока суд рассматривал дело, общественность рассматривала Алис Миллер, которая внезапно оказалась в центре внимания средств массовой информации.

Обсуждение дошло до президента Израиля – того самого Эзера Вайцмана, который участвовал в самом первом боевом вылете, а позже поднял ВВС на невиданный до того уровень профессионализма. «Послушай, девочка», – сказал президент, «ты когда-нибудь видела мужчину, который вяжет носки? А женщину-хирурга или дирижёра видела? Женщины не в состоянии справиться с напряжением, которому подвергаются боевые пилоты». Слова президента вызвали неоднозначную реакцию в обществе и буйный шквал критики со стороны женских организаций.

Тем временем наступил 1995 год, и расширенная коллегия Верховного суда, состоявшая из трёх мужчин и двух женщин, вынесла своё решение. Кстати, странно звучат слова Эзера Вайцмана о женщинах-хирургах и дирижёрах – кресло в Верховном суде, а также премьерская должность, которую длительно и успешно занимала Голда Меир, не менее ответственные и напряжённые места работы. Мнения судей разделились. Не стало неожиданностью то, что женщины-судьи поддержали Алис Миллер, и основная интрига была в том, разделит ли их мнение хоть один судья-мужчина.

Судья Элияу Маца в своём решении взвесил два основных интереса – равенство и государственную безопасность. Равны ли возможности женщин и мужчин в управлении самолётом? Не пострадает ли от допуска женщин за штурвал боевой машины безопасность нашей страны? Маца пришёл к выводу, что в данном случае дискриминация не оправдана, и от права девушек поступить на курсы военных лётчиков обороноспособность не пострадает. Это решение склонило чашу весов в пользу Миллер, и счёт стал 3 «за» и 2 «против».

Две женщины в судейской коллегии, Това Штрасберг-Коэн и Далия Дорнер, пришли к заключению в пользу равенства разными путями. Первая опиралась на те же аргументы, что и судья Маца, добавив, что даже если государство понесёт серьёзные финансовые расходы из-за службы женщин в боевых частях, это плата за демократию и принцип равенства, лежащий в её основе. Вторая же исходила из того, что запрет на запись на курс боевых пилотов унизителен для женщины и, следовательно, противоречит «основному закону о чести и свободе человека», который получил в Израиле статус конституционного.

Противники равенства – судьи Яков Кедми и Цви Таль – поддержали позицию министра обороны и генштаба, обосновав дискриминацию различными способностями представителей разных полов, а также финансовыми и организационными трудностями. «Мужчины», – писали они, «не уходят в декретный отпуск и не рожают, не выходят замуж, бросая карьеру, – словом, подходят к службе в ВВС намного лучше женщин». Однако двое судей-консерваторов остались в меньшинстве, и армии было приказано зачислить Алис Миллер на курс пилотов.

Алис так и не закончила курс, выбыв по причине «избытка мотивации», в 1988 году первая женщина успешно закончила курс пилотов, а в 2001 году Рони Цукерман стала первой женщиной, допущенной за штурвал боевого самолёта. Борьба Алис Миллер за равенство не прошла даром, и в 2000 году вступила в силу поправка

к закону о военной службе, открывшая женщинам равные с мужчинами возможности в военной карьере.

Хороший вкус и трудности перевода израильского мата

Багац 606/93 – Кидум против комитета по телерадиовещанию

31 января 1994 года израильский суд окончательно определился с вопросом, долгие годы занимавшим суды всего мира, – попадает ли реклама под защиту свободы слова? Для того, чтобы правильно рассказать об этом деле, нам придётся попытаться перевести непереводимую игру слов. Но вначале о главных фигурантах, столкнувшихся лицом к лицу в зале Верховного суда.

История израильского радиовещания началась 30 марта 1936 года, когда в управляемой англичанами Палестине впервые официально вышла в эфир радиостанция «Голос Иерусалима», после получения Израилем независимости переименованная в «Коль Исраэль» - голос Израиля. До 1960 года, в котором вышла в эфир «Решет Бет», это была единственная государственная радиостанция, а в 1965 году кнессет принял закон, в рамках которого до сих пор работает радио и пришедшее в Израиль в 1968 году телевидение. В соответствии с законом был создан специальный комитет, в полномочия которого входит, в частности, право запрещать передачи и рекламу, не подходящие публике из-за проявления «дурного вкуса».

На вкус и цвет товарищей нет, как убедились на себе несколько компаний, пытавшихся дать рекламу на радио. В 1961 году фирма «Швепс» попыталась дать на радио рекламу, но комитету не понравилось сленговое слово «швунг», созвучное с названием напитка, а в 1987 году комитету не понравился акцент Генри Братера, и его реклама не прозвучала на радио. Оба раза были поданы иски в Багац, и оба раза радио побеждало – суд не находил оснований вмешиваться в коммерческое вещание, решив, что свобода слова на него не распространяется.

Фирма «Кидум» - на иврите «продвижение» – была основана в 1981 году и с тех пор занимается подготовкой учащихся к поступлению в

израильские ВУЗы. С самого начала компания отличалась от своих конкурентов оригинальной и весёлой рекламой, избрав слоган «лех тицтаен!». Тут мы неизбежно погружаемся в дебри лингвистики, без которых невозможно понять всю суть вопроса, поставленного перед Верховным судом.

Итак, «лех тицтаЕн». Практически все матерные слова, используемые в Израиле, взяты из арабского языка, а несколько калек из русского мата, как ни странно, не несут неприличного значения в местной культуре. Одно из немногих неприличных выражений с ивритскими корнями – «лех тиздаЕн» - переводится как «иди на ...». А вот созвучное ему «лех тицтаен» можно перевести как «иди и стань отличником», что прекрасно подходит фирме, отвечающей за повышение оценок своих учеников. Не зря в «Кидуме» решили воспользоваться этим слоганом, попавшим во все рекламные материалы фирмы – фраза запоминающаяся и интересно звучащая

В 1993 году компания «Кидум» заказала рекламу на радио, в которой слоган «лех тицтаен» повторялся несколько раз. Комитет по телерадиовещанию решил такую рекламу на радио не пускать – именно из-за звучания, похожего на рекомендацию сходить на три буквы, мотивируя это ударом по хорошему вкусу радиослушателей. Люди слушают передачу, и вдруг слышат такое – это же ужас, сказали ответственные за культурный уровень нации редакторы, защищая нежные уши израильтян от всяческого намёка на неприличные ругательства. Это ж прямо порнография какая-то, и мы должны с этим бороться!

Фирма обратилась в Багац с требованием разрешить рекламу. Порнография, как сказал Джон Патрик в своей пьесе «Утреннее чаепитие», это вопрос географии – а также вопрос времени, в котором мы живём, и то, что раньше было неприличным, сегодня вполне нормально. Да и свободу слова никто не отменял, а на её защиту Верховный суд вставал неоднократно. Коммерческая речь – реклама – такая же речь, как и любая другая, и имеет право на защиту.

Суд задался вопросом, не пора ли пересмотреть прецеденты, где неоднократно отказывалось рекламе в праве на защиту, которой пользовалась речь политическая. Как оказалось, в США, где «Первая поправка к конституции» гарантирует свободу слова, произошла эволюция – и прецедент по делу *Valentine v. Chrestensen* от 1942 года, в котором Верховный Суд США отказался взять под крыло «Первой поправки» рекламу, в 1976 году был отменён в деле *Virginia State Pharmacy Board v. Virginia Citizens Consumer Council*.

Похожую эволюцию совершил и израильский Верховный суд. Пришло время защитить и рекламу, решили судьи, и заставили радиостанцию транслировать «ужасный» слоган. Судья Хешин начал своё решение с цитаты Вольтера: «Я не согласен ни с одним вашим словом, но готов до смерти отстаивать ваше право его высказать». Хороший вкус – вопрос субъективный, и то, что раньше звучало, как возмутительное оскорбление общественного порядка, сегодня нормально воспринимается обществом.

С тех пор реклама на радио и телевидении стала откровенней, и вскоре на экранах телевизора появился клип всё той же фирмы «Кидум», в котором сперматозоиды весёлой группой добирались до яйцеклетки. Сегодня у этой фирмы много конкурентов, но она до сих пор остаётся ведущей на рынке подготовки учащихся к экзаменам – и не только из-за высокого профессионализма своих преподавателей, но и благодаря креативности своих рекламщиков, грамотности их адвокатов и Верховному суду, не побоявшемуся пересмотреть свои собственные прецеденты и немного затронуть хороший вкус радиослушателей.

Государственная безопасность и пытки террористов

Багац 5100/94 – «Общественный комитет против пыток» против правительства Израиля

Вначале была «Агана» - или, как пишется в другом варианте, «Хагана» – всё зависит от того, как мы произносим букву «h», которая на разных диалектах иврита звучит от почти «г» до «х», а некоторые не произносят её вообще. С 1917 года Палестина была под властью Британии, и «Агана» – «защита» в переводе с иврита – вела вооружённую борьбу за создание независимого еврейского государства и защищала еврейское население Палестины от непрекращающихся нападений арабов. Как и во всякой другой уважающей себя боевой организации, в «Агане» был разведотдел, корни которого можно проследить ещё с созданного Зеевом Жаботинским в 1918 году Information Bureau.

В 1940 году было создано отделение разведки и контрразведки «Аганы» – «Шай», аббревиатура от «Шерут а-Едиот», в переводе – «служба известий». Когда в 1948 году родилось независимое государство Израиль, секретная служба разделилась на военную разведку под руководством Иссера Беери, известного своей любовью к пыткам и ответственностью за расстрел невинного Меира Тувиянского, контрразведку «Шин-Бет» – «Шерут а-Битахон», «службу безопасности». «Шин-Бет» возглавил легендарный Исер Арэль, и в 1950 году контрразведка была выведена из-под крыла армии и стала независимой, подотчётной лично главе правительства.

Функции контрразведки «Шин-Бет», позже переименованной в Шабак – «генеральную службу безопасности» – сводились к предотвращению арабского террора и выявлению агентов иностранных разведок, работающих в Израиле. Надо сказать, что волей судьбы одним из самых замечательных достижений контрразведки стала разведывательная операция в 1956 году: в руки Шабак попала полная версия секретного доклада Никиты Хрущёва о разоблачении культа личности на XX съезде КПСС, которую не смогла достать ни одна разведка мира. Работа с

террористами – дело непростое, и допрос «с пристрастием» практикуют спецслужбы всего мира.

4 января 1980 года офицер армейской разведки черкесского происхождения Изат Нафсо был вызван на спецзадание, однако вместо штаба разведки он оказался в хайфской гостинице, где сотрудники Шабак под руководством Йоси Гиносара предъявили ему обвинение в государственной измене и шпионаже. Нафсо был тайно арестован – ни друзья, ни семья понятия не имели о его аресте и пребывали в полной уверенности, что офицер находится на спецзадании. Две недели шли допросы, на которых Гиносар и его подчинённые били, пытали и издевались над офицером разведки с целью заставить его дать признательные показания. Через 14 дней черкесские силы иссякли, и Нафсо подписал признание.

Последовавший за этим военный суд вынес обвинительный приговор, основываясь на признании подсудимого. Отказавшийся от своих показаний офицер обжаловал приговор, и в ходе процесса обжалования всплыли пикантные подробности о методах, которыми выбивали признание. К тому времени разведка пришла к выводу, что никаким предателем Нафсо не был, и требовалось разобраться – что же такое делали с кадровым разведчиком, чтобы он признался в несуществующих грехах? Оказалось, что его били, раздевали, обливали холодной водой, не давали спать несколько дней подряд (это одна из самых тяжёлых пыток, и через несколько дней отсутствия сна человек начинает сходить с ума), а также унижали, как могли.

По результатам дела Нафсо, а также под влиянием дела об автобусе номер 300, в 1987 году была создана специальная правительственная комиссия. Председателем её стал Моше Ландой – президент Верховного суда, который был главой судебной коллегии, приговорившей к повешению нацистского палача Адольфа Эйхмана. Комиссия расследовала методы, которыми пользовался Шабак во время допросов, и пришла к неутешительным выводам – в демократическом государстве Израиль в конце XX века люди подвергаются пыткам.

В 1990 году группой профессоров, видных адвокатов и общественных деятелей был создан «Общественный комитет против пыток в Израиле». Деятельность комитета, собственно, отражена в его названии – прекращение пыток. У противников этого средневекового метода добычи показаний есть несколько аргументов. Аргумент морального порядка говорит о том, что пытки – это в принципе зло, и современное либерально-демократическое общество не может согласиться с их применением. Аргумент юридический – пытки не разрешены законом, и общество не заинтересовано в незаконной деятельности. Аргумент общественный исходит из двух предыдущих – сотрудники спецслужб, пытавшие людей, привыкают к аморальным и незаконным действиям и «забирают с собой» эти привычки, что впоследствии негативно отражается на обществе в целом. И, наконец, аргумент сугубо практический – информация, полученная под пытками, никакой объективной ценности не несёт, так как тот, кого пытаются, стремится любыми способами пытку остановить, и правда как таковая здесь роли не играет.

Именно эти аргументы лежали в основе иска, поданного Комитетом в 1994 году. Пять лет судьи Верховного суда выносили решение, и наконец, в 1999 году расширенный состав из девяти судей пришёл к определённому компромиссу. Президент Верховного суда Аарон Барак, с мнением которого согласились восемь судей, вынес запрет на использование пыток, которые Шабак скромно называл «ограниченными мерами физического воздействия». По стопам своих британских коллег, рассматривавших подобные методы в рамках борьбы с террористами из Северной Ирландии, суд не определил их как пытки, а как «бесчеловечные и унижительные», но всё равно ввёл на них запрет.

Суд также рассмотрел особые случаи – так называемую «бомбу с заведённым часовым механизмом», ситуацию, когда террорист знает о готовящемся теракте и необходимо всеми доступными средствами его предотвратить, чтобы спасти жизни людей. Тут, как решил суд, у следователя есть защита «по необходимости» – это не значит, что применение способов физического воздействия разрешено заранее, но в случае, если следователя попытаются

привлечь к суду за пытки, он будет защищён от уголовного преследования.

Решение Багаца стало прецедентом, обязательным к исполнению, и с тех пор следователи Шабака не прибегают к физическому насилию. Но эффективность работы спецслужбы от этого не пострадала, и в наше время, несмотря на отсутствие пыток, госбезопасность успешно раскрывает и предотвращает террористические акты, а граждане Израиля чувствуют себя защищёнными перед лицом вражеской угрозы.

Еврейское государство и арабские граждане Багац 6698/95 – Аададь Каадан против Земельного управления Израиля

Бака Эль-Гарбия – небольшой арабский городок под Хайфой с населением порядка 25 тысяч человек – получил статус города в 1996 году, а до того считался деревней. Деревня эта была основана в глубокой древности – никто не знает, когда точно, первые упоминания о ней можно встретить в исторических источниках XII века, но в ходе раскопок там нашли черепки, относящиеся к ранней Римской эпохе. Оттуда во время Крестовых походов выходили воины во славу Аллаха, а уже в наше время – мирные арабские труженики – ремесленники, строители и садовники.

Отец Аадаля Каадана был садовником, и в молодости Аададь немало поездил по стране, помогая папе озеленять богатые еврейские дома. Так он добрался и до дома легендарного полководца Моше Даяна, и дом этот он забыть уже не смог. С тех пор у молодого парня появилась мечта – выбраться из арабской деревни и построить красивый дом с зелёным садом. Путь к мечте пролегал через профессию медбрата и работу в «Тель а-Шомере» – одной из лучших израильских больниц. Ещё в студенчестве, снимая квартиру в еврейском городе Бат-Ям, Аададь снискал уважение соседей, и одна из еврейских соседок даже предложила ему свою дочку на выданье, но традиции оказались сильнее, и молодой медбрат вернулся в родную деревню. Женившись и обзаведясь четырьмя детьми, Аададь вновь всерьёз задумался о переезде.

Еврейский посёлок Кацир был основан на государственной земле в 1982 году недалеко от Бака Эль-Гарбии. Зелёные холмы на высоте 400 метров над уровнем моря, хороший климат, простор и даже небольшая речка вблизи – полный джентльменский набор места проживания с высоким качеством жизни. Туда и устремились взоры семьи Каадан, но существовал один нюанс – посёлок был еврейский. Земля эта была отдана Земельным управлением – организацией, распоряжающейся всеми государственными земельными участками в стране – Еврейскому агентству, ответственному за заселение Палестины (а ныне Израиля) евреями.

Еврейское агентство не собиралось продавать землю арабам, и семья Каадан не смогла купить участок, на котором должен был стоять дом их мечты.

Неравенство граждан перед законом и дискриминация по национальному признаку неприемлемы в демократическом государстве, и семья Каадан подала иск в Багац. Газеты и телевидение мгновенно подхватили интересную новость – впервые арабская семья требовала право на приобретение земли в еврейском посёлке закрытого типа, куда и евреев-то не всех берут. Надо сказать, что особой симпатии к истцам не нашлось ни среди евреев, ни среди арабов. Евреи не хотели соседей-арабов в своём уютном посёлке, а арабы осуждали отрыв от корней и желание «объевериться» - негоже мусульманской семье жить в еврейском посёлке, где и мечети-то нет. Но Аадалю было не привыкать идти против течения, и он твёрдо стоял на своём.

В 1998 году, спустя три года после подачи иска, семью вызвал к себе в кабинет президент Верховного суда Аарон Барак. Известный своими прогрессивными взглядами судья пытался уговорить истцов «съехать с темы» - зачем лезть на рожон и пытаться построить дом среди людей, которые явно не желают быть вашими соседями? Но упрямого Аадаля было не уговорить, и заседания по делу продолжились. Пять лет тянулось дело, и в 2000 году суд вынес свой вердикт.

«Принципы еврейского демократического государства», – писал Барак, «не предполагают разделения граждан по национальному признаку и дискриминации нееврейского населения. Государство Израиль – еврейское государство, а государственный строй в нём – просвещённая демократия. В демократическом обществе граждане всех национальностей имеют равные права, и отказ Земельного управления продать гражданам участок на основании того, что они арабы, незаконен и несовместим с ценностями нашей страны».

Националистически настроенные депутаты кнессета из правого лагеря затрубили чуть ли не о конце света. «Что же будет с

еврейским государством», – вопрошали они? Как обычно, Багац назначили врагом народа номер один, и правое правительство решило поддержать «обходной» закон – предложенную одним из депутатов поправку, прямо ограничивающую право арабов на покупку еврейской земли. Но тут не выдержал даже очень правый министр Бени Бегин, в своём публичном выступлении отмежевываясь от позорной, по его словам, законодательной инициативы. «Не только тело, но и достоинство арабских граждан защищены законом», – сказал министр, и правительство отступило.

Казалось бы, мучениям интеллигентной арабской семьи пришёл конец, и можно идти в банк, брать ссуду и начинать договариваться с уже бывшими односельчанами о наборе строительных рабочих. Но реальность всегда сложнее, чем наши представления о ней, и Каадан столкнулся с новым препятствием – приёмной комиссией. Кацир – посёлок закрытого типа, и каждая семья должна пройти рассмотрение комиссии, решающей, соответствуют ли кандидаты установленным критериям и пойдёт ли на пользу обществу их пребывание в посёлке. Нетрудно догадаться, что сказала комиссия по поводу арабской семьи, и несолоно хлебавший Каадан вернулся назад в Багац.

«Медленно мелют судебные мельницы», – как говорят в Израиле, – пока рассматривалось дело, Кацир разросся, и из небольшого закрытого посёлка превратился в городок. А в городках, как известно, приёмных комиссий не бывает. И вот наступил 2007 год, прошло 12 лет с момента подачи иска в Багац, и семья Каадан наконец-то получила долгожданное разрешение построить свой дом на холме Кацира. С тех пор мир не рухнул, Израиль по-прежнему остаётся еврейским государством, евреи и арабы по-прежнему неохотно смешиваются друг с другом, а Багац по-прежнему защищает всех граждан государства Израиль, вне зависимости от национальности.

Телевидение и ЛГБТ-Сообщество

Багац 273/97 – «Общество по защите прав ЛГБТ» против министра культуры и образования

Религиозных течений в Израиле много, но в основном они делятся по «шапочному» признаку – ортодоксальные евреи носят чёрные «кипы» (ермолки), а менее ортодоксальные – разноцветные вязанные «кипы». Ну и, конечно же, образ жизни у них разный – ортодоксы живут обособлено и как бы отдельно от всего общества, а «вязанные кипы» ничем, кроме соблюдения религиозных заповедей, от остальных не отличаются. Звулун Хаммер был как раз из лагеря «вязанных кип», представлял их в парламенте и правительстве, и долгие годы время был министром образования Израиля.

В 1997 году на экраны образовательного телевидения вышла программа под названием «Открытые карты». Многосерийная передача была посвящена тем проблемам, которые волновали израильскую молодёжь и подростков – секс, наркотики, насилие, алкоголь и прочие темы, на которые мейнстримные СМИ говорили неохотно. В одной из серий ведущие решили разобраться с темой сексуальных меньшинств, и пригласили в студию несколько представителей сообщества – двух подростков-геев, одного бисексуала, одну лесбиянку, а также маму подростка-гея. Ведущие расспрашивали их о жизни, проблемах, о том, как принимает их общество – словом, о том, что скрыто от глаз обычного зрителя.

Передачу ещё не успели пустить в эфир, а Звулун Хаммер уже получил доклад от товарищей по партии. Реакция его была естественна и предсказуема для человека глубоко религиозного – запретить это безобразие, которое решили показывать по образовательной программе как раз в те часы, когда подростки смотрят телевизор. Образовательный канал не должен заниматься пропагандой гомосексуализма и нетрадиционных отношений, возмутился министр, и передача в эфир не пошла.

Теперь настала очередь возмущаться организации по защите прав ЛГБТ-сообщества, к которой присоединились и организации по защите прав человека вообще. Дискриминация – дело серьёзное, и Багац должен с этим разобраться, решили правозащитники, подав иск в Верховный суд.

Обе стороны привели в суд экспертов, уважаемых профессоров и педагогов, которые диаметрально разошлись в точках зрения на передачу и её влияния на неокрепшие умы несовершеннолетних израильтян. Эксперты министра говорили о том, что подача материала поощряет нетрадиционные отношения и даже пропагандирует их – уж очень одобрительно, с симпатией, были показаны представители сексуальных меньшинств. А эксперты правозащитников утверждали обратное – передача объективна, и подростки должны знать, с какими проблемами сталкиваются их сверстники, сексуальная ориентация которых отличается от общепринятой.

Министр и его сторонники предложили компромисс – пускай передачу покажут, но не на образовательном канале и не в то время, когда её смотрят подростки. Но ни авторы передачи, ни правозащитники на компромисс пойти не согласились – для них вопрос был принципиальный, и уступить они не могли. Пускай решает суд, сказали они.

Решение по делу вынес судья Яков Кедми, известный как традиционалист среди активистов, составляющих большинство в Верховном суде. Своё мнение судья начал с того, что описал «общественно-юридический климат» нашего времени. «Мы идём к началу нового тысячелетия», – сказал Кедми, – «и общество становится всё более терпимым и открытым. Есть те, кто считает гомосексуализм нормальным, естественным явлением. Есть и те, кто считает это нездоровым отклонением от нормы и стремится уберечь от этого общество. Однако здесь не место судить о том, кто прав в отношении к ЛГБТ-сообществу. Да и даже если исходить из того, что явление это чуждо здоровому обществу, замалчивание никаких положительных результатов не принесёт».

Осталось решить, в какое время и на каком канале будет идти передача, и тут тоже победа осталась за истцами. Передача эта действительно образовательная, решил суд, и призывает не к порче общественных нравов, а к серьёзной дискуссии на ранее запретную тему. Подросткам надо знать, что же из себя представляет жизнь тех, кто ещё недавно скрывал свои наклонности, чтобы иметь возможность самим дать оценку тем явлениям, которые существуют в обществе независимо от нашего желания. И урок свободы слова тоже немаловажен для молодёжи – может, и самим судьям вся эта тема противна и претит, но дать возможность высказаться и выслушать чужую точку зрения нам необходимо.

Так свобода слова в Израиле отпраздновала ещё одну победу, а сама дискуссия на тему сексуальной ориентации перестала быть табуированной и перешла в плоскость открытого диалога и нормального человеческого общения. А Верховный суд продолжил защищать права сексуальных меньшинств – в 2005 году суд разрешил лесбийской паре усыновить ребёнка, а в 2006 обязал министерство внутренних дел зарегистрировать брак двух геев, расписавшихся в Канаде. Таким образом Израиль стал ближе к европейской просвещённой демократии ещё на один шаг, а хорошо это или плохо – зависит от убеждений, которые в израильском обществе, к счастью, свободные и никому не навязываются.

Конституционная революция и военный трибунал Багац 6055/95 – Саги Цемах против министра обороны

Как известно всем, конституции в Израиле нет. Не раз приходится слушать негодования на тему о том, что государство у нас не вполне демократическое – у нас даже конституции нет, какая уж тут демократия! Правда, негодующие забывают о том, что в одной из старейших демократий – Англии – конституции тоже нет, но непрофессионалам это позволительно. И действительно, конституции у нас нет, зато конституционная революция уже состоялась, и произошло это не так уж и давно, в девяностые годы прошлого века.

В марте 1992 года кнессет принял два основных закона – «Свобода предпринимательской деятельности» и «Достоинство и свобода человека», и конституционная революция началась. Если свобода предпринимательства была признана ещё с ранних лет становления государства как «основное право человека, не написанное в книгах» - см. дело Бежерано от 1949 года, – то с честью, достоинством и свободой начали разбираться на основании нового закона.

Суть конституционной революции в следующем – как и во всех остальных демократических странах, для правильной работы системы «сдерживаний и противовесов» – такой, по-моему, неуклюжий перевод с английского “checks and balances” – все три независимые ветви власти должны контролировать друг друга, присматривая за тем, чтобы никто не превышал своих полномочий. Так, правительство подотчётно парламенту, а суд, хоть и судит в соответствии с законами, принятыми в парламенте, время от времени проверяет конституционность этих законов. Сделано это специально для того, чтобы ограничить власть политиков и проследить, чтобы законы не нарушали Основной Закон – конституцию.

Первым законом, попавшим под критику суда из-за несоответствия «Основному закону о чести и свободе человека» стал закон об

армейском суде. Закон этот, изначально принятый в 1955 году, оговаривал полномочия армейской судебной системы и, в частности, полномочия офицеров военной полиции на арест солдата. С течением времени закон потихоньку мутировал в либеральную сторону – в 1955 году военный полицейский мог арестовать солдата на 2 месяца, с 1982 – на 35 дней, с 1993 – на 25 дней, а с 1996 срок ареста без суда сократился до 8 дней. Первая половина срока была в рамках полномочий офицера военной полиции, а для продления до второй половины нужно было разрешение прокуратуры.

26 сентября 1995 года Саги Цемах, солдат срочной службы, а по совместительству – дезертир, был арестован военной полицией. В соответствии с полномочиями офицеров военной полиции, беглеца продержали «на губе» четыре дня, а на пятый повели в суд. Адвокаты солдата параллельно с ведением процесса в армейском суде устремились сразу ввысь – в Багац, где решили опротестовать арест своего клиента на четверо суток без санкции суда. Так как арест этот был в рамках закона, то атаковали юристы не только решение об аресте, но и сам закон. Параграф, позволяющий арестовывать человека (даже если он солдат) на четыре дня без суда, противоречит Основному Закону, и должен быть отменён.

Как известно, Верховный суд – не самая быстрая в мире инстанция, во всяком случае в последнее время. Вообще интересна эволюция работы Верховного суда – в начале своей деятельности он выдавал быстрые и короткие решения, а в последнее время решений нужно ждать годами, и занимают они бесчисленные страницы. Хотя, надо полагать, уровень юридической грамотности судей не изменился, просто система стала сложнее и запутаннее, прецедентов прибавилось, а главное – такая нынче мода.

Вот и в этом случае Верховному суду понадобилось четыре года на обсуждение решения. За это время Саги Цемах успел отсидеть в военной тюрьме два с половиной месяца, которые прописал ему армейский суд, и демобилизоваться из армии. Так обращение в высшую судебную инстанцию Израиля оказалось для него практически бесполезным, и единственное, что ему досталось из

этого дела – то, что имя его известно всем израильским юристам. Правда, непонятно, насколько порадовала бывшего солдата известность как дезертира, но об этом история умалчивает.

На десятках страниц анализировал судья Замир законность армейского закона. Основной Закон говорит: свободу человека можно ограничивать только для достойной цели и по мере необходимости. Арест преступника (точнее, подследственного) – цель вполне достойная, но не превышена ли степень необходимости? Почему можно держать солдата под арестом четыре дня без суда, не слишком ли это долго? Суд пришёл к выводу, что слишком, и отменил параграф закона, дающий такую власть военным полицейским. Хватит и половины этого времени, – решили члены Верховного суда.

Всё было сделано очень цивилизованно, кнессету дали время на подготовку нового закона (точнее, на поправку к старому), а так как тема эта не вызывала никаких политических дискуссий, то и шума от неё было немного – да и шум-то в основном был внутри юридического сообщества. С тех пор Багац отменял и другие параграфы законов, и даже был прецедент, когда параграф закона объявил неконституционным судья Мирового суда. Но настоящую бурю в обществе вызывали только те случаи, когда решения Багаца были вынесены по острым вопросам, вызывающим дискуссии в израильском обществе, – и тогда противники линии Верховного суда оплакивали израильскую демократию, похищенную судьями.

Империя чувств и порнография на экране

Багац 4804/94 «Стейшн Филм» против «Комиссии по критике кино»

Январь 1997 года, Верховный суд занимается порнографией. Точнее, занимается он конституционным правом, но вопрос решается порнографический – можно ли выпускать на экраны кино, в котором есть явные элементы порно. С одной стороны – свобода слова, с другой – защита общества от падения нравов и моральной деградации. В центре дискуссии – японский фильм «Империя чувств», снятый в 1976 году и сразу же попавший под запрет во многих странах мира.

Немного о фильме. Сюжет о любви, страсти, сексе и удушении. Сексуальная асфиксия – так называется кайф, который испытывают люди, сочетающие секс с удушением, и смертельная опасность этого занятия не отпугивает его поклонников. Звезда кино Дэвид Кэррадайн, известный всем американцам по телесериалу «Кунг-фу», а всему миру – по фильму Тарантино «Килл Билл», был найден в своём номере в гостинице Бангкока со шнурком на шее, и судмедэксперты сразу разглядели знакомую картину. Вот и герои японского фильма открыли для себя этот новый и удивительный способ, и у них тоже закончилось плохо – героиня задушила своего любовника насмерть и даже отрезала его член.

Фильм вызвал бурю страсти у публики, критиков и властей по всему свету. В Японии его запретили к показу, потом разрешили, жёстко урезав, – и, чтобы закончить свою работу, режиссёр Нагиса Осима выслал плёнку во Францию, где фильм смонтировали. Самого режиссёра в Японии отдали под суд, где он боролся с властями целых четыре года, но в результате был оправдан. В Европе и Америке фильм прошёл долгий путь от полного запрета до разрешения к показу, и год от года, с либерализацией общества, запрет постепенно снимали.

«Комиссию по критике кино и театра» в Палестине создали ещё англичане в 1927 году, и Израилю она досталась в наследство от Британского мандата. До 1989 года комиссия проверяла – а точнее, цензурировала – театры и кино, но теперь цензура осталась только для кинофильмов, а в последнее время вместо того, чтобы запрещать, комиссия занимается присвоением рейтинга фильмам и решает, что можно смотреть несовершеннолетним, а какое кино – только для взрослых. И вот в 1994 году «Империя чувств» дошла до Израиля, и фирма «Стейшн филм», которая приобрела права на прокат картины, обратилась в комиссию с просьбой разрешить показ.

Фильм, который изначально попал под категорию «только для взрослых», комиссии не понравился. «Пускать его в прокат можно только после цензуры», – решила комиссия, – ибо «в нём присутствуют сцены порнографического характера, которые практически наверняка нанесут серьёзный ущерб чувствам зрителей и общественной морали и нравственности». Прокатчики же фильма от «обрезания» отказались, и требовали показывать кино целиком – «из песни слова не выкинешь», и художественная ценность картины пострадает от цензуры.

Под запрет и цензуру не раз попадали классики литературы – Бальзак, Флобер, Джеймс Джойс и другие авторы, сегодня не вызывающие никакой ассоциации с порнографией, в своё время были запрещены как развращающие и вредные для общественной нравственности. В 1964 году после долгих судебных споров в Америке был снят запрет на публикацию «Тропика Рака» - книги, принесшей Генри Миллеру международную известность, а в 1973 году Верховный Суд США вынес прецедентное решение по делу другого Миллера, и родился знаменитый «тест Миллера», защищающий произведения, обладающие «высокой литературной, художественной, политической или научной ценностью».

Судья Аарон Барак в своём решении написал целый обзор истории свободы слова вообще и её порнографического аспекта в частности. Проблема, как это часто бывает в толковании законов, была в определении – что такое порнография и что такое

художественная ценность? Известная цитата, которую привёл Барак, принадлежит судье Стюарту, который в 1964 году сказал в деле *Jacobellis v. Ohio*: «Я не могу дать определение, но я узнаю это, когда вижу». А что же до художественной ценности, то комиссия не нашла таковой в фильме – по её мнению, картина является просто сборником извращённых половых актов, не имеющих ничего общего с искусством, и способна вызывать только чувство похоти.

Сказать такое про фильм, имевший огромный успех на международных кинофестивалях в Каннах, Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго, а также не заметить приза за лучший фильм в Англии в 1976 году, было ошибкой со стороны комиссии. Известные кинокритики превозносили фильм в самых серьёзных изданиях и подчёркивали его художественную ценность, новаторский подход, смелость и красоту авторских решений. Верховный Суд Германии признал художественную ценность фильма в рамках судебного процесса, да и несколько членов комиссии при повторном слушании изменили своё мнение и согласились с тем, что вроде бы какая-то ценность есть.

Надо сказать, что изначально комиссия решила запретить показ картины целиком и полностью. Это решение не нашло отклика у юридического советника правительства, который представляет государство в суде. В отличие от частных адвокатов, адвокат правительства пользуется определённой независимостью в своих решениях, и в случае, когда он считает позицию государства ошибочной, он может отказаться защищать её в суде. После такого заявления комиссия собралась снова и решила дать разрешение на показ урезанной версии, с чем не согласилась фирма-прокатчик. Поэтому суд решал не вопрос о том, показывать кино или нет, а о том, нужно ли вырезать сцены секса и насилия.

Внимательно рассмотрев прецеденты израильского Верховного суда в количестве 46 штук, а также решения судов США, Англии и Германии, Аарон Барак пришёл к выводу – фильму быть, причём именно в таком виде, каком задумали его создатели. Судья Маца согласился с Барак, а вот Хешин, оставшийся в меньшинстве, своё несогласие описал красиво: «Судья Барак проложил путь

среди дебрей толкований, взял меня с собой, и я прошёл с ним долгую дорогу с лёгким сердцем и согласно кивая головой. Но к концу наши дороги разошлись, и я остался в одиночестве». Хешин поддержал решение комиссии, но остался в меньшинстве, и в 1997 году «Империя чувств» вышла на экраны израильских кинотеатров.

Борьба сутенёрами и современная работоторговля Дело 11196/02 – Михаэль Пруденталь против государства Израиль

Район старого автовокзала в Тель-Авиве никогда не был особо благополучным, как и многие привокзальные районы в больших городах во всём мире. В 90-х годах это был очаг наркомании и центр проституции – неоновые вывески и красные фонарики публичных домов горели днём и ночью, и «работа» шла вовсю. Девушки, обслуживавшие многочисленных клиентов, в основном говорили по-русски – это были «туристки» из стран бывшего Советского Союза, приехавшие в Израиль на заработки. Они сидели в холлах публичных домов, улыбающиеся и довольные на вид, излучая благополучие и беззаботность. Так, во всяком случае, казалось клиентам, не знавшим изнанку жизни работниц секс-индустрии.

На поверку же выходило, что многие «добровольные» жрицы любви содержались сутенёрами в воистину рабских условиях. Дело происходило так – импортёр живого товара продавал женщин, прямо как рогатый скот или рабов в древние века, а покупатель становился их полноправным хозяином. Никаких прав у этих женщин не было, и они превращались в настоящих рабынь со всеми характеристиками рабства, фактически становились имуществом, а не людьми. Мало того, что «хозяева» забирали себе львиную долю дохода, – они забирали у девушек паспорта, лишая их возможности побега. Избиения, изнасилования, проживание в нечеловеческих условиях – такова была тяжкая доля девушек, польстившихся на обещания сладкой жизни и высоких доходов в стране обетованной.

В 2000 году кнессет решил по-настоящему заняться проблемой купли-продажи женщин, несмотря на то, что женщины эти в основном находились в Израиле нелегально. Начало третьего тысячелетия, просвещённая демократия в Израиле – а прямо в центре Тель-Авива рабыни торгуют телом. Этого терпеть было нельзя, и в законе появилась новая статья – «торговля людьми с целью занятия проституцией». «Покупающий и продающий людей с целью занятия проституцией, а также посредник в такой сделке, подлежит наказанию до 16 лет лишения свободы», – гласил новый

закон. Так было положено начало настоящей, не на словах, борьбе с современной работорговлей.

В ноябре 2001 года один предприимчивый молодой человек приобрёл двух девушек. Купил. Получил во владение. Стал хозяином живых людей. Девушки работали на хозяина, но это требовало присмотра, и он сдал их напрокат некоему Михаэлю Пруденталю, который заселил их в специально снятой квартире, принимал заказы, отвозил девушек к клиентам и получал с клиентов деньги. Расценки были невысокие – 140 шекелей с клиента, и деньги делились между девушками (40 шекелей), Пруденталем (40 шекелей) и «хозяином», который забирая себе больше всех – 60 шекелей. Таким образом, девушкам оставалось меньше трети заработка, из которого дополнительно вычиталось содержание, проживание, и «штрафы» за плохое поведение. Условия проживания были действительно рабскими – запрет на выход из квартиры, побои, угрозы и обещания убить родителей в случае побега или обращения в полицию.

Сколько верёвочке не виться, а конец один, и полиция арестовала «предпринимателей». Пруденталья осудили за работорговлю и приговорили к двум годам лишения свободы. И тут он возмутился – как же так, в законе чётко прописано «купля и продажа», а он же только арендовал, и подал обжалование в Верховный суд. Судья Дорит Бейниш, в прошлом генеральный прокурор Израиля, внимательно ознакомилась с доводами защиты, подчёркивающей разницу между сделкой о купле-продаже и арендой, прописанной в гражданском законодательстве. Однако распространить закон, говорящий о сделках с вещами, на людей, значило бы признать девушек имуществом, а такого решения суд принять не мог.

Судья привела в пример подписанный и ратифицированный Израилем специальный протокол конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми, в котором указаны все аспекты связанной с работорговлей деятельности, включая «получение» человека – продажа ли это, аренда или подарок. «Прошли те тёмные дни, когда человек был чьим-то имуществом», – писала в своём решении судья, обратив внимание также на «Основной закон о достоинстве

и свободе человека» – закон, послуживший началом конституционной революции в Израиле.

Что же касается жалобы рабовладельца на «суровое» наказание, то и тут доводы защиты не показались суду достаточно убедительными. Всего два года за тягчайшие преступления – срок даже слишком маленький, сказал суд. И действительно, с тех пор суды перестали относиться к работорговцам снисходительно, и приговоры стали исчисляться десятками лет. В 2006 году кнессет ввёл уголовную ответственность за «содержание людей в рабских условиях», назначив максимальное наказание в виде 16 лет лишения свободы, а минимальное – от четырёх лет. Те же, кто способствовал переезду жертвы в другую страну с целью занятия проституцией, караются теперь заключением на срок до 10 лет. Ну и чтобы совсем уже отбить у преступников желание обогатиться на живом товаре, закон предусмотрел конфискацию имущества.

Новые законы и активные действия полиции привели к желаемым результатам. Тель-Авив очистился от публичных домов, количество преступлений, связанных с работорговлей, неуклонно снижается с тех пор, а купить девушку, арендовать или привезти на продажу перестало быть привлекательным бизнесом. Депутаты кнессета постоянно мониторят ситуацию с борьбой с работорговлей, и в 2009 году специальная комиссия подготовила подробный отчёт, из которого однозначно следовало, что ситуация улучшается с каждым годом.

В 2012 году по инициативе феминистских организаций был разработан закон, налагающий уголовную ответственность на клиентов проституток. По закону, клиент проститутки карался тюремным заключением сроком до полутора лет, но мог избежать тюрьмы, пройдя специальный семинар и курс лекций от женщин, вырвавшихся из порочного круга продажной любви. Закон так и не был принят – как ни странно, были и феминистки, воспротивившиеся запрету на свободу женщины распоряжаться своим телом по собственному усмотрению.

Гуси, утки и другие животные

Багац 9232/01 – «Ноах» – израильское объединение защиты прав животных – против юридического советника правительства

Фуа-гра (от французского foie gras, «жирная печень») с давних пор является одним из символов французской кухни, а из-за её высокой цены – и символом сладкой жизни и достатка. Секрет особой печени – не в приготовлении, а в питании гусей или уток. Точнее, в насильственном кормлении. Старинный рецепт деревенских фермеров благополучно пережил процесс индустриализации сельского хозяйства и в нашем веке был поставлен на конвейер, и сотни тысяч птиц по всему миру мучились с момента появления на свет и до самой смерти. Удовлетворение изысканного кулинарного вкуса гурманов зависело от того, сколько пищи насильно затолкают в несчастных птичек, и постепенно на этот садизм обратили внимание люди, которым небезразлична судьба братьев наших меньших.

Защитой животных в Палестине начали заниматься ещё англичане, основав в 1927 году организацию по борьбе с издевательствами над животными и специальную ферму, на которую свозили пострадавшую от жестокого обращения живность. Впоследствии, в первые годы становления независимого государства Израиль, война за выживание вытеснила защиту животных на периферию общественного сознания, но по мере развития страны и общества эта тема снова стала актуальной.

В 1986 году была основана самая значительная организация по защите животных в Израиле – «Тну Ле-Хайот Лехиот», в переводе – «Дайте жить животным», а в 1993 году несколько подобных организаций создали объединение под названием «Ноах» - так звучит на иврите имя Ной, тот самый, что спасся от потопа на ковчеге не только с семьёй, но и со всей живностью планеты. К сегодняшнему дню «Ноах» объединяет более двух десятков организаций и координирует их деятельность.

В 1994 году кнессет принял закон о защите животных, в котором жестокое обращение с ними определялось как уголовное преступление. Закон этот стал основой для борьбы против жестокости, но само определение понятия «жестокое обращение» сформулировать в законе оказалось невозможным, и этим занялся суд. Со временем под действие закона попали собачьи бои, шоу «человек против крокодила» в Хамат Гадере, крокодильей ферме на севере Израиля, и пришла пора защитить и птиц – утей и гусей, насильственно закармливаемых на израильских фермах.

Как обычная гусиная (или утиная) печень превращается в фуа-гра? Всё то же самое, но в десятикратном размере – в десять раз больше пищи, и в десять раз больше печень. Так как птица не способна по собственной воле слопать в десять раз больше нормы, пищу ей проталкивают силой через трубку, отчего печень практически перестаёт выполнять свои функции, зато наливается жиром и распухает до невероятных размеров. Если садизм в нашем понимании связан с желанием удовлетворить жажду насилия, то эта форма садизма призвана удовлетворить гастрономические потребности небедных людей и жажду наживы фермеров.

В соответствии с новым законом, под давлением организаций по защите животных правительство издало распоряжение о переходном периоде, согласно которому в течение нескольких лет жестокая практика насильственного откорма должна была прекратиться к 2004 году, а до тех пор фермеры могли продолжать производство гусиной и утиной печени. Фактически это стало с одной стороны признанием того, что процесс производства фуа-гра является жестокостью, но с другой стороны позволило эту жестокость продолжать.

В 2001 году объединение Ноах подало иск в Верховный суд с требованием отменить переходный период и немедленно запретить подобную практику в Израиле. К тому времени израильские фермеры уже сорок лет как занимались производством деликатеса, выдавая более 500 тонн печени в год, – половина съедалась в Израиле, а вторая половина уходила на экспорт. Надо сказать, что Франция и Бельгия – основные потребители деликатеса – в

отличие от многих европейских стран не запретили жестокую практику, ссылаясь на традиции, уходящие корнями в далёкое прошлое.

Судья Ашер Гронис внимательно рассмотрел европейскую практику, решения Европейской комиссии по защите прав животных (носящих рекомендательный, а не обязательный к выполнению характер), и разделил решение на три этапа. Во-первых, необходимо было проверить, является ли насильственное кормление жестокостью. Во-вторых – есть ли оправдание этой жестокости. И в-третьих – насколько будет оправданно вмешательство суда в постановление правительства, одобренное специальной комиссией кнессета. Гронис, не являющийся сторонником судебного активизма, принял решение отклонить иск и подождать ещё несколько лет, пока не закончатся годы переходного периода.

С мнением судьи Грониса, на момент написания этих строк ставшего президентом Верховного суда, не согласились судьи Штрасберг-Коэн и Ривлин. Судья Штрасберг-Коэн так же глубоко, как и Гронис, исследовала историю вопроса, иностранную практику, международные соглашения, а также конституционные аспекты решения, которое просили принять защитники животных. Несмотря на то, что юридический анализ был во многом похож, результат был противоположный, и основной аргумент был таков – заявленной целью постановления правительства было предотвращение страданий птиц, и цель эта не была достигнута.

Решение судьи Ривлина, также согласившегося с истцами, было коротким, и не рассматривало прецедентов. Вот его слова: «В моём сердце нет сомнений в том, что животные способны к проявлению чувств. У них есть душа, чувствующая радость и горе, счастье и траур, симпатию и страх. Есть среди них и те, что испытывают особые чувства к их другу-врагу человеку. Кто-то со мной не согласится и скажет, что прокормить фермеров важнее, чем защищать их скот. Но у этого есть своя цена – от этого страдает честь и достоинство не только животных, но и самого человека».

С тех пор фуа-гра в Израиле не производится, а права животных защищены не хуже, а зачастую даже и лучше, чем в продвинутой и либеральной Европе.

Частная тюрьма и «звериный оскал капитализма» Багац 2605/05 – «Академический центр» против министра финансов

Тюрьмы в Израиле были с древних веков, и тюремные законы, как и обитатели застенков, менялись вместе с частой сменой власти на Святой Земле. Крестоносцы выделяли в своих замках специальные места, где содержались преступники и пленные; пришедшие за ними турки воспользовались уже готовыми «удобствами», а англичане, прогнавшие из Палестины турок, решили ничего не менять и оставить доставшиеся в наследство тюремные помещения. Заключение своих просвещённые демократические англичане держали в строгости, и если что не так – били палками прямо на тюремном дворе, дабы другим неповадно было нарушать режим.

В 1948 году Израиль обрёл независимость, и в первую же её годовщину решено было устроить всеобщую амнистию, под которую не попали только самые закоренелые преступники, осужденные за тяжкие преступления. Таких в молодой стране набралось 29 человек, тюрьмы внезапно опустели, и осталась только одна – Тель-Монд. Однако идиллии не суждено было длиться вечно, и вскоре Тель-Монд переполнился. Мечта Теодора Герцля о том, чтобы в еврейском государстве были свои еврейские воры и проститутки сбылась в полном объёме, и пришлось открывать закрытые ранее тюрьмы, а всего через два года после амнистии – строить новые. К 1952 году в Израиле было уже пять тюрем, но и они переполнились, и пришлось строить новые.

Тюрьмы в Израиле всегда переполнялись «внезапно» - то есть власти просто игнорировали факты перенаселения в местах не столь отдалённых, пока это можно было терпеть, а когда становилось уж совсем неважно (как, например, в 1958 году, когда в тюрьме «Шата» взбунтовались заключённые), назначалась комиссия, делались выводы, увеличивалось число «посадочных» мест и всё приходило в норму – до следующего кризиса.

Между тем, со временем число заключённых непрерывно росло, и к началу тысячелетия перевалило за 20 тысяч. Вдохновившись международным – в основном, американским – опытом, правительство решило отдать заключённых в руки более эффективных, чем госслужащие, менеджеров, и в 2004 году кнессетом было принято решение о создании первой в Израиле «частной» тюрьмы, управление которой брала на себя не Служба исполнения наказаний, а коммерческая компания. Таким образом государство решило сэкономить миллионы шекелей и оптимизировать финансовые потоки – ибо известно, что в частных руках бизнес идёт гораздо лучше, чем в государственных.

Колледж по изучению права и бизнеса, названный «Академическим центром», был создан в 1995 году в пригороде Тель-Авива, Рамат-Гане. Созданный в основном юристами, молодой ВУЗ с самого начала активно вписался в общественную жизнь страны, и такое событие, как решение создать частную тюрьму, не прошло мимо него – в 2005 году юристы подали в Верховный суд обжалование, требуя отменить решение и оставить тюрьмы в руках государства.

Основные аргументы противников приватизации основывались на разнице между целями, которые преследуют государство и бизнес. Заключённые, несмотря на то, что любви к тюремщикам не испытывают, понимают последствия попадания в частные руки. Бизнес есть бизнес, и задача у него всегда одна – заработать больше денег, а так как деньги выдаются государством на душу населения, то упор будет делаться на экономию. Экономить в тюрьме можно на всём – на еде, обогреве, медицинском обслуживании, мебели – список того, что нужно людям, велик, и на каждом пункте можно сберечь копейку-другую при умелом обращении с деньгами и с людьми. Что же до экономии для государства, так это тоже оказалось сомнительным обещанием, и даже более того – в 2004 году американское «Бюро юридической статистики» пришло к выводу, что обещание сэкономить деньги государству за счёт приватизации тюрем «просто не выполнилось».

Перед судом встала очередная нелёгкая задача – решение о том, быть или не быть частной тюрьме, в первую очередь было

решением – отменять или не отменять закон, который принял кнессет, а следовательно, воля народа. Президент Верховного суда Дорит Бейниш в своём решении, простиравшемся на 60 страниц, процитировала судью Аарона Барака, одного из творцов конституционной революции в Израиле. Суд, по его мнению, не может подменить кнессет. Суд не определяет, хорош ли закон, справедлив или эффективен, – суд определяет, конституционен ли он. И именно вопрос конституционности закона должен был решить суд. Противоречит ли передача судьбы заключённых в частные руки «Основному закону о достоинстве и свободе человека»?

В чём же, собственно, неконституционность передачи тюремных полномочий коммерческой фирме? Кроме вполне обоснованных опасений заключённых о том, что бизнесмены будут экономить на всём, у иска была ещё одна важная составляющая. Управление тюрьмой подобно управлению государством, со своими законами и судами, и передача судебных функций в частные руки – дело опасное. Когда заключённого внутри тюрьмы судит дисциплинарный суд под начальством офицера Службы исполнения наказаний – это одно, а когда его будет судить работник частной фирмы – это совсем другое, сказали истцы, и Верховный суд с ними согласился. Бейниш цитирует американского учёного Джона Дилулио о том, что передача функций наказания, за которые должно отвечать государство, в частные руки, подрывает мораль общества в целом.

Итак, суд пришёл к выводу о том, что закон нарушает права человека. Осталось только определить, оправдано ли это нарушение достойной целью, а также – не нарушено ли «чувство меры», не слишком ли велико нарушение прав человека по отношению к той цели, которую ставит перед собой закон? Проанализировав решение кнессета, суд пришёл к выводу о его неконституционности из-за того, что в преследовании доброй цели (а сохранить средства налогоплательщиков – цель, безусловно, достойная) закон перешёл ту самую меру, за которой он противоречит Основному Закону страны, и восемью голосами против одного Верховный суд отменил решение кнессета.

Здание частной тюрьмы, которое успели построить за время рассмотрения дела в Верховном суде, было продано государству несостоявшимся хозяином за 279 миллионов шекелей, и после его передачи в ведение Службы исполнения наказаний сотрудники подсчитали, что налогоплательщики заплатят за содержание преступников даже меньше, чем платили бы в частные руки. А мест в тюрьмах по-прежнему не хватает, и планируется строительство новых тюрем – на этот раз государственных, частных уже не будет.

Покушение на убийство и пустые бутылки

Дело 11068/08 – Государство Израиль против Амира Санкера

1999 году кнессет принял один из немногих законов, влияние которых сразу же ощущается «человеком с улицы». А так как закон непосредственно касался улиц, а точнее – их внешнего вида, последствия стали заметны невооружённым взглядом. Закон о залоге на питьевые сосуды от 1999 года ввёл, как, собственно, и говорится в его названии, обязательный залог в сумме 25 агорот (т.е. четвери шекеля) на любую тару объёмом менее полутора литров. Четыре бутылки или жестянки из-под кока-колы – и у вас в руках уже есть шекель. Нищие, бездомные и просто предприимчивые люди, не боявшиеся запачкать руки, мгновенно среагировали, и за считанные недели улицы Израиля очистились от того, что раньше было мусором, а теперь внезапно стало ценной находкой.

Переработка отходов – дело прибыльное. Отходы – это мусор, а промышленным мусором извечно, по старой доброй международной традиции, занимается организованная преступность. Израиль не остался в стороне от мировой практики, и местные Сопрано уже много лет как прибрали к своим нечистым рукам этот лакомый кусок. А тут появилась новая ниша – переработка. Во-первых, есть предприятия по переработке, куда свозят неучтённое количество банок и бутылок – золотая жила для отмывания нетрудовых доходов. А во-вторых, есть рестораны и прочие заведения общепита, которые эти самые баночки-бутылочки из-под напитков сдают на переработку по оптовым ценам, и если разделить город на районы, в каждом из которых за сбор тары будет отвечать монополия, цены на приём можно устанавливать очень низкие, а разницу оставлять себе.

Так и началась новая волна криминальных разборок. Передел сфер влияния – одна из главных причин войн в среде организованной преступности, а тут внезапно появилась новая область, сферы влияния в которой нужно было не переделывать, а установить. «Пять старушек - рубль», как говорится в старом анекдоте о

Раскольникове, а четыре баночки – шекель. Израиль – страна жаркая, пить надо много и часто, чтобы не «дегидрироваться» и не распрощаться с почками, и прибыли от сбора тары и её переработки стали исчисляться миллионами. Местные бандиты, как это часто бывает, не могли поделить территорию мирным путём – на то они и бандиты, и естественным продолжением политики стала война.

К 2007 году на Нисима Альперона, серьёзного человека из мафиозной семьи, было совершено уже шесть покушений – и это только те, о которых известно полиции, а такие люди не бегут жаловаться на неприятелей. Как только ни пытались устранить Нисима – взрывали, резали, стреляли – словом, пытались извести всеми известными способами, но ни пуля, ни нож, ни даже гранаты не брали удачливого «авторитета». Такие люди всегда представляют интерес не только для своих конкурентов, но и для полиции, которая внимательно наблюдает за ними и их окружением, а также за конкурентами, в надежде уж хоть кого-нибудь из них определить в места не столь отдалённые.

Солнечным весенним днём 20 мая 2007 года Амир Санкер встретился с двумя друзьями, чтобы покататься на машине. Катались они не спеша по одному из районов Рамат-Гана, где любил посидеть в кафешке Нисим Альперон, который как раз в это время сильно конфликтовал с коллегами по цеху из-за предприятий по переработке тары и мест её сбора. Приехав «на район» на «Мицубиши», тройка пересела на ворованную Hyundai с фальшивыми номерами и начала объезжать место отдыха благородного дона. Подъехав поближе к кафе, мужчины смотрели на Альперона, не отводя взгляда, а один из них стал с чем-то возиться на пассажирском сиденье.

Неожиданно, как рояль в кустах, появившаяся полицейская машина выехала наперерез нашей тройке, и выбежавший из неё оперативник с пистолетом вежливо попросил остановиться. Братве это предложение не понравилось, один выскочил из машины с пистолетом, а другие попытались скрыться на машине, протаранив полицейский автомобиль. Ни то, ни другое не удалось – беглеца с пистолетом «завалили» в перестрелке, в которой один из

правоохранителей получил пулю в живот, а Санкер с другом так и не успели далеко уехать на простреленных после попытки задавить полицейского колёсах и были арестованы. Нисим Альперон не пострадал.

Санкера с подельником судили по нескольким статьям – и за ворованное оружие (в машине нашли заряженный и взведённый «М-16» со спущенным предохранителем), и за гонки на машине (намеренно подвергать опасности участников дорожного движения – значит совершить тяжкое преступление), и за предварительный сговор с целью убийства Альперона. Тут-то и поработали их адвокаты – если по поводу оружия и погони сомнений ни у кого не было, то намерение совершить покушение на «авторитета» нужно было доказать – мало ли по какой причине могут трое бандитов кататься по улице со взведённым автоматом и «балаклавами» в машинах.

Первоклассные адвокаты остатков бравой троицы, потерявшей одного бойца в перестрелке с полицией, поработали на славу, и окружной суд оправдал Санкера с подельником относительно сговора. В остальном же, по совокупности с предыдущими условными сроками, оба получили по 10 лет лишения свободы. Решение не удовлетворило ни прокуратуру, ни защиту – прокуроры желали осуждения и по статье о сговоре, а адвокатам приговор показался излишне суровым, и стороны встретились в Верховном суде.

Как известно, признать человека виновным суд может только в случае, если нет никаких разумных сомнений в вине подсудимого. В случае же, если есть серьёзные подозрения или даже практически полная уверенность, но остался тот самый элемент сомнения – у суда нет выбора, и подсудимый должен быть оправдан. Судья Ицхак Амит, вынесший решение по взаимным обжалованиям, определял – есть ли сомнения в том, что подсудимые собирались застрелить Альперона. К оперативным данным полиции (принадлежность к конкурирующей преступной группе, переговоры перед выходом на дело, сбор информации и поведение непосредственно перед арестом) добавилось поведение

подсудимых после ареста – никакого объяснения своим действиям они не предоставили, воспользовавшись правом на молчание в течение всего следствия, а их версия, озвученная в суде, была названа судьёй «оскорблением разума».

Никакого другого разумного объяснения, кроме заранее подготовленной попытки убийства, судья найти не смог, и голос сомнения умолк. Обжалование защиты отклонили, а протест прокуратуры приняли, признав Санкера с подельником виновными в сговоре с целью убийства и добавив им ещё по два года тюрьмы. А Нисим Альперон удачно пережил ещё два взрыва, и до сих пор остаётся живой легендой израильского преступного мира – «бандит с девятью жизнями», как его называли в одной из статей.

Доктор-министр и его таблетки

Дело 4484/05 – Гонен Сегев против государства Израиль

История Израиля, как и история еврейского народа вообще, изобилует удивительными судьбами её творцов. Смотришь, бывает, на биографию человека, и удивляешься – такие неожиданные повороты на жизненном пути не встретишь даже в приключенческих романах, нарочно, как говорится, не придумаешь. Так, проезжая мимо электростанции южного города Ашкелон, стоит поинтересоваться жизнеописанием человека, имя которого она носит – Пинхаса Рутенберга.

Родившийся в 1878 году в еврейском местечке Российской империи, сын купца и раввинской дочери, Рутенберг ещё в студенческие годы, учась в питерском Политехе, примыкает к революционному движению. В составе эсеровского движения он участвует в революции 1905 года, и кровавым воскресеньем 9 января спасает жизнь попу Гапону, выводя его из-под обстрела. Оба бегут за границу, где становятся друзьями, а когда они возвращаются в Россию, Гапон признаётся Рутенбергу в том, что он двойной агент и провокатор охраны. Попытки завербовать Рутенберга окончились встречей на даче, где в соседней комнате спрятались товарищи-рабочие. Услышав предложения Гапона о вербовке революционеров в ряды царской охраны, рабочие хватают Гапона и немедленно вешают его в той же комнате на Рутенберговской даче.

Рутенберг бежит за границу, в Италии дружит с будущим дуче – Бенито Муссолини, возвращается в лоно религии, совершив обряд покаяния (39 ударов плетью на пороге синагоги, шрамы остались на всю жизнь). В 1917 возвращается в Россию, занимает должность заместителя начальника главы революционного Петербурга, защищает Зимний дворец от большевиков, бежит из Одессы через Париж в Палестину, где занимается инфраструктурой и электрификацией всей страны, возводя первые электростанции и закладывая основы систем орошения – из чего со временем происходит «Электрическая компания» Израиля и инфраструктура систем орошения Израиля.

В 1995 году преемником дела Рутенберга на посту министра инфраструктуры и энергетики в возрасте 39 лет становится доктор Гonen Сегев. Родившийся в 1956 году в семье коренных израильтян, Сегев выдержал нелёгкие экзамены на курсе военных лётчиков, но пилотом не стал, продолжив службу в отборном отряде альпинистов – спецназе, бойцы которого воюют в особо сложной горной местности. Демобилизовавшись из армии (и продолжая офицерскую службу в элитном подразделении), он выучился на врача в университете имени Бен-Гуриона и получил степень доктора медицины, а в 35 лет уже стал депутатом кнессета.

Министром доктор Сегев был недолго, и в июне 1996 с падением правительства Шимона Переса закончилась и политическая карьера нашего героя. Занявшись бизнесом, Сегев надолго исчезает из общественного поля зрения, но в 2003 году его имя снова появляется в газетах. Будучи в Гонконге, он снимает в банкомате со своего счёта чуть больше 20 тысяч шекелей, впоследствии заявляя страховой компании, что кредитную карточку у него украли и деньги снимал не он. В этом недалёком прошлом банкоматы уже были оборудованы видеокамерами, и записи не оставили места для сомнения – бывший министр самолично снимал деньги со счёта. Последовал скорый суд и условный срок, и о докторе снова вспомнили.

Не прошло и года, как имя Гонена Сегева снова оказалось в центре всеобщего внимания. На этот раз доктор решил привезти в Израиль таблетки, но «лекарства» эти относились скорее к неконвенциональной медицине – под видом шоколадок M&M Сегев с сообщниками попытались провезти из Амстердама 32 тысячи таблеток MDMA, более известного под названием «экстази». Ну а для того, чтобы легче проходить досмотр, Сегев «продлил» свой дипломатический паспорт на десять лет, подделав срок его действия до 2006 года. Такого поворота в карьере бывшего министра никто не ожидал, и пресса получила прекрасный материал для скандала, а народ Израиля – прекрасную пищу для шуток.

Тель-Авивский окружной суд приговорил Гонена Сегева к пяти годам лишения свободы, за чем последовало обжалование в Верховный суд. Приговор, по мнению доктора, был слишком суровым. Судья Двора Берлинер (не только прекрасный юрист, но и преподаватель, лекции которой увлекают не хуже детективного романа) внимательно ознакомилась со всеми доводами защиты, и нашла в них всё, что угодно, кроме искреннего и честного раскаяния. Можно ли привести бытность обвиняемого министром как довод защиты? Наоборот, решил суд – от человека, занимавшего высочайший государственный пост, общество вправе ожидать более высоких стандартов поведения. Нужда ли толкнула его на этот путь? Международный бизнес не удался, но покрывать убытки от предпринимательской деятельности, занимаясь контрабандой наркотиков – слабый довод защиты.

Суд, как сказала судья Берлинер, стоит на страже интересов общества. Хотя в законе и не прописана разница между «лёгкими» и «тяжёлыми» наркотиками, в жизни она есть, и игнорировать её суд не должен. «Экстази» в количестве 23 тысяч доз сулило Сегеву немалые доходы, а подделка дипломатического паспорта с целью облегчить преступные действия ставит под угрозу репутацию Израиля как государства в целом. Что же до страданий детей и семьи Сегева, причинённых им сотнями газетных публикаций и упоминаний о деле по телевизору и на радио – что ж, об этом бывшему министру надо было подумать до того, как он решил освоить карьеру контрабандиста наркотиков.

Приговор остался в силе, Гонен Сегев получил 5 лет тюрьмы, из которых отсидел чуть больше трёх, досрочно освободившись за хорошее поведение. По выходе из тюрьмы министерство здравоохранения пожизненно отменило его лицензию врача, на что последовало обжалование – и снова суд не поддержал Сегева. «Тяжело себе представить действия, более несовместимые со статусом врача», решил Иерусалимский окружной суд, и Сегев стал бывшим министром и бывшим врачом.

С тех пор прошло не так уж и много времени, а под судом оказались – и были приговорены к тюремному заключению – депутаты

кнессета, министры, бывший президент Израиля и бывший глава государства, премьер-министр. С одной стороны, последнее десятилетие стало печальным из-за такого всплеска дел против политиков высшего эшелона власти – но каждому израильтянину приятно осознавать, что он живёт в стране, где все равны перед законом, и неприкосновенных здесь нет.

Форс-Мажор и ожидание войны

Дело 3531/10 – Моран Гидон против Цики Фукс

С момента создания Израиля, когда арабские страны объявили молодому государству войну на уничтожение, и до сегодняшнего дня война остаётся грустной, но неизбежной реалией еврейского государства. Si vis pacem, para bellum – хочешь мира, готовься к войне – эта латинская фраза актуальна для израильтян, мечты и чаяния которых связаны с миром, но путь к выживанию, навязанный враждебным окружением, проходит через войну. Война за независимость, война на истощение, Шестидневная война, война Судного дня, первая и вторая Ливанская – каждая из них, как надеялся израильский народ, «была последней», и каждый раз надеждам не суждено было сбыться. И, конечно же, экономика государства не оставалась в стороне от военных действий.

Форс-мажор – непредвиденная ситуация, вмешательство высшей силы, делающей невозможным выполнение договора – издревле известен в контрактном праве. Настолько же древний и вопрос – что можно считать высшей силой, или, как называют это некоторые источники, «актом бога». Классический пример прецедентов по таким делам дала нам страна с почтенным отношением к традициям, причём в делах, связанных с почтением к традиции – речь идёт о церемонии коронации в Англии. Коронация – событие особой важности, и сопровождается она торжественным шествием, посмотреть на которое съезжаются люди со всех уголков Британской империи.

20 июня 1902 года Генри снял на несколько дней квартиру в Лондоне у её владельца, Крелла. Как уверял хозяин, из окна будет прекрасно видна процессия по случаю коронации Эдварда VII, и за это Генри должен был выложить немалую сумму в 75 фунтов стерлингов, что в сегодняшнем эквиваленте исчисляется десятками тысяч. Заплатив задаток в 25 фунтов, Генри обязался отдать остальные 50 после шествия – однако король заболел, церемонию отложили, и Генри так и не заплатил 50 фунтов, что настолько огорчило хозяина квартиры, что он подал в суд. Британские судьи,

отказав хозяину в иске, подчеркнули непредвиденность болезни монарха, и оставшуюся сумму Генри так и не выплатил.

6 октября 1973 года улицы Израиля, как и в каждый Судный день («Йом Кипур»), опустели, и место машин заняли дети на велосипедах. В день, когда евреи постятся и молятся об отпущении грехов, армии Египта и Сирии без объявления войны напали на Израиль, и началась очередная битва за существование государства. Была объявлена всеобщая мобилизация, и одним из тех, кто ушёл на фронт, был строительный подрядчик Арье Кац. За несколько месяцев до начала войны, в июле 1973 года, Кац договорился о работах на сумму в 285 тысяч лир, которые должен был провести на стройке в качестве субподрядчика. Вернувшись с войны, Кац первым делом обратил внимание на индекс цен – оказалось, за это время инфляция превратило обещанные ему 285 тысяч в гроши, и работать по такой цене было равно разорению.

Первым делом Кац пошёл к подрядчикам, с которыми договаривался о работе, с просьбой поднять цену, учитывая изменившиеся обстоятельства. «Цена окончательная и включает в себя всё», показали ему подписанный им договор, и поставили перед выбором – или разориться, выполняя работу, или разориться, выплачивая неустойку. Работать на разорение Кац отказался, и застройщики подали на него в суд, где беднягу заставили заплатить неустойку.

В решении, вынесенном Верховным судом, где Кац обжаловал несправедливый, по его мнению, приговор, судья Ландой написал: «Нет сомнений в том, что в июле 1973 года Кац не мог предвидеть начало войны в октябре. Война Судного дня застала врасплох политическое и военное руководство государства, и уж простой гражданин тем более не мог знать о её начале. Однако пока нет мира между Израилем и его соседями, угроза того, что раньше или позже разразится очередная война, известна каждому израильтянину, и неожиданность должна быть ожидаемой». Верховный суд не признал войну форс-мажором, и поддержал решение суда низшей инстанции.

В 1982 году Мири Лерер должна была открыть выставку своих работ в пригороде Тель-Авива Холоне, о чём был подписан соответствующий договор с муниципалитетом. Но началась Ливанская война, мэрия решила, что пока гремят пушки, искусство будет молчать – и выставку отменили. Госпожа Лерер пошла в суд и выиграла дело. Суд практически слово в слово повторил решение по делу Каца – в Израиле, с начала своего существования не знавшем долгих периодов покоя, войны и военные операции стали частью рутины нашей жизни, и должны приниматься в расчёт в момент подписания договора.

В июне 2006 года две фирмы, занимающиеся поставками продовольствия, заключили договор о покупке-продаже акций. Моран Гидон «свёл» компании между собой, и за посредничество должен был получить свои честные 4 процента от суммы сделки. Сама сделка должна была финансироваться швейцарской фирмой, однако 12 июля 2006 года началась очередная – вторая Ливанская – война, и швейцарцы решили не рисковать деньгами. Сделка лопнула, и Гидон не получил свой посреднический процент, подал в суд, проиграл – и оказался в Верховном суде.

Вопрос, положены ли истцу его проценты, упирался в определение того, что же принесла вторая Ливанская война – неожиданное «вмешательство свыше», форс-мажор, из-за которого стороны оказались не способны заключить сделку, а посредник, соответственно, не имеет прав на доход – или же ожидаемое препятствие, которое должны были предусмотреть фирмы, из-за которого посредник своих процентов потерять не должен. Доктор Михаль Амнон-Гонен из Тель-Авивского окружного суда приняла смелое решение: «пришло время сказать, что война – это ситуация форс-мажора в финансовом секторе Израиля». Однако Верховный суд думал по-другому.

«Очень проблематичная концепция», - так описала судья Эстер Хаят решение окружного суда. С ней согласился судья Рубинштейн – призывая стороны к компромиссу, он подчеркнул, что у

обжалования есть все шансы на победу. Суд получил от сторон право придти к компромиссному решению, и посредник получил 350 тысяч шекелей. Так, в очередной раз суд подтвердил – в реалиях Ближнего Востока израильтяне должны ожидать неожиданного, а именно – внезапного начала военных действий.

«Гиюр» и право на репатриацию

Багац 2597/99 – Таис Родригез Тушбайм против министра внутренних дел

Иудаизм – удивительная религия. В то время, как остальные религии и философские течения на протяжении всей истории боролись за увеличение числа своих последователей и любыми путями старались приумножить паству, иудаизм ставил на пути желающих приобщиться к еврейскому народу препоны и преграды в виде обязательных экзаменов на знание Торы и еврейских традиций, а также соблюдения всех религиозных предписаний. Зачастую кажется, что легче богатому пройти через игольное ушко, чем нееврею стать «гер цедек» - перейти в иудаизм.

Евреи, всегда отличавшиеся плюрализмом и разногласиями по любым вопросам («Почему в Израиле нет суда присяжных? Потому, что невозможно найти 12 евреев, которые в чём-то придут к согласию»), и в религии разделялись по взглядам. Раньше основное различие было между сефардами (от ивритского «Сфарад - Испания», то есть евреями, после изгнания из Испании поселившимся в арабских странах), и европейскими ашкеназами («Ашкеназ» - так евреи называли Германию в средние века). Сегодня же религия разделилась на три основных течения – ортодоксальный иудаизм, консервативный и реформистский.

Ортодоксальная часть верующих соблюдает все традиции и религиозные предписания, ни на шаг не отходя от постановлений раввинов «золотого века иудаизма» IX – XIV веков. Консервативный иудаизм основывается на Галахе, еврейской религиозной традиции, однако признаёт влияние времени, считая, что религиозные предписания должны изменяться с течением времени и развитием общества. И, наконец, реформистский иудаизм, который также называют либеральным и прогрессивным, опирается на морально-нравственные ценности еврейского народа, меньше значения придавая форме отправления религиозного культа.

Еврейская религиозная традиция различает два вида «геров» - «гер тошав», то есть нееврей, проживающий в Эрец-Исраэль, и «гер цедек» - нееврей, принявший на себя всю тяжесть соблюдения не только 10 заповедей, но и 613 религиозных предписаний, и ставший настоящим евреем. За соблюдением этой процедуры в Палестине следил главный раввинат – специальный совет, в 1921 году собравший вместе ашкеназских и сефардских раввинов и ставший наиболее авторитетным религиозным органом во время Британского мандата. С образованием государства Израиль организация получила обозначенные законом функции – такие, например, как исключительную юрисдикцию в вопросе брака и развода евреев в Израиле.

Слияние религиозных и государственных функций нередко подвергалось критике как со стороны секулярной части общества, видящей в этом противоречие основному демократическому принципу отделения религии от государства, так и глубоко религиозных философов, таких, как Иешаягу Лейбович, который говорил, что религия при государстве становится «любовницей бюрократического аппарата». Так или иначе, вплоть до последнего времени только утверждённые главным раввинатом раввины могли признавать «гиюр» – переход в еврейскую веру.

В 1995 году несколько женщин, прошедших консервативный и реформистский "гиюр", потребовали от министерства внутренних дел зарегистрировать их и их детей как евреев. МВД ответило отказом, не признав «облегчённой процедуры», и женщины обратились в Верховный суд, где их поддержали общественные организации – как женские, так и реформистские еврейские. Багац 5070/95 стал прецедентом, вызвавшим бурю противоречивых реакций в израильском обществе. Судья Аарон Барак, вынесший решение, поддержанное большинством судей Верховного суда, продолжил линию, определённую ещё в деле Функ Шлезингер сорокалетней давности. Чиновник МВД, напомнил он, не должен брать на себя судебные функции – его роль сводится к тому, чтобы внести запись в реестр учёта населения в соответствии с предоставленными документами.

Народ Израиля един, часть его находится в государстве Израиль, а часть – в диаспоре. Для того, чтобы перейти в иудаизм, необходимо решение трёх раввинов, признанных еврейской общиной, – и не обязательно это должна быть ортодоксальная община, решил суд. Консервативный и реформистский иудаизм исповедует большинство американских евреев, и признание раввинов, принадлежащих к этим течениям, недостойными признать "гиюр" несправедливо разделяет народ Израиля. Суд принял просьбу истцов и приказал МВД записать их как евреев, однако воздержался от решения о том, как такая запись повлияет на право на репатриацию, которое положено каждому еврею. Надо отметить, что судья Ицхак Энглард не согласился с мнением большинства и настаивал на «гиуре» исключительно в соответствии с ортодоксальным методом.

Таис Родригез, родившуюся в Бразилии, с молодости привлекало еврейство и иудаизм. В 1996 году она поселилась в Израиле, получила рабочую визу и начала готовиться к прохождению «гиюра». После нескольких лет учёбы она поехала в Нью Йорк, где успешно выдержала все необходимые экзамены на право стать еврейкой, и три уважаемых и признанных американской еврейской общиной раввина, принадлежащих к консервативному течению, признали её принадлежность к еврейскому народу. Став еврейкой, Таис решила репатрироваться в Израиль в соответствии с законом о возвращении, однако министерство внутренних дел ответило отказом.

В очередной раз судья Верховного суда Аарон Барак должен был решить «еврейский вопрос» - на этот раз речь шла не просто о записи в реестре, а о праве на репатриацию. «Это еврейское государство, для каждого еврея», – привёл Барак цитату из выступления первого главы государства, Бен-Гуриона, в кнессете во время обсуждения закона о возвращении. И если человек присоединился к народу Израиля путём «гиюра», признанного авторитетными раввинами, – неважно, какой это "гиюр", ортодоксальный, консервативный или реформистский, – он имеет право на репатриацию в Израиль.

Дело, имеющее принципиальную важность для Еврейского государства, слушал расширенный состав Верховного суда, и 11 судей не пришли к общему мнению. Большинство судей согласилось с мнением Аарона Барака. В своём кратком мнении судья Далия Дорнер выразилась чётко: «Ценности государства Израиль как еврейского демократического государства не позволяют разделять тех, кто родился евреем, и тех, кто прошёл "гиюр". Еврейская традиция также отрицает такое разделение». Так Верховный суд создал прецедент, вызвавший негодование у ортодоксальных евреев, но фактически объединивший народ Израиля – ту его часть, которая живёт в еврейском государстве, и тех, кто выбрали жизнь в диаспоре.

Право на собственность и израильский колхоз

Дело 8621/93 – Банк «Мизрахи» против «мошава» Мигдаль

В июне 1921 года в Палестине, недалеко от Петах-Тиквы, был создан Эйн Ганим, первый «мошав» – кооперативное сельскохозяйственное поселение. Социалистическая идеология, которую разделяло большинство активистов второй «алии» (так традиционно называется волна евреев, прибывшая в Эрец-Исраэль преимущественно из Российской империи в 1904-1914 годах), вдохновила образованных и интеллигентных людей на работу в сельском хозяйстве. «Свободная «алия», еврейский труд», - такой был лозунг у сионистов-социалистов, и под этим лозунгом Палестину заселяли еврей-энтузиасты.

В отличие от киббуцев, ставших коммунистическими «государствами в государстве», в основном «мошавы» не делили всё поровну, а существовали (и до сих пор существуют) по принципу кооперации – обрабатывая землю, принадлежащую семье, «мошавники» вскладчину закупали необходимые для обработки земли удобрения и вместе занимались реализацией выращенной в «мошаве» сельхозпродукции. Были и менее распространённые «мошавы» с общественным строем, где земля принадлежала всем членам кооператива и совместно обрабатывалась, а доходы делились поровну – похоже на разницу между колхозом и совхозом в Советском Союзе.

С созданием государства Израиль «мошавы» стали играть важнейшую роль в обеспечении окружённой врагами страны продуктами питания, и даже наладили экспорт сельхозпродукции во многие страны мира. Они стали «становым хребтом» израильского сельского хозяйства и примером того, как может успешно функционировать социалистическая система, а домик в деревне и небольшой надел земли перестали быть уделом отсталых крестьян.

Наступили пятидесятые годы, и в Израиль хлынула новая волна «алии» – на сей раз из арабских стран. Государство оказалось не

совсем готово к приёму сотен тысяч беженцев, жилья в городах катастрофически не хватало, и многих репатриантов расселили по «мошавам», заодно создавая и новые, целиком состоявшие из вновь прибывших евреев с Востока. Опыта в приёме такого количества новых репатриантов у молодой страны не было, и финансово поддерживаемые правительством новые сельскохозяйственные кооперативы не получили помощи в подготовке руководящих кадров.

Шли годы, мировая экономика двигалась в сторону индустриализации, и Израиль не остался в стороне от глобальных тенденций. Старое сельское хозяйство не выдерживало конкуренции с модернизированными производителями, руководители должны были постоянно совершенствоваться – и начался аграрный кризис. Государство помогало деньгами, кибуцы получали огромные дотации, но кризис был системным. И вот пришли восьмидесятые годы, стремительно взлетели акции банков – и многие руководители сельских кооперативов решили, что пришло спасение, вложив общественные деньги в самый надёжный финансовый инструмент – акции банков.

Биржевой пузырь лопнул, ещё глубже затянув аграриев в долги. Всё вместе – неудачные инвестиции, некомпетентное руководство, общая ситуация на рынке сельхозпродукции – столкнуло «мошавы» в долговую яму, когда проценты по кредитам росли быстрее, чем возможность фермеров расплатиться, и весь аграрный сектор израильской экономики оказался под угрозой. Кризис грозил лишить многие семьи самого главного, что у них было, – земли, а значит, и средств к существованию.

В 1992 году были приняты два «Основных закона» – «О свободе предпринимательства» и «О достоинстве и свободе человека». В том же году по инициативе депутата кнессета Гедалии Галя был принят так называемый «Закон Галя», в соответствии с которым огромная часть долгов «мошавов» списывалась, а для того, чтобы получить оставшиеся после списания долги, кредиторы вместо суда отправлялись в специально созданную организацию, главная цель

которой была не снять деньги с аграриев, а сохранить «мошавы» от разорения.

Банк «Мизрахи», которому «мошав» Мигдаль был должен значительные суммы денег, обратился в суд и выступил против нового закона, лишившего его возможности вернуть деньги в полном размере. Областной суд не принял позицию банка, и дело рассмотрели судьи Верховного суда. Банк поставил под сомнение конституционность закона Галя – ведь в «Основном законе о достоинстве и свободе человека» одной из защищённых ценностей стало имущество, а списание долгов означало удар по имуществу банка.

Решение, которое вынес судья Аарон Барак, стало основным источником конституционного права Израиля, и нет студента юрфака, который не стонал бы от необходимости изучить 519 страниц вердикта. Может ли кнессет принять закон, противоречащий Основному Закону, защищающему имущество? Дело касалось не только банка «Мизрахи» – надо было решить принципиальный вопрос о критериях конституционности законов, о степени вмешательства суда в законотворческий процесс, о том, какую защиту гражданам дают основные законы государства.

Отвечает ли закон, ущемляющий в правах кредиторов, двум основным требованиям – желаемой цели и соразмерности? Насколько оправдан тот ущерб, который нанесён кредиторам? Аарон Барак встал на сторону «мошавов», прежде всего проанализировав цель, с которой приняли закон Галя. Спасти израильское сельское хозяйство как сектор экономики и тысячи семей от разорения – цель достойная. Идея еврейского труда и те ценности, на которых основано государство Израиль, требовали защиты, и закон дал им эту защиту. Насколько соразмерен ущерб, причинённый банкам, той цели, которую преследовал закон? Очень небольшой процент банковских активов пострадал от решения кнессета, и по сравнению с тем уроном, который был бы нанесён «мошавам» и сельскому хозяйству в целом, удар по банкам соразмерен цели.

Решение Верховного суда, хоть и не отменило закон, говорило о возможности отмены, и это стало поводом для критики политиков и юристов, выступающих за исключительное право законодателей проводить законы по своему усмотрению. Кнессет отрицательно отнёсся к идее ограничения своих полномочий, однако суд сказал своё веское слово, и депутатам пришлось смириться. Движение «мошавов» было спасено, и до сих пор в специально созданных организациях разбираются долги «мошавов», исходя из стремления уберечь от банкротства семьи, посвятившие себя обработке земли Израиля.

Иностранные рабочие и человечность

Багац 11437/05 – «Кав Ле-Овед» против министерства внутренних дел

Четыре заповеди о любви есть в Торе – одна заповедует любовь к ближнему, одна – к Всевышнему и пророкам, а две – к «геру», то есть чужому, нееврею, живущему или работающему в Земле Израиля. Во Второзаконии (ивр. «Дварим») написано – «И возлюби чужого, ибо чужими вы были в стране Египетской», а в Книге Левит («Ва-Икра») – «И как гражданин будет чужой среди вас, и возлюби его, как самого себя, ибо чужими вы были в стране Египетской». Есть и конкретные указания о помощи бедным, сиротам и чужакам – как помощь деньгами, так и запрет на сбор всего урожая, чтобы на поле осталось достаточно для пропитания бедняков и чужаков. Так еврейская традиция защищала чужаков ещё в древние времена царства Израильского.

Когда в начале XX века евреи вновь заселяли Палестину, одним из столпов идеологии сионизма был еврейский труд. С трудом пробравшиеся на родину предков интеллигенты – юристы, учёные, журналисты, инженеры – обрабатывали поля, собирали апельсины, работали на фабриках, воссоздавая еврейское государство на Святой Земле, государство, где евреи и правят, и работают на всех работах. Еврейские крестьяне, рабочие, солдаты – какие только стереотипы не сломали идеалисты, воплотившие в жизнь двухтысячелетнюю мечту угнетённого и рассеянного по всему миру народа.

Прошло время, было создано государство Израиль, и идеализм сменила прагматичность. Географически изолированное врагами государство не осталось в стороне от глобальных экономических процессов, одним из которых стало присутствие иностранных рабочих. Арабов, которые традиционно работали на стройках со времён Шестидневной войны, с началом интифады сменили рабочие из Румынии, а позже китайцы. А за пожилыми людьми стали ухаживать воспитанные в католическом духе филиппинские медсёстры, и на улицах всё чаще стали видны старички в колясках

радом с филиппинками, заботливо приглядывающими за своими подопечными.

Число иностранных рабочих росло, и далеко не все из них покидали Израиль по окончании срока действия рабочей визы. Даже нелегальный заработок с оплатой ниже разрешённого законом минимума гораздо выше, чем может принести любая работа в странах третьего мира, и в стране появилась новая проблема – нелегалы. Бороться с этим явлением нелегко, а желающих сэкономить на зарплате работодателей оказалось много, и министерство внутренних дел вплотную занялось решением проблемы, угрожающей не только экономике, но и демографии страны.

С 1996 года руководство МВД издало несколько инструкций чиновникам, касающихся борьбы с засильем нелегалов. Под действие инструкций подпали и женщины, родившие детей в Израиле, – им предписывалось покинуть страну вместе с ребёнком в течение трёх месяцев с момента родов, а уже потом, если все документы были в порядке, женщина могла вернуться в Израиль без ребёнка, чтобы продолжить работу. Возможность остаться с ребёнком предоставлялась в особых и исключительных гуманитарных случаях, впрочем, инструкциями не обозначенных и оставленных на усмотрение иммиграционных чиновников.

Ситуация, когда нелегальные рабочие находятся под угрозой депортации и готовы на всё, лишь бы продолжать работу в Израиле и высылать домой деньги, чтобы кормить семью, позволила многим работодателям воспользоваться таким положением своих работников. Работа за зарплату ниже минимума, отсутствие страховых отчислений, нечеловеческие условия труда – словом, эксплуатация слабозащищённых трудящихся, не могли пройти незамеченными в демократической стране, и в 1991 году была создана организация «Кав Ле-Овед» - изначально что-то вроде «линии доверия» для незащищённых рабочих, а впоследствии – одна из самых значительных организаций по юридической защите тех, кто не мог нанять адвоката для того, чтобы отстоять свои трудовые права.

В 2005 году «Кав Ле-Овед» вместе с другими правозащитными организациями обратился в Верховный суд с требованием отменить практику высылки родивших иностранок из Израиля. У истцов было несколько аргументов против политики министерства. Во-первых, инструкции МВД противоречили «Основному закону о достоинстве и свободе человека» и, следовательно, являлись антиконституционными. Во-вторых, в Израиле разработана сильная законодательная база, защищающая рабочие права женщин, и инструкции противоречили законам о труде женщин и о равенстве на работе. И, наконец, в-третьих, государство Израиль признало и ратифицировало ряд международных конвенций о защите прав женщин, и в том числе – о запрете дискриминации и о равенстве женщин.

С момента подачи иска в Верховный суд и до вынесения решения прошло немало времени, и только в апреле 2011 года был вынесен окончательный вердикт. Основное мнение по делу (с которым согласились ещё двое судей) вынесла судья Айала Прокаччия, и это стало последним её вердиктом перед выходом на пенсию. За свою долгую карьеру родившаяся в кибуце судья не раз защищала права человека – именно она обязала государство предоставить койку каждому заключённому, положив конец тюремной практике ночёвки на полу, но её позиция по наказаниям преступникам была жёстче, чем у её коллег.

В основе решения лежала проблема баланса – как найти правильное равновесие между правом государства на защиту от нелегальной иммиграции и сохранением демографической составляющей с одной стороны и правом женщины на труд и материнство с другой? Насколько права трудящихся, защищённые израильскими законами, должны распространяться на иностранцев? На последний вопрос Верховный суд давал неоднократный ответ – и основные законы, и законы о защите трудящихся не ограничены гражданами Израиля и распространяются на всех.

Проанализировав израильское конституционное право, международные конвенции и прецеденты из мировой практики, судья приняла сторону истцов, дав возможность матерям доработать до конца срока легального пребывания в Израиле. Этот прецедент стал продолжением традиции Верховного суда – защищать беззащитных, женщин и детей. А согласившийся с решением судья Рубинштейн напомнил о библейской заповеди любви к чужакам, и современное конституционное право оказалось созвучным древним традициям и ценностям еврейского народа.

Подсудность армии и уничтожение террористов

Багац 769/02 – «Общественный комитет против пыток» против правительства Израиля

27 сентября 2000 года началась вторая интифада – вооружённое восстание палестинцев против Израиля. Интифада продолжалась до 5 марта 2005 года и унесла жизни 1,178 израильтян и 50 иностранных граждан, а 8,022 человека были ранены. Подавляющее большинство жертв арабского террора составили мирные граждане, которых взрывали и в которых стреляли террористы, не отличая военных от гражданских, мужчин от женщин и детей. Всё чаще и чаще взрывались террористы-смертники, маскирующиеся под мирных жителей.

Одним из самых ужасающих моментов вооружённого противостояния было убийство двух израильских резервистов, устроенное толпой в Рамалле. 12 октября 2000 года двое резервистов нестроевой службы – то есть не принимавших участия в боевых действиях – заблудились по дороге на военную базу и были задержаны палестинской полицией. Озверевшая толпа ворвалась на территорию полицейского участка, вытащила оттуда обоих задержанных и забила их до смерти, после чего надругалась над их телами. Фотографии и видеосъёмки линчевания Вадима Нуржица и Йосефа Авраами стали достоянием общественности, а радостный палестинец, торжественно демонстрирующий из окна обагрённые кровью руки, стал символом тех, против кого ведут борьбу израильские силы безопасности.

Защита жизни и безопасности израильтян всегда была под контролем закона, и даже у самых отъявленных террористов была возможность высказать свои претензии в израильском суде. Террор принёс с собой и новые вызовы юридической системе, которая традиционно различала военных и гражданских лиц. Как определить «гражданского» – не состоящего в рядах армии, но участвующего в террористической деятельности? Какие права, какая защита положена ему по международным конвенциям и военному праву?

Женевская Конвенция, подписанная после окончания Второй мировой войны, определяет права военнослужащих и мирного населения во время вооружённого конфликта. Военные сражаются в рядах вооружённых сил, они стреляют и убивают противников, их берут в плен и освобождают по окончании конфликта между странами – и они являются легитимной целью для уничтожения. Гражданское население не вооружено, не имеет права участвовать в военных действиях, и пользуется защитой международного права – воюющие стороны не могут целиться в гражданских. Таково международное право, нормы которого соблюдает государство Израиль.

В какую категорию попадают террористы? Так как они не являются солдатами и офицерами регулярной армии, логично предположить, что они гражданские лица – и тогда для предотвращения терактов необходимо их арестовать и судить. Однако в сложной действительности арабо-израильского конфликта, когда на палестинских территориях возникают анклавы терроризма (английский термин *terror state* очень хорошо определяет это понятие), арестовать бандитов невозможно без риска для жизни полиции и военнослужащих. Риск это не такой, которому подвергаются полицейские в обычное, мирное время – каждый арест на палестинской территории сопровождается перестрелкой, а некоторых террористов практически невозможно поймать, и единственным выходом является точечная ликвидация.

В 2002 году «Общественный комитет против пыток» обратился в Верховный суд с требованием запретить практику точечной ликвидации террористов. Истцы говорили о том, что точечная ликвидация по сути своей есть расправа над гражданскими лицами без суда, что противоречит Женевской конвенции о правах граждан – и, соответственно, находится вне закона. Государство же, со своей стороны, утверждало, что кроме понятий «военный» и «гражданский» существует и третий статус – «незаконный боец», на которого не распространяется действие конвенции.

В декабре 2006 года Аарон Барак, завершивший каденцию президента Верховного суда, вынес свой последний вердикт.

Одним из основных вопросов, поставленных перед судом, являлось определение меры вмешательства в решения военного командования. Может ли командир принимать оперативные решения по устранению участника незаконных вооружённых формирований, и должен ли он отчитываться перед судом за свои решения? Насколько вообще судьи, сидящие в тиши своих уютных кабинетов, могут контролировать принятые на поле боя решения? Как и во многих других случаях, ответ крылся в нахождении правильного баланса между целями и средствами их достижения.

Легитимными целями суд счёл предотвращение террористической деятельности. Ни наказание, ни устрашение «чтоб другим неповадно было», не оправдывают крайней меры по ликвидации боевиков, обычно осуществляющейся с воздуха, когда с вертолёт или беспилотника умная ракета летит в заданную цель. Тот же вопрос баланса возник при угрозе жизни гражданского населения, за спинами которого прячутся террористы. Иногда бандита невозможно уничтожить без того, чтобы пострадали невинные, – но насколько оправдан риск гибели гражданских лиц, окружающих террориста, если на другой чаше весов находятся жизни граждан Израиля, которые погибнут, если террорист не будет уничтожен?

Суд не принял полностью ни одну из точек зрения. С одной стороны, невозможно согласиться с истцами и полностью отказаться от практики точечной ликвидации террористов, тем самым подвергнув опасности жизни военных и граждан Израиля. С другой стороны, нельзя принять позицию государства о том, что суд не имеет права вмешиваться в дела военного командования, и офицеры могут устанавливать цели без каких-либо критериев их законности. Ударить ракетой по жилому дому, где прячется террорист, не считаясь с жертвами среди гражданского населения, – незаконно, привёл пример суд. Даже такая жизненно важная цель, как безопасность израильтян, не оправдывает любых средств.

В борьбе Израиля с террором суд защищает не только жизнь невинных палестинских граждан, ставших невольными заложниками террористов. Нравственные основы израильского общества, законность и мораль – вот те ценности, на страже

которых стоит Верховный суд, находя баланс между безопасностью израильтян и правами человека. И эти ценности сохраняют израильскую демократию, и благодаря им Армия обороны Израиля может гордо называться самой моральной в мире армией.

Свободное согласие и защита женщин

Дело 5612/92 – Государство Израиль против Офира Беэри

Время – пять дней в августе 1988 года. Место – кибуц Шомрат. Действующие лица – девочка 14 с половиной лет и семеро парней 16-17 лет. Все они учатся в одной школе. Девочка обращается в поликлинику и рассказывает медсестре о том, что с ней спали все четверо по очереди и даже вместе. Медсестра оказывает ей необходимую медицинскую помощь, но не докладывает о происшедшем в официальные инстанции. Девочка рассказывает обо всём маме, и та обращается в полицию. Арест, допросы, суд. Областной суд оправдывает всех семерых, прокуратура подаёт обжалование на оправдание четверых из семёрки. В деле разбирается Верховный суд.

Детали происшествия, ставшие известными широкой публике, всколыхнули бурю страстей в израильском обществе. Подросток, в которого влюбилась девочка, спит с ней, а потом «передаёт» ее друзьям. Друзья рассказывают своим друзьям, и так образуется круг, в который вовлечены семеро старшеклассников. Он и хвастаются друг перед другом своими «достижениями», и даже определяют очередь на «свидания» с девочкой. Намёками ей делается предложение, от которого невозможно отказаться – сексуальные контакты в обмен на молчание. Кибуц населением около 400 человек – место маленькое, все друг друга знают, и слово, сказанное о девочке, будет известно всем буквально в тот же день.

Областной суд, где шёл первый процесс, оправдал всех обвиняемых. Свидетельство девочки не вызвало доверия у судей, подросткам же, наоборот, суд поверил. И самое главное – и та, и другая сторона соглашались с тем, что девочка ни разу не сказала слова «нет». Соответственно, решил суд, нет и изнасилования – ведь не было ни сопротивления, ни даже отказа. Оправдание подростков вызвало жёсткую негативную реакцию в средствах массовой информации, и прокуратура опротестовала решение в Верховном суде. В центре юридического спора оказалось толкование того, что можно считать изнасилованием.

Закон гласит – изнасилование есть секс с женщиной без её свободного согласия. Что же такое свободное согласие, и как трактовать молчание – как «да» или как «нет»? Президент Верховного суда Меир Шамгар вынес прецедентное решение, которое стало вехой в борьбе женщин за свою свободу и безопасность. Решение опиралось на многочисленные прецеденты и источники права, и первым из них была цитата из статьи Эстриха в журнале юридического факультета Йелльского университета – «Взгляд на женщин как на автономных людей подразумевает то, что они знают значение своих слов – в случае, если они хотят секса, они говорят «да», а в случае, если не хотят – «нет». Однако это подходит для случаев, если у женщины есть свобода сказать «да» и силы сказать «нет».

Защита подростков строилась не только на опровержении слов девочки, но и на аргументе «фактической ошибки». Если незнание законов не освобождает от ответственности, ошибка в оценке положения вещей является достаточным основанием для оправдания, так как в этом случае у подсудимого нет «mens rea» - субъективной стороны преступления. Иначе говоря, если подсудимый был уверен в том, что женщина дала согласие, то его нельзя осудить за изнасилование. Однако не каждая ошибка освобождает от ответственности, а лишь искренняя и такая, которую может совершить обычный человек.

Судья Шамгар посвятил не одну страницу своего решения анализу того, как может ошибаться мужчина относительно согласия женщины. Что происходит в случае, когда девочка четырнадцати лет не говорит ни да, ни нет? Может ли нормальный человек поверить в то, что девочка согласна на секс с семерыми? Принимая во внимание то, что любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого, Шамгар всё-таки пришёл к однозначному выводу – нет, такая ошибка не является ошибкой нормального человека. Обвиняемые просто-напросто закрыли глаза на последствия своих поступков, не проявив малейшего интереса к чувствам своей жертвы – закон оказался не на их стороне.

Одним из центральных моментов процесса в суде низшей инстанции, оправдавшей подростков, стали свидетельства членов кибуца о поведении девочки, говорящих о её распущенности и о том, что она «искала мужского общества». Судья Шамгар раскритиковал такую линию допросов, процитировав статью из газеты «Сан Франциско Кроникл» от 1971 года. Речь шла об оправдании насильника на основании свидетельств о доступном поведении его жертвы в прошлом. «Когда человека ограбили, судят грабителя. Когда человека убивают, то судят убийцу. Но когда женщину изнасиловали, перед судом предстаёт не насильник, а его жертва». Не зря в том же году, когда произошло изнасилование в кибуце Шомрат, изменился уголовный закон.

Поправка к закону, которую кнессет принял в 1998 году, гласила: «Суд не должен разрешать допрос жертвы сексуального преступления о её сексуальном прошлом, кроме исключительных случаев, необходимых для того, чтобы избежать несправедливости по отношению к обвиняемому». Эта поправка положила конец унижительной практике допроса жертвы изнасилования, превращающей её саму в подсудимую, и решение Верховного суда показало приверженность судебной системы этому закону.

«Человек, который хочет зайти в дом, прежде всего должен постучать в двери и попросить разрешения войти. Если же он проникает в дом без разрешения хозяина, он вторгается на чужую территорию, и ведут себя с ним соответственно. Таков закон с начала времён, и сейчас он подкреплён «Основным законом о достоинстве и свободе человека», защищающим право на собственность. И если закон защищает имущество, которое принадлежит человеку, не должен ли он в ещё большей мере защищать тело человека и его достоинство, стоящие намного выше его имущества?» Такой риторический вопрос задал судья Хешин, согласившись с решением Шамгара и признав четырёх подростков виновными в изнасиловании.

Для назначения наказания дело вернули в областной суд, где трое подсудимых получили по 15 месяцев лишения свободы, а четвёртый – 12. Решение же Верховного суда стало, как и сказал судья

Гольдберг, согласившийся со своими коллегами, той самой «красной лампочкой», свидетельствующей о неисправности в общественном механизме. С тех пор суд стал человечнее относиться к жертвам сексуальных преступлений – хотя, как убеждены многие адвокаты, за счёт прав обвиняемых, оправдать которых с каждым годом становится всё труднее и труднее.

Работающая мать и налогообложение

Дело 4243/08 – Налоговое управление Тель-Авивского района против Веред Пери

В нашем мире есть всего две неизбежные вещи – это смерть и налоги, писал Бенджамин Франклин в 1789 году. Несмотря на научный и технический прогресс в течение прошедших с тех пор столетий, слова отца-основателя американской демократии и изобретателя громоотвода до сих пор актуальны. Нормальное функционирование государства невозможно без налогов, и основной налог, который взимается с населения – подоходный. Подоходный – это значит, что из прибыли надо вычесть расходы, и тогда получится доход, который и облагается налогом.

Казалось бы, что может быть скучнее налогового законодательства? Конечно, оно представляет интерес для владельцев собственного дела, которым необходимо знать, какие траты можно «списать» как расходы на бизнес. Обед с клиентами в ресторане, обучение на курсах повышения квалификации или в университете, в конце концов, кофе и туалетная бумага для офиса – все эти вопросы рассматривались налоговым управлением, а потом и судами, в которые обращались недовольные налогоплательщики. А видел ли кто-нибудь человека, довольного налогами, которые он платит? Вопрос, по-моему, риторический.

Что же касается обычных наёмных работников, получающих свою зарплату, с ними всё гораздо проще. Расходов на бизнес у них никаких, поэтому налог высчитывается по тарифной сетке – хотя, конечно же, и здесь ничего простого не бывает, и понять всю систему начисления налоговых льгот, полагающихся в каждом конкретном случае, в состоянии только специалист. Для этого существуют специальные фирмы, проверяющие, не слишком ли много налогов содрало с работника государство, и возвращающие разницу за вычетом своей прибыли, с которой они тоже платят налоги.

Итак, с теми, кто платит зарплату, всё более или менее ясно. Вернёмся к людям, работающим «сами на себя» - индивидуальным предпринимателям. Что касается расходов на ведение бизнеса, то все должны быть равны перед законом, это же основное правило современной демократии. Однако есть формальное равенство перед законом, а есть объективная реальность – и иногда они не совпадают. Например, всегда ли равны мужчина и женщина? Может ли формальное равенство по закону привести к неравенству в действительности?

Веред (в переводе с иврита - Роза) Пери не отказалась от материнства в пользу адвокатской карьеры, удачно совмещая воспитание двоих детей и работу в собственной юридической фирме. Но за всё приходится платить – и за право посвятить себя трудоёмкой работе адвокатом пришлось платить за недешёвый детский сад и продлённые группы для детей. Но если бы не детсад, не работать Веред адвокатом – часы работы у юристов складываются в ненормированный рабочий день, а проще говоря – от зари до зари.

Веред потребовала от налогового управления признать деньги, потраченные на детей в рабочее время, расходами на бизнес. Логика в этом простая – без этих расходов и, соответственно, рабочего времени, которое они предоставляют, управлять своей юридической фирмой просто невозможно. Налоговое управление, трепетно относящееся к доходам государства, было категорически против, и юристу не оставалось ничего иного, как пойти проторенной дорожкой – в суд.

В окружном суде налоговые власти объяснили, почему они не согласны на списание расходов на детей. Еда, лекарства и прочие расходы такого рода – тоже неизбежные, но частные траты, и они не связаны с профессиональной деятельностью. Так и уход за ребёнком нельзя сопоставить с покупкой офисного оборудования или зарплатой секретарше, это не те расходы, которые необходимы для ведения бизнеса. Областной суд не согласился с доводами традиционно самых непопулярных представителей государства, и решил дело в пользу женщины. Конечно же, этим решением не

была удовлетворена проигравшая сторона, и дело перешло в Верховный суд.

Судья Элиэзер Ривлин начал своё решения с простого определения: «Является ли расход по уходу за ребёнком, необходимый для продолжения профессиональной деятельности, расходом по бизнесу? Это юридический вопрос, стоящий перед нами, и кажется, что закон даёт на него только один ответ». Однако ответ этот оказалось не так уж и просто найти, и для этого потребовался детальный анализ закона и принципов налогового права.

Налоговое право, оказывается, неразрывно связано с тем, как выглядит современное общество, и с тем, каким бы нам хотелось его видеть. Если раньше была чёткая модель семьи – муж делает карьеру, а жена сидит дома с детьми, то сегодня общество изменилось, и карьерой озабочены оба родителя независимо от пола. И в самом деле, на дворе XXI век, нельзя ожидать от женщины отказа от карьеры в пользу материнства – но и материнство не должно пострадать.

Суд разделил расходы на ребёнка на две категории. В одну попали траты, необходимые для того, чтобы дети не оказались одни дома, брошенные на произвол судьбы, – например, оплата детского садика или няни. В другой категории – кружки и секции, в которых дети не столько проводят время, сколько обогащаются грузом полезных (по крайней мере, в теории) знаний. В наш компьютеризированный век, сказал суд, можно легко отделить одно от другого – всё записано и учтено. Поэтому первая категория входит в деловые расходы, а вторая – нет.

Так работающая мать получила возможность продолжать вести юридический бизнес, а государство лишилось своих доходов, смириться с чем оно не смогло. И года не прошло с момента вынесения решения Верховного суда, как правительство чётко прописало в законе – затраты на ребёнка не являются расходами на бизнес. Теперь уже дело не в толковании закона и определении

частных и бизнес-затрат – буква закона написана чётко, и толкованиям не подлежит. Так оказалось, что победа женщины-юриста в суде была аннулирована правительством и кнессетом, и теперь борьба перешла на политическое поле, где с аппетитами государства будут сражаться общественные женские организации.

Равные права и разная зарплата

Багац 1758/11 – Орит Горен против «Хоум Сентер»

Трудно поверить в то, что избирательные права ещё в недавнем прошлом не распространялись на женщин – по старым обычаям и законам голосовали только мужчины. Поразительно, но некоторые страны европейской демократии дали это право женщинам только после Второй мировой войны, например, Португалия – аж в 1974 году. Нечего и говорить о странах Ближнего Востока, где положение женщины традиционно подчинённое – впрочем, в единственной демократии на Ближнем Востоке, в государстве Израиль, женщины голосовали с момента образования страны.

Однако дискриминация может проявляться не только в праве на участие в выборах. Гораздо более ощутимый и чаще распространённый случай – экономическая дискриминация. Зарплаты в капиталистических странах – дело очень личное и тайное, никто не знает, сколько получает сотрудник, работающий за соседним столом, поэтому можно кому-то платить одну сумму, а кому-то другую. Но, как известно, статистика знает всё, и выяснилось, что женщинам очень серьёзно недоплачивают. Причём недоплачивают только за то, что они женщины – мужчинам за ту же работу платят больше.

И вот в 1996 году кнессет принял «Закон о равной зарплате трудящегося и трудящейся» (далее именуемый «Законом о равной зарплате»). Закон этот запретил работодателям платить женщинам меньше, чем мужчинам за ту же работу. Нарушившие закон недобросовестные работодатели должны были выплатить разницу в зарплате задним числом, однако бремя доказательства, лежавшее на хрупких плечах женщины, было нелёгким.

Прошло два года, и кнессет издал ещё один закон – «Закон о равных возможностях на работе». Этот закон защищал не только женщин, но и всех, кто подвергается дискриминации на рабочем месте, независимо от пола, возраста, национальности и вероисповедания. В случае, если дискриминацию удаётся доказать,

пострадавшему (или, в нашем случае, – пострадавшей) полагается компенсация без необходимости доказывать сумму ущерба, что, конечно же, существенно облегчает судебный процесс.

В 1997 году Орит Горен устроилась на работу в магазине «Сделай Сам» - «Хоум Сентер», где работала продавщицей в отделе рабочего инструмента. Получала она негусто – 17 шекелей в час, меньше пяти долларов. А рядом с ней трудился Стефан Мор, отличавшийся от неё только тем, что был он мужчина, да ещё зарплатой – получал он 26 шекелей в час. Нанимались на работу они вместе, и сдружились на рабочем месте до той степени близости, когда коллеги делятся друг с другом самым сокровенным – размером своей зарплаты.

Орит страшно не понравилась такая ситуация – ведь стаж у них был одинаковый, работали так же, а платили мужчине в полтора раза больше. Ничто так не ранит людей, как несправедливость, – и Орит потребовала от руководства поднять ей зарплату до соответствующего уровня. А в ответ – тишина. Девушка послала начальству ещё пару писем, которые постигла та же судьба, и в сердцах уволилась.

Сердца обиженных требуют справедливости, и Орит пошла искать справедливости в суде. Суд по трудовым делам в Израиле защищает права трудящихся и настроен весьма решительно. Рассмотрев дело, суд принял сторону работницы и постановил, что «Хоум Сентер» нарушил оба закона – и «Закон о равной зарплате», и «Закон о равных возможностях». По первому закону Орит присудили 6,944 шекеля – разницу между её зарплатой и зарплатой её коллеги Стефана, а по второму – компенсацию, сумму которой решили сделать такой же, что и по первому. Таким образом Орит получила 13,888 шекелей, и было это в 2001 году.

Недовольны оказались обе стороны. Как обычно, тот, кого заставили платить, решил, что это много, а тот, кому должны заплатить, – что это мало. В результате Орит снова встретилась со своими бывшими работодателями уже в более высокой инстанции –

Главном суде по трудовым спорам. Высшая инстанция оставила от компенсации только половину, решив, что разница в зарплате между мужчиной и женщиной не является автоматическим нарушением «Закона о равных возможностях». И было это в 2007 году.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается, и обжалование в Багац было рассмотрено в 2011 году, спустя 14 лет после увольнения. Судья Дорит Бейниш, к тому времени уже вышедшая на пенсию в должности президента Верховного суда, вынесла прецедентный приговор. В отличие от судей Трудового суда, которые потребовали от работницы статистики зарплат и других широкомасштабных доказательств нарушений закона, судья Бейниш постановила, что такое требование практически невыполнимо для простого работника. И действительно, как может простая продавщица предоставить в суд статистическое распределение зарплат, кто ей даст такую информацию и как она будет её обрабатывать?

Судья Бейниш пришла к логическому выводу – в тот момент, когда женщина доказала, что её зарплата была меньше мужской, доказывать отсутствие дискриминации должен работодатель. У него и сил больше, и возможностей, да и в конце концов, вся информация и так находится у него. И если уж хозяин решил платить женщине меньше, чем мужчине, за одну и ту же работу – теперь пусть доказывает, почему это не дискриминация. Что ж, логика здесь железная, не «женская».

Судья Нил Хендель, поддержавший Бейниш, процитировал слова профессора Катерин Макиннон - «Без равенства в зарплате нет равенства между мужчиной и женщиной в капиталистическом обществе». Так, пройдя 14 лет судебных тяжб, одиннадцать судей и три инстанции, Орит Горен добилась справедливости для себя и для всех трудящихся женщин.

Ошибка президента и создание прецедента

Дело 3372/11 – Моше Кацав против государства Израиль

Израиль – государство парламентской демократии, как и Англия. Но в Англии глава государства – королева, а королей в Израиле нет ещё с давних, библейских времён. Поэтому вместо королевы в Израиле есть президент, чья должность в современном государстве аналогична должности современной королевы Англии, а именно – представительская. Президент присутствует на официальных торжествах и важных событиях, навещает в больницах раненых солдат, офицеров и граждан, пострадавших от арабского террора, а также занимается сбором пожертвований на благие цели – развитие науки и помощь инвалидам. Да, и ещё у президента есть реальные полномочия – он может амнистировать преступников. Вот, пожалуй, и всё.

Первым президентом Израиля стал Хаим Вайцман. Он родился на задворках Российской империи в многодетной семье, в возрасте 18 лет уехал учить химию в Германии, в 25 лет стал доктором химии во Фрайбургском университете, а в 34 года – профессором Манчестерского университета. Научная карьера была не единственным занятием Вайцмана, и ещё будучи пятнадцатилетним юношей он основал общество изучения иврита, а точнее – возрождения забытого языка.

В 1915 году у англичан закончился ацетон, необходимый для производства взрывчатых веществ, и морская держава оказалась в опасности – запасы необходимых веществ для изготовления ацетона находились в Германии, на территории противника. Профессор Вайцман изобрёл новый способ добычи ацетона методом ферментации, империя была спасена, и Ллойд Джордж с Черчиллем выразили учёному личную благодарность. Именно это открытие сыграло значительную роль в признании Британией права на Еврейское государство в Палестине.

Восьмой президент Израиля, Моше Кацав, родился в Иране и в 1951 году, в возрасте пяти лет, репатриировался в Израиль. В те годы

репатриантов, прибывавших из арабских стран, селили в лагерях на периферии, и семья Кацав попала на юга, в окрестности городка Кирьят-Малахи. Позже семья переехала в сам городок, где Моше стал первым в его истории студентом, поступив в Иерусалимский университет на факультеты экономики и истории. Впрочем, научная карьера не привлекла Кацава, и уже в 24 года он впервые занял должность председателя районного совета Кирьят-Малахи.

Дальнейшая политическая карьера складывалась удачно – в 32 года Моше Кацав избирается депутатом кнессета, в 36 становится замминистра, а в 39 – самым молодым в истории Израиля министром. С тех пор он сменил несколько министерских портфелей, от министра транспорта до министра по делам арабского сектора (кстати, в этом качестве он стал первым официальным представителем правительства на траурных мероприятиях памяти жертв бойни в КфарКасеме). 1 августа 2000 года Моше Кацав стал восьмым президентом Израиля.

Прошло шесть лет, и в июле 2006 года президент обратился к юридическому советнику правительства с жалобой на вымогательство – бывшая сотрудница канцелярии требовала от него деньги за молчание о якобы имевшем место сексуальном домогательстве. Дальнейшие события развивались по принципу снежной лавины – сперва из потерпевшего президент превратился в подсудимого, потом к обвинениям служащей президентской канцелярии присоединилась бывшая подчинённая Кацава по министерству туризма, обвинившая его в изнасиловании, потом появились ещё две потерпевшие женщины...

Наступил январь 2007 года, и юридический советник правительства публикует черновик обвинительного заключения. Президент страны обвиняется в изнасиловании, сексуальных домогательствах, развратных действиях и принуждении к сексу с использованием служебного положения. Пока длилось следствие, Кацав не подавал в отставку, но после такого обвинения выбора у него не осталось, и президент досрочно сложил с себя полномочия. Теперь у него осталось одно дело – судебное.

В бой вступили адвокаты, и в июне 2007 года было подписано соглашение между прокуратурой и обвиняемым. Согласно договорённости, Моше Кацав признавал вину в сексуальных домогательствах и развратных действиях и получал наказание в виде условного срока. Да, и самое главное – статью об изнасиловании с него снимали в связи со сложностями доказать его в суде. Возмущению женских организаций не было предела, и в Багац поступило сразу несколько исков с требованием отменить сделку. Выступавшие в Верховном суде прокуроры доказали, что шансов довести дело об изнасиловании до победного конца (то есть до признания виновности) у них нет, и Багац не отменил досудебную сделку.

8 апреля 2008 года в зале суда, где должно было состояться заседание по утверждению сделки, «взорвалась бомба» - Кацав заявил, что отказывается от сделки и отвергает все обвинения. Ошеломлённая прокуратура год готовила свой ответ, и в марте 2009 было подано новое обвинительное заключение – на этот раз по бывшему президенту ударили в полную силу, и обвинение включало в себя и изнасилование – то самое, о котором ещё год назад прокуроры заявляли как о недоказуемом. И действительно, сложно поверить, что однажды изнасилованная Кацавом женщина ночью пришла к нему в номер в гостинице, где он внезапно изнасиловал её вновь.

22 марта 2011 года областной суд Тель-Авива приговорил восьмого президента Израиля к семи годам тюремного заключения. Приговор, оказавшийся неожиданностью для большинства израильских юристов, – настолько, казалось, слаба была доказательная база, – не сразу вступил в силу, а был отложен до рассмотрения обжалования. Однако Верховный суд согласился с доводами прокуратуры (как и в прошлый раз, когда те же прокуроры заявляли тому же суду, что у них нет доказательств для осуждения по этому делу), и в декабре 2011 года Кацав начал отбывать свой семилетний срок.

Так родились несколько прецедентов – первый раз президент Израиля пошёл сидеть в тюрьму, первый раз прокуратура доказывала в суде, что у них нет доказательств, первый раз спустя год она доказала в суде, что доказательства есть... А Моше Кацав доказал то, что надо слушаться своих адвокатов и не играть в азартные игры с государством, ибо они плохо заканчиваются.

Еврейское государство и африканский геноцид

Багац 7385/13 – «Эйтан» против правительства Израиля

25 декабря 2003 года в Южном Судане начался геноцид. В соответствии с конвенцией ООН, геноцид – это «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Сам термин ввёл в обиход Рафаэль Лемкин, еврейский юрист, выпускник Львовского университета, получивший степень доктора права в немецком Гейдельберге и эмигрировавший в США. Интересно, что еврейского юриста Лемкина занимал вопрос признания геноцида армян, ставший одним из центральных проектов в его жизни.

Геноцид, унесший за десятилетие жизни более трёхсот тысяч человек, породил миллионы беженцев. Спасавшиеся от преследований семьи преодолевали африканские пустыни и стремились на север. На севере их ждал Египет – а точнее, совсем не ждал, попытавшись плотно закрыть границу со своими южными соседями. Однако сотни тысяч беженцев проникли в Египет и пошли дальше на северо-восток – в Израиль. По сравнению с пылающими деревнями в суданских пустынях Израиль представлялся несчастным «страной молока и мёда», как сказано в Библии. Однако и здесь беженцам оказались не рады.

Рады или нет, а герметично закрыть границу между Израилем и Египтом оказалось невозможно. Сказалась и общая протяжённость пограничной линии, и непростые условия местности, и многовековая специализация бедуинских племён, с древних веков занимавшихся контрабандой. Африканские беженцы всё прибывали, и правительство абсолютно не знало, как с ними поступить. Возникло сразу несколько проблем. Во-первых, их стало слишком много – больше сотни тысяч, что в масштабах Израиля огромная масса людей. Во-вторых, сделать ничего нельзя – конвенция ООН по правам беженцев запрещает высылать людей в страну, где их жизни угрожает опасность. И, наконец, в-третьих – абсолютно непонятно, как отличить настоящих беженцев,

спасающихся от резни, от нелегальных иммигрантов, пробравшихся в Израиль на заработки.

Со времени начала геноцида в Дарфурском округе прошло несколько лет, и неожиданным отзвуком геноцида стало изменение демографии Тель-Авива. Целые районы южного Тель-Авива внезапно превратились в африканские, с населением, практически полностью состоящим из выходцев из Судана, Сомали, Кении, Эритреи, Конго и Ганы. Там есть церкви, мечети, магазины, рестораны, кафе – всё исключительно африканское. Нет там только местных, практически не осталось – местное население вытеснили африканцы.

Далеко не всех устраивает такое положение вещей, и жители южного Тель-Авива, внезапно превратившиеся в меньшинство в своём родном городе, начали протестовать. По их утверждению, политика – а точнее, отсутствие политики – правительства привели к катастрофе. На волне народного гнева возникла организация «Эйтан – центр иммиграционной политики», призванная защитить коренное население города от нашествия нелегальных африканцев. Организация занимается лоббированием, просвещением и юридической борьбой с нелегальной иммиграцией.

В сентябре 2013 года Багац вынес решение о закрытии «депортационной тюрьмы» Саароним – места, где нелегальные иммигранты содержались сроком до трёх лет. По мнению Верховного суда, определить человека в тюрьму на три года без суда и следствия, даже если он незаконно пересёк границу – антиконституционно. В этом случае суд пошёл на редчайший шаг и отменил закон кнессета, призванный бороться с нелегалами. Прошло два месяца с решения суда, и кнессет принял новую поправку к закону о борьбе с нелегалами – на этот раз сократив срок заключения до года, и переместив место заключения из тюрьмы в открытый лагерь в пустыне.

Новый закон вызвал недовольство сразу с двух сторон. Жители (коренные) южного Тель-Авива сочли его беззубым и не решающим

проблему, а правозащитники остались недовольны ущемлениями прав человека. И те, и другие подали обжалование в Багац, и 22 сентября 2014 года Верховный суд в расширенном составе из девяти судей вынес решение. Суд снова отменил закон, принятый кнессетом, что вызвало бурю негодования в политической системе государства – многие политики усмотрели в этом покушение на полномочия кнессета издавать законы и, следовательно, на саму суть израильской демократии.

«Содержание под стражей на срок до года человека, не совершившего преступления и не имеющего возможности приблизить освобождение, является грубым нарушением прав человека», - так написал в своём заключении судья Узи Фогельман. «Высокую цену взимает с человека заключение. Практически нет того права, которое оно не нарушает. Оно отнимает право на свободу и право на достоинство. Человек не в состоянии вести семейную жизнь, и фактически весь его жизненный уклад рушится под воздействием заключения».

«Демократическое общество», – продолжает судья, – «не может на длительное время лишать свободы людей, не представляющих опасности и не осужденных за преступления. Нарушение «Основного закона о свободе и достоинстве человека» не оправдано сомнительной пользой от заключения под стражу. Нарушение права на свободу усиливается длительностью срока содержания под стражей – а нарушение права на достоинство возрастает с неопределённостью относительно срока окончания заключения».

Судя по реакции населения на этот вердикт Верховного суда, подавляющее большинство не согласилось с позицией судей. И тут встаёт принципиальный вопрос – как может в демократическом государстве суд идти вопреки воле народа? Существуют различные подходы к решению этого вопроса, но в государстве Израиль демократия определяется не только как власть народа по мнению большинства, но и охрана прав меньшинства. Именно эту важнейшую функцию и выполняет Верховный суд, и иногда ему приходится принимать непопулярные решения, не добавляющие

судьям народной любви. Однако это цена, которую наше общество платит за единственную на Ближнем Востоке демократию, а Верховный суд – за ту особую ответственность, которую накладывает на него право сказать последнее слово при принятии государственных решений.

Когда в 70-х годах Менахем Бегин произнёс свою знаменитую фразу «Есть судьи в Иерусалиме», он выразил согласие с решением Верховного суда о легитимности поселений в Иудее и Самарии. Прошло 40 лет, и судья Ханан Мельцер сказал на конференции адвокатов в Эйлате: «Нетрудно восклицать «есть судьи в Иерусалиме», когда суд согласился с твоими аргументами. Но в демократическом государстве надо уметь принять то, что есть судьи в Иерусалиме, когда Верховный суд решил в пользу другой точки зрения». Именно эти решения, зачастую неожиданные и непопулярные, сформировали израильское общество и государство – еврейское и демократическое.

От автора

Эта книга была написана в 2016 году. С тех пор прошли годы, и прямо сейчас в Израиле идёт настоящая война за судебную реформу, целью которой является ограничение полномочий Верховного Суда и усиление влияния политиков на судебную систему.

Эта книга - не для юристов, а для людей. В ней я попытался простыми словами, без излишне мудрёных слов и выражений, рассказать о самых важных и интересных делах в истории Государства Израиль. Здесь собраны прецеденты Верховного Суда, но не только они - есть ещё и самые громкие и интересные дела.

Одной из основ современной демократии является принцип разделения властей на три ветви - законодательную (парламент, в Израиле - Кнессет), исполнительную - правительство, и судебную. Принцип независимой судебной системы как силы, сдерживающей власти, разработал Монтескье ещё в XVIII веке, и он был положен в основу Конституции США.

Особенности израильского госстроения заключаются в том, что законодатели и правительство - это одни и те же люди, поэтому независимый от политиков суд, имеющий полномочия и силу защитить людей от власти имущих, очень важен для нашей страны и сохранения демократии в ней, ибо демократия это не только власть большинства, но и защита прав меньшинства. Именно этим она отличается от диктатуры - ведь обычно при диктатуре большинство населения страны обожает диктатора и поддерживает всё, что он творит.

История учит нас тому, что она нас ничему не учит, иначе бы все знали, что первый шаг к установлению диктатуры - это ослабление судебной системы и лишение её независимости, в результате чего она не может сдержать власти и им преданный народ. В этой книге вы найдёте немало примеров того, как Верховный Суд Государства

Израиль боролся с властями Государства Израиль за права и свободы израильских граждан.

Надеюсь, что мой труд будет интересен не только юристам, евреям и сочувствующим, а всем, кто хочет знать, как развивается правовое государство, и чем живёт, и почему не нужно золото ему, когда Верховный Суд имеет. Впрочем, если вас не посещают мысли о режиме и госстрое, в этой книге вы найдёте много интересных, весёлых, грустных и странных историй - ведь за каждым судебным делом и приговором стоит история и люди, которые её создали.

Опыт страны, где Верховный Суд с трудом вырвал у властей права и свободы граждан, и где ни один судья не взял взятку за всю историю государства, может быть - и обязательно будет - важен не только израильтянам, которые хотят знать свою историю, но и всем, кто хочет жить в правовом государстве, ведь не зря сказал Кропоткин: **«Свобода — не именинный подарок. Ее нужно взять; даром она никому не дается»**.

© 2023

Текст - Александр Гамбарян

Графика - DALL·E 2

Верстка электронной версии - Валерий Лукин